

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 11 2021 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 25.11.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

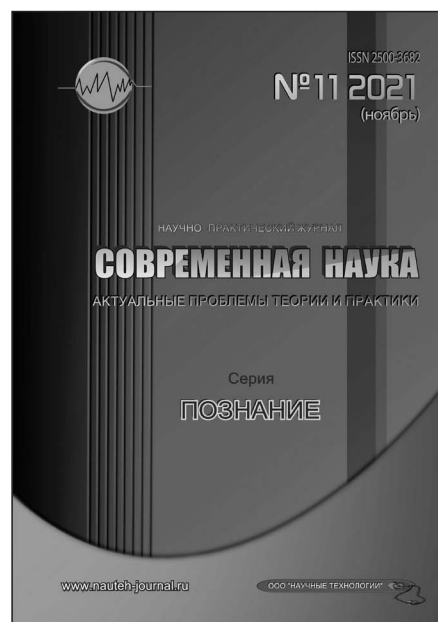
Серия: Познание №11 (ноябрь) 2021 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Кравченко П.Н. – Современная художественная Россия в измерении имагологии
Kravchenko P. – Modern art Russia in the measurement of imagology 5

Чжан Жуй – Сопоставительное исследование танцевальной культуры орокенов в Китае и эвенков в России
Zhang Rui – Comparative study of the dance culture of the Orokens in china and the Evenks in Russia . . . 10

Психология

Гаджиева У.Б. – Воздействие уровня формирования педагогической наблюдательности на взаимодействие с обучающимися
Gadzhieva U. – The impact of the level of formation of pedagogical observation on interaction with students 14

Заболотный Н.В. – Сущность и психологические причины пространственной мобильности
Zabolotny N. – Spatial mobility: a society of change 17

Казанцева Д.Б., Тарасов С.В. – Активные методы обучения для самореализации духовно-нравственного потенциала личности несовершеннолетних
Kazantseva D., Tarasov S. – Active teaching methods for self-realization of the spiritual and moral potential of the personality in minors 21

Мишин Ю.В. – Когнитивно-поведенческие аспекты религиозной и нерелигиозной личности
Mishin Iu. – Cognitive and behavioral aspects of religiousness and non-religiousness personality. 25

Петрова Е.А., Дорофеева Ю.А. – Превенция рисков суицидального поведения: ситуативно-сензитивный подход
Petrova E., Dorofeeva Yu. – Preventing the risks of suicidal behavior: situational-sensitive approach 32

Тужикова Е.С. – Копинг-стратегии поведения и стрессоустойчивость студентов и молодых специалистов противопожарной службы
Tuzhikova E. – Coping behavior strategies and stress resistance of students and young specialists of the fire service 35

Философия

Гусейнова С.Д. – Природа человека, феномен агрессивности и война (некоторые философские аспекты)
Huseynova S. – Human nature, the phenomenon of aggression and war (some philosophical aspects) 39

Мальченков С.А. – Цивилизационная сущность России в трудах современных отечественных исследователей
Malchenkov S. – The civilization essence of Russia in the works of modern domestic researchers 45

Немцева А.В. – Границы телесности: понятие и значение
Nemtseva A. – Limits of corporality: concept and meaning 50

Пугачев О.С., Пугачева Н.П. – Жертва и жертвенность в светской и христианской этике
Pugachev O., Pugacheva N. – Sacrifice and victimhood in secular and Christian ethics 54

Пухир В.М. – Проблема выбора способов поощрения этического поведения в профессиональном коллективе <i>Puhir V.</i> – The problem of choosing ways to encourage ethical behavior in a professional team 59	Сметанкина Л.В., Огарков А.Н. – К истории становления социальной философии XX века: вторая дискуссия об азиатском способе производства <i>Smetankina L., Ogarkov A.</i> – On the history of the formation of social philosophy of the XX century: the second discussion about the Asian mode of production..... 86
Саврей В.Я. – Метафизика в парадигме современного философского дискурса <i>Savrey V.</i> – Metaphysics in the paradigm of modern philosophical discourse 65	Шустов А.Ф. – Социальная составляющая в структуре технической деятельности как возможность контролируемого ее развития <i>Shustov A.</i> – The social component in the structure of technical activity as an opportunity for its controlled development 92
Саврей В.Я. – Ситуация экзистенциальной тревоги и поиск трансцендентного смысла существования <i>Savrey V.</i> – The situation of existential anxiety and the search for a transcendental meaning of existence..... 70	Информация
Свидерский А.А. – Противоречивость ценностно-нормативной регуляции взаимодействия техногенного общества и природы <i>Svidersky A.</i> – Inconsistency of the value-normative regulation of interaction technogenic society and nature 78	Наши авторы. Our Authors..... 96
Скопа В.А. – Гуманизм и гуманная личность в социально-философском дискурсе <i>Skopa V.</i> – Humanism and humane personality in socio-philosophical discourse 81	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 97

СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РОССИЯ В ИЗМЕРЕНИИ ИМАГОЛОГИИ

Кравченко Петр Николаевич

Аспирант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Москва)
petroru@mail.ru

MODERN ART RUSSIA IN THE MEASUREMENT OF IMAGOGY

P. Kravchenko

Summary: Russia is a culturally prestigious country, whose creative figures – writers, musicians and artists – have made and continue to make their contribution to world civilization throughout the history of the state.

Rapid globalization and regional cooperation between national cultures bring the Other's scientific research to life. These studies tend to perceive and interpret the different cultural processes of the partner countries. In the context of imagology, an interdisciplinary approach in the humanities is implemented, which studies persistent stereotypes about "other" nations, cultures and countries from the point of view of another nation or culture.

Keywords: Russia, culture, art, ethnos, imagology, cross-border, cultural program, cooperation, government.

Аннотация: Россия - это престижная в культурном отношении страна, творческие деятели которой – писатели, музыканты и художники – вносили и продолжают вносить свой вклад в мировую цивилизацию на протяжении всей истории государства.

Быстрая глобализация и региональное сотрудничество между национальными культурами воплощают в жизнь научные исследования «Другого». Эти исследования имеют тенденцию познавать и интерпретировать различные культурные процессы стран-партнеров. В контексте имагологии реализуется междисциплинарный подход в гуманитарных науках, который изучает устойчивые стереотипы о «других» нациях, культурах и странах с точки зрения другой нации или культуры.

Ключевые слова: Россия, культура, искусство, этнос, культурная программа, сотрудничество, правительство.

Одним из основных направлений стратегии России в области культуры во внешних отношениях является охват этнических русских за рубежом, испытывающих ностальгические чувства по своей стране происхождения. В настоящее время правительство работает над разработкой новой стратегии. Эта стратегия строится вокруг следующих шести основных тем и задач:

- формирование имиджа России как «великой и известной» страны;
- работа с русской диаспорой;
- распространение русского языка;
- международный академический и студенческий обмен;
- сохранение культурного наследия;
- схема двусторонних отношений с зарубежными странами.

В рамках стратегии планируется систематическая организация различных мероприятий для популяризации исторических достижений России. В последние годы Министерство иностранных дел укрепило свою культурную инфраструктуру за рубежом. Оно отвечает за Россотрудничество, федеральное агентство, созданное для поддержания влияния России в Содружестве Независимых Государств (СНГ).

Российское правительство активно популяризирует культуру, в особенности русских художников, музыкан-

тов, актеров для улучшения имиджа государства в мире. Тогда как в советский период культура использовалась главным образом как инструмент правительства для сохранения целостности коммунистической системы. Сегодня многие ведущие артисты России выступают и живут в разных странах мира, укрепляя имидж русской культуры за рубежом.

Крупные российские компании, такие как Газпром, различные российские олигархи, а также международные корпорации, такие как Группа Ротшильдов, входящая в их попечительские советы, вносит свой вклад в социальные программы крупнейших культурных учреждений России. В настоящее время правительство работает над новой стратегией развития культуры во внешних связях, однако эти изменения в силу пандемии во всем мире идут слишком медленно.

Одним из основных направлений стратегии России в области культуры во внешних отношениях является охват этнических русских за рубежом, испытывающих ностальгические чувства по своей стране происхождения. Еще 12 декабря 2012 года президент В.В. Путин объявил Федеральному Собранию России, что правительство намерено продвигать русскую культуру и язык в своих международных отношениях, увеличивать студенческий обмен.

Таким образом, правительство России желает улучшить имидж страны во всем мире. Культурное наследие России используется как ключевой компонент построения этого имиджа, как маркер российской национальной идентичности и как источник гордости. «Согласно Федеральной целевой программе, именно культура является духовно-нравственной основой страны» [9, с. 139]. Средства массовой информации и Православная церковь – инструменты, которые не менее активно используются государством для реализации своей стратегии развития культуры.

Развитие отношений с русской диаспорой – ключевой элемент российской стратегии. Он осуществляется через организацию недель российского кино, театральные представления, концертов, выставок, литературных дебатов. Культурные взаимодействия сосредоточены на распространении русского языка, особенно в бывших советских республиках, где проживают большие русскоязычные меньшинства. Русский – один из самых распространенных языков в мире, но его использование сокращается.

СНГ и Китай – приоритетные страны для России. В этих странах есть большие русские общины, и именно по этой причине они остаются важными для России. Между ними существует огромный потенциал для расширения культурного сотрудничества и дальнейшего продвижения русской культуры на международном уровне.

Схема двусторонних «Годов культуры» – за последние несколько лет Россия организовала двусторонние «Годы» со следующими странами-членами ЕС: Франция (2010 г.), Италия (2011 г.), Германия (2012 г.), Нидерланды (2013 г.) и Австрия. (2013-14). 2014 год – год Великобритании и России. По мнению Британского Совета, этот двусторонний год стал важным шагом на пути к выстраиванию стратегического сотрудничества между Британским Советом и Министерством иностранных дел России. Кроме того, уровень культурной активности повысился в обеих странах во всех секторах.

Туризм также является частью стратегии России в отношении культуры во внешних отношениях. В Новой Государственной программе на 2013-2020 годы упоминается, что «правительство намерено использовать туристический сектор как инструмент для сохранения и популяризации культурного и исторического наследия России» [1]. Для достижения этой цели он планирует принять меры по раскрытию потенциала своего культурного и творческого сектора и повысить качество и доступность своих туристических услуг для иностранных туристов.

По сравнению со странами-членами ЕС в Российской Федерации мало инструментов и институтов для про-

движения культуры во внешних отношениях, но Россия увеличивает количество центров и бюджет своих агентств, занимающихся продвижением русской культуры и языка за рубежом. Основная ответственность лежит на Министерстве иностранных дел, которое является контактным лицом для российских учреждений и их партнерских организаций за рубежом.

Министерство культуры занимается сохранением культурного наследия и продвижением российского кино. Федеральное агентство по туризму и архивам связано с Министерством культуры и поддерживает международные проекты и учреждения культуры за рубежом. У Министерства культуры есть официальный портал, на котором представлена информация о российской культуре, истории, текущих событиях, а также обзор основных международных партнеров.

Важную роль играет также Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Они несут ответственность за регулирование средств массовой информации, таких как радио, телевидение, Интернет и издательское дело, а также за связь и международные отношения.

Министерство образования и науки отвечает за международное сотрудничество в области науки и образования. Оно регулярно присуждает стипендии иностранным студентам для обучения в России и изучения русского языка.

Россотрудничество – Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Агентство было создано бывшим президентом России Дмитрием Медведевым в 2008 году «для поддержания влияния России в СНГ и развития дружеских связей для продвижения политических и экономических интересов России в зарубежных странах» [8]. Агентство находится в Москве, а Министерство иностранных дел развивает сеть российских научных и культурных центров за рубежом. Сейчас существует 70 центров, а в 2012 году был открыт новый офис в Лондоне.

Президент В.В. Путин поддерживает преподавание русского языка в СНГ, воздействует на удовлетворение культурных и языковых потребностей соотечественников, проживающих за рубежом, и предоставляет учебные материалы примерно в 7000 школ по всему миру, где преподается русский язык. По данным Министерства образования, количество школ, в которых преподается русский язык, увеличивается, и правительство желает отправлять больше русских учителей за границу.

Фонд «Русский мир» – это благотворительный фонд,

созданный совместно Министерством иностранных дел и Министерством образования и науки. Он поддерживается как государственными, так и частными фондами. Был основан в 2007 году президентом В.В. Путиным для популяризации русского языка и культуры во всем мире как важнейшего элемента мировой цивилизации.

«Фонд развивает российские центры в партнерстве с образовательными организациями (в основном университетами) по всему миру. Эти центры поддерживают программы изучения русского языка, имеют библиотеки и управляются людьми разных национальностей» [5, с. 146]. Они также развивают связи с российскими университетами, стараются привлечь иностранных студентов для обучения в России и организуют образовательные выставки.

В Китае, например, они посещают выставки, чтобы продвигать российские университеты в различных городах Китая. Более 10 000 иностранных студентов приезжают в Россию на учебу, и для них создана специальная сеть / платформа для выпускников. Правительство стремится улучшить мировой рейтинг университетов страны.

В России продвижением русской культуры и языка занимаются также следующие органы:

- Институт Пушкина, ответственный за распространение информации о преподавании русского языка. Сертификат Пушкина соответствует стандартам Общеввропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR);
- Госфильмофонд - Национальный кинофонд России, который поддерживает российские фильмы и международное продвижение российских фильмов через организацию кинофестивалей;
- Российская академия художеств (РАХ), некоммерческое учреждение, занимающееся развитием искусства в России. Поддерживает выставки русских художников за рубежом, а также выставки зарубежных художников в России;
- Российский совет академической мобильности (Росам), некоммерческая организация, содействующая международному обмену студентами и учеными.

В России существует семь федеральных округов, в которых вместе функционируют 83 административно-территориальных единицы, занимающихся культурными проектами. «Эти региональные администрации входят в состав Координационного совета по культуре Министерства культуры и имеют полномочия взаимодействовать с иностранными властями» [6, с. 130]. Они играют важную роль, поскольку Россия – этнически разнообразная страна.

Региональные и местные власти в России могут взаимодействовать с иностранными властями, «но их открытость для других стран во многом зависит от губернатора федерального округа» [10, с. 68]. Например, министр культуры Перми начал кампанию по «открытию» программы «Культурная столица Европы» для стран, не входящих в ЕС. Несмотря на то, что города страны не имеют права на участие в программе, он подал заявку на то, чтобы город Пермь стал культурной столицей Европы после 2020 года, и несколько раз посетил Брюссель, чтобы защитить свое предложение. Когда он переехал в Москву и начал работать в Министерстве культуры России, новый губернатор, менее «европейски настроенный», отозвал заявление своего предшественника.

Не так давно Россия подписала соглашения о сотрудничестве с Бразилией. Хорошим примером проекта российской культурной дипломатии в Бразилии является Школа Большого театра в Бразилии. Это единственная школа знаменитого Большого театра за пределами Москвы, которая предоставляет стипендии, включая питание, форму, транспорт, медицинскую помощь и физиотерапию для малообеспеченных детей из семей города Жоинвиль в южном штате Санта-Катарина.

В последние годы отношения между Россией и Китаем быстро развиваются и углубляются. В связи с последними событиями политического и культурного характера роль России и Китая на мировой арене усиливается, в течение особенно 2010-2020 годов этот процесс шёл чрезвычайно быстрыми темпами, оказывая огромное влияние на международную обстановку.

Однако не только внешние ситуативные обстоятельства влияют на сближение России и Китая. Сближение двух стран – это естественный процесс, обусловленный, прежде всего, внутренними причинами, поскольку наши страны – это давние соседи, они имеют большую общую границу и большие общие интересы. Из этого факта логически вытекают и усиление среди китайского населения интереса к русскому языку.

Актуальность изучения и качественного преподавания русского языка возрастает с каждым днем. Язык – это средство коммуникации, очень важное для культурного обмена между двумя странами. Без него нам трудно связываться. Конечно, «проблема межкультурной коммуникации на любом языке не сводится исключительно к языковой проблеме. Знание языка носителя иной культуры необходимо, но еще недостаточно для адекватного взаимопонимания участников коммуникативного акта» [7, с. 68].

Как показала практика, даже глубокого знания иностранного языка недостаточно для эффективного общения с его носителем: каждое слово другого языка от-

ражает другой мир и другую культуру. Главная задача в изучении иностранных языков как средства коммуникации заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Поэтому в целях развития дружбы и культурных обменов между двумя странами изучение русского языка, даже русской культуры стало незаменимой дисциплиной для нашей страны в Китае. А как русский язык и русская культура развивают и как они становятся основными дисциплинами в восприятии в Китае, являются следующим исследовательским фокусом автора.

Ученые выделяют несколько форм межкультурной коммуникации. Например, «аккультурация как форма межкультурной коммуникации. Культурные контакты являются важным компонентом общения между народами. Аккультурация представляет одновременно процесс и результат взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (культуры-реципиента) перенимают нормы, ценности и традиции другой (культуры-донора)» [2, с. 93]. Фактически понятие аккультурации синонимично понятию межкультурной коммуникации, «его содержание отражает различные формы коммуникации культур» [3, с. 578].

Музыкальная культура является органической частью культуры народа, к которому принадлежит каждый человек, или среди которого он живет. Без музыки, в том числе и песенного фольклора, трудно убедить индивида, который изучает этот мир, в том, что человек прекрасен. А это убеждение, по сути, является основой эмоциональной, эстетической, нравственной культуры этноса [4].

Считается, что знание русского песенного фольклора какого-то народа является знакомством с этим народом, так как именно через песенный фольклор открывается сама сфера духовности каждого этноса. С позиции музыки, роль русского песенного фольклора в мировой культуре неопределима, ведь простая народная музыка, подобранная и филигранно заточена на народный вкус, в сочетании с текстом воплощают отношение народа к действительности.

Народная песня не существует без мелодии, вызывает слуховые впечатления и образы у самих участников выполнения произведения и у его пассивных слушателей. Неоднократное повторение любимых фольклорных песен укрепляло индивидуальные и коллективные традиции прадедов. Через песню передавались те чувства и переживания, которые невозможно и недостаточно было просто выразить словами. Характерная мелодия создавала соответствующее настроение и атмосферу. Такая песня способна окрылять, повышать настроение, вдохновлять на смелые, а порой и отчаянные поступки.

Китайское население отлично понимает, что фольклорная песня, как результат духовного труда этноса многих веков, является чрезвычайно ценным культурным достоянием русского народа. Она пропитана гуманными и свободолобивыми идеями, развивает и преподносит все, что есть хорошего и доброго в человеческой душе, питает чувство красоты, поддерживает национальное сознание и историческую традицию. Едва ли не сама роль песни - это бороться с проблемой угасания следов духовной деятельности человека с течением времени.

Китайцы также поддерживают мнение, что русская фольклорная песня - это четкий фактор региональной принадлежности. Определенный процент стилистически маркированной лексики в песне выдает ее корни; диалектизмы, просторечия совсем не портят впечатление от песни, а наоборот, добавляют особенный шарм. Изучение диалектов на базе песенного фольклора дает информацию об устойчивых выражениях, фонетическом различии и тому подобное.

Подводя итоги исследования, отметим, что изучение вопросов развития современной художественной России в контексте имагологии является актуальным. Анализ специфики популяризации и укрепления русской культуры и искусства доказывает тот факт, что правительством страны разработано достаточно различных программ и концепций, которые позволяют изучать лучшие традиции русской культуры, как в масштабах государства, так и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения - 19 октября 2021 года)
2. Будаева З.А. Аккультурация как доминирующий теоретический маркер проявления процессов глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. - 2014. - № 6-2. - С. 91-95.
3. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М.: Гардарики, 2003. - 615 с.
4. Министерство образования Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nic.gov.ru/ru/inworld/countries/China> (дата обращения - 15 октября 2021 года)
5. Соколов М.С., Борисов А.В. - «Русский мир» как глобальный проект // Национальная безопасность / nota bene. - 2017. - № 3. - С. 143 - 150.

6. Тлостанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. - Т. 5. - С. 126-149.
7. Ушанова И.А. Перспективы развития теории аккультурации в глобализованном мире // Вестник Новгородского университета. - 2003. - № 24. - С. 65-70.
8. Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/foiv035> (дата обращения - 15 октября 2021 года)
9. Федорец М.Н. Федеральные округа: значимость и роль в государственно-территориальном устройстве Российской Федерации // Государство и право: журнал. - М.: Наука, 2018. - Октябрь (№ 10). - С. 139.
10. Черкасов К.В. Федеральные округа: сущность и место в территориальном устройстве России // Государство и право: журнал. - М.: Наука, 2008. - Декабрь (№ 12). - С. 68.

© Кравченко Петр Николаевич (). petroru@mail.ru

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРОКЕНОВ В КИТАЕ И ЭВЕНКОВ В РОССИИ¹

Чжан Жуй

Доцент, Хэйхэский университет (Хэйхэ, КНР)

1171052345@qq.com

COMPARATIVE STUDY OF THE DANCE CULTURE OF THE OROKENS IN CHINA AND THE EVENKS IN RUSSIA

Zhang Rui

Summary: The article examines two dance cultures – the Oroken people living in China and the Evenki people living in Russia. It is noted that the dance art of each of these ethnic groups has a rich cultural history. Folk dance reflects the development of the people, their life over the centuries of existence, in particular, the cultural traditions of hunting, fishing, as well as religious beliefs. The study of the dance culture of the peoples of China and Russia requires active cooperation of scientists from the two countries, which will contribute to the preservation of the cultural heritage and the development of small peoples.

Keywords: Oroken, China, Evenki, Russia, folk dance, dance culture, ethnos.

Аннотация: В статье рассмотрены две танцевальные культуры – народа орокенов, проживающих в Китае, и народа эвенков, проживающих в России. Отмечается, что танцевальное искусство каждого из данных этносов имеет богатую культурную историю. Народный танец отражает развитие народа, его жизнь на протяжении веков существования, в частности, культурные традиции охоты, рыбной ловли, а также религиозные верования. Изучение танцевальной культуры народов Китая и России требует активного сотрудничества учёных двух стран, которое будет способствовать сохранению культурного наследия и развитию малых народов.

Ключевые слова: орокены, Китай, эвенки, Россия, народный танец, танцевальная культура, этнос.

Танцевальная культура орокенов в Китае и эвенков в России имеет много общего, однако в обоих случаях она отражает особенности национально-го развития и историю этносов, поскольку танец у этих народов обладает собственными уникальными национально-культурными чертами, способствует сохранению национальных традиций и основан на глубокой интеграции разных видов искусств. В культуре народа орокен предметом исследования становятся традиционные праздники и кулинария [7], изобразительное искусство [8] и другие составляющие. В культуре эвенков исследователей привлекают песенное искусство [4], традиции инициации [9] и некоторые другие аспекты, в том числе танцевальное искусство [3; 6]. Танцевальная культура данных народов, тем более в сопоставлении, является пока недостаточно изученной.

Цель статьи – обратившись к истокам танцевальной культуры двух народов, выявить её сходства и различия, роль истории в формировании танцевальных движений и стратегии танца. Анализ танцевальной культуры поможет лучше изучить национальную культуру каждого из этносов.

Этнические меньшинства китайских орокенов и русских эвенков имеют свои собственные уникальные стили в танцевальном искусстве, сформировавшиеся в условиях длительного существования этносов. Танец представляет собой богатый и ценный культурный ресурс китайских и русских этнических меньшинств. Сравнительное исследование танцевальной культуры китайского этноса орокен и русского этноса эвенков дает более глубокое понимание быта, обычаев, истории данных народов.

Китайский народ орокены проживает в Китае в основном в автономном районе Внутренняя Монголия и провинции Хэйлунцзян. Орокены – одно из этнических меньшинств с небольшим населением на северо-востоке Китая. Это нация охотников, поэтому их одежда, пища, жилье, транспорт, пение и танцы – все демонстрирует характеристики охотничьей нации. В основном орокены живут в лесах Даксинганских гор и говорят на орокенском языке, который принадлежит к тунгусской ветви алтайской языковой семьи и не имеет письменной формы [5]. В ходе длительного развития охотничьего производства и социальных практик орокены создали богатую и красочную духовную культуру, включающую устную

¹ Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта 2020 г. Исследование в области философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян «Сравнительное исследование трансграничной этнической танцевальной культуры Китая и России». Номер проекта: 20YSC161.

литературу, музыку, танцы и пластические искусства.

Эвенки являются национальным меньшинством, проживающим в России. Будучи типичными представителями небольшой этнической группы на севере России, эвенки являются коренным народом Российской Федерации. Их традиционные верования – шаманизм и ламаизм, а современное – христианство. Половина эвенков в современной России проживает в Эвенкийском автономном округе, который образован в 1930 году, а в 2007 году был присоединен к Красноярскому краю. Округ раскинулся от реки Оби до Охотского моря и от Северного Ледовитого океана до Сахалина. Эвенки в России когда-то заселяли 70 % территории Сибири. Традиционные промыслы эвенков – это разведение северных оленей и охота.

И танец китайского этноса орокен, и танец эвенков неотделимы от рыбной ловли, охоты; они отражают историю производства, труда и быта поколений. Многие традиционные формы танца произошли от национальных жертвоприношений, охоты, рыбной ловли и производственной деятельности, ритуалов и т.д. Танцы имитируют передвижение диких животных, демонстрируют подражание танцующих их привычкам. При этом наблюдается явное сходство танцев разных этносов, для объяснения которого необходимо более глубокое изучение истории и культуры народов, отношений между ними. Такой анализ, основанный на культурной интеграции, будет способствовать укреплению единства, дружбы и взаимопомощи между названными этническими меньшинствами. Для этого сравним танцевальную культуру ороконов в Китае и эвенков в России.

Народ ороконов за долгую историю создал свою уникальную и красочную музыку, танцы, народные сказки и другие культурные и художественные формы народного творчества. Большинство этих драгоценных форм искусства отражают благородный характер народа ороконов и его стремление к лучшей жизни.

«Танец» на языке ороконов называется «люригерен». Танцы можно условно разделить на развлекательные, трудовые и ритуальные. Независимо от типа танца, скорость его исполнения варьируется от медленной до быстрой, а заканчивается выступление интенсивным движением. Танцевальные представления ороконов обычно сопровождаются не игрой на музыкальных инструментах, а чтением текста и пением. Основные движения ног в танце – перескакивание, борьба ногами и др. В сопровождающих танец песнях часто звучат слова: «Цзехуэй, цзехуэй», «Эхудеху» и др., а также используются ритмические песенные элементы, такие как «Жехэжэ» и «Цзяхэцзя». Доминируют в танце движения, имитирующие поведение животных, а в пении – их вой. Например, «Птичий танец» – это масштабный танец, ими-

тирующий движения нескольких птиц. Исполнители делятся на две команды, разделенные расстоянием более десяти метров. Локти, запястья и пальцы танцоров волнообразно раскачиваются, указывая, к примеру, на то, что дикий гусь летит. Под крики «Гай Су Гай» две команды встречаются, каждая из них вращается по кругу, а руки танцующих образуют полукруг над головами, что указывает: гуси устремляются в небо. Фраза «Гай Су Гай» звучит оглушительно в тот момент, когда люди, как группа гусей, соединяются [1].

В многовековой истории и общественной жизни эвенков религиозные верования являются очень важной духовной и культурной составляющей, представляя собой продукт охотничьей культуры. Древний традиционный шаманизм проникает в духовную сферу эвенков, его характерными чертами являются концепция поклонения природе, примитивное понимание защиты природы и уникальное знание о небе, солнце, луне и звездах, а также форма поклонения им. Традиция эвенков велит: уважайте природу, продолжайте поклоняться животным, тотемам и предкам. Это отражается в танце, который, строго говоря, не является отдельной художественной системой, потому что полностью интегрирован в жизнь эвенков и проявляется в повседневной жизни, работе и жертвоприношениях. Изучение повседневных обычаев эвенков позволяет условно разделить их танцевальное искусство на две категории: одна – это религиозный танец, который во многом совпадает с исполнением жертвоприношений народом орокен; другой – бытовая форма танца, которая в основном используется в жизни, например, при праздновании охоты и счастливого урожая [10].

В силу исторических причин орокены в Китае и эвенки в России несколько изменили свои танцы в разных этнических ареалах. После основания Нового Китая некоторые этнические группы в нём прошли путь от конца первобытного общества к начальной стадии рабовладельческого устройства общества, минуя несколько социальных форм, и непосредственно вошли в социалистическое общество. При этом у данных этносов, к числу которых относится орокены, осталось множество примитивных культурных памятников. Примерно так же развивался этнос эвенков на территории СССР. Танцевальные формы китайского этноса ороконов и российских эвенков являются отражением этого процесса, зафиксированным в танце.

В настоящий момент танцевальное искусство данных народов требует внимательного изучения на фоне китайско-российской культурной интеграции.

Танцевальные ритуалы ороконов в Китае и эвенков в России в основном отражают традиции охоты, собирательства, производства, жизни и жертвоприношений;

они восхваляют храбрость и национальную самобытность данных этнических групп. Между танцами двух этносов наблюдаются сходство и различия, которые обозначим далее.

Развитие китайского и эвенкийского танца отражало следование этносов природе. Изучая танцы ороконов в Китае и эвенков в России, мы можем увидеть, что танец воссоздаёт многие микрокосмы жизни, показывая труд людей, жертвоприношения и др. Восстановление прошлой жизни этноса, его истории посредством исследования танца помогает глубже понять обычаи, проблемы повседневной жизни и социально-экономического развития двух народов. В древности и в наши дни танцы каждой эпохи отражали культурный фон и идеологию конкретного времени; своими уникальными динамическими характеристиками и структурными формами они транслировали социальную и природную основу каждого пережитого этносом исторического этапа. Следовательно, в процессе изучения танца ороконов и танца эвенков необходимо неукоснительно следовать естественным народным обычаям и социальным природным формам, воссоздаваемым на фоне времени, что имеет большое значение для содействия развитию танцевальной культуры в двух странах.

Нетрудно обнаружить много общего между танцевальной культурой ороконов и эвенков в двух странах, и это сходство очевидно, в то время как отличия не так значимы, да и не велики. Например, сходство состоит в заимствовании танцевальных элементов из жизни и формировании на их основе полного набора танцевальных приёмов, в которых движения тела используются для выражения внутреннего мира человека. Танец этнической группы ороконов отличается тем, что его содержание отражает повседневный труд, охоту, религиозные верования, давая людям ощущение простоты; в то время как танцы этнической группы эвенков почти всегда наполнены таинственными религиозными смыслами; их ритуал полон тайны, а содержание выражается довольно неявно. При этом обе танцевальные культуры ориги-

нальны.

По причине более раннего начала модернизации в России (в СССР) экономическая жизнь, социальная инфраструктура, культурный и образовательный уровень эвенков были подвергнуты трансформациям, и масштабы урбанизации этнической группы эвенков оказались изначально выше, чем у китайской этнической группы ороконов. Хотя модернизация Китая началась поздно, вследствие реформ и гласности народ ороконов в Китае также быстро превратился из сообщества с традиционным экономическим устройством в группу с современной экономикой, в которой сельское хозяйство является основой жизни. Социально-политический статус этноса, экономические условия его жизни, инфраструктура и урбанизация препятствуют сегодня сохранению культуры танца как ороконов, так и эвенков. Обоим этносам не хватает внимания, инвестиций и поддержки для развития танцевального искусства. В современном мире наблюдается действие двух взаимно направленных тенденций. Это тенденция к интеграции народов и этносов (к их объединению и ассимиляции) и одновременно «тенденция к региональному разделению, к политической и культурной автономии малых и средних этносов» [2, с. 30]. Вторая тенденция очень важна для развития каждого этноса на планете, и проявляется она в числе прочего повышением внимания к танцевальной культуре малых народов.

Итак, танцевальная культура ороконов в Китае и эвенков в России в основном сосредоточена на повседневных аспектах жизни, труда и жертвоприношений, представленных танцами. Сравнительное изучение танцевальной культуры китайских ороконов и российских эвенков даёт ученым знания об искусстве, характере производства, жизни, традициях и обычаях данных этносов, способствует более полному пониманию традиций и менталитета их представителей. Эвенки в России и не похожие на них, но очень близкие к ним ороконы в Китае должны приложить все усилия для защиты собственного культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Вэньчжан. Введение в нематериальное культурное наследие. Пекин: Издательство Культуры и Искусства, 2016. 312 с.
2. Крылова М.Н. Введение в языкознание для бакалавров: учебное пособие. Саратов: Вузовское образование, 2014. 275 с.
3. Марфусалова В.П., Егорова М.В. Круговые танцы эвенков // Педагогика искусства. 2020. № 1. С. 127-133.
4. Мохов Е.А. Песенная культура эвенков // Искусство глазами молодых. материалы VIII Междунар. (XII Всерос.) научн. конф. Красноярский: КГИИ, 2016. С. 213-215.
5. Пу Личунь. Исследование образовательной наследственности нематериального культурного наследия этнических меньшинств. Пекин: Издательство Национальностей, 2010. 234 с.
6. Сидорова А.М. Эвенкийский танец в системе ценностей традиционной культуры народов Севера // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 1 (5). С. 37-39.
7. Сунь Ш. Традиционные праздники и кулинарная культура народа ороконов, проживающего вдоль реки Амур // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11. № 2-1.

- С. 12-18.
8. Фу Ч., Ян Го. Изобразительное искусство малых народов, занимающихся лесной охотой в бассейне реки Амур // Культурная жизнь Юга России. 2021. № 2 (81). С. 118-125.
 9. Хороших П.П. Метание маута на хорей в структуре инициации в традиционной культуре эвенков // Человек и культура. 2019. № 6. С. 106-113.
 10. Чжан Чжунмоу. Исследование нематериального культурного наследия. Пекин: Издательство культуры и искусства, 2010. 156 с.

© Чжан Жуй (1171052345@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Хэйхэский университет

ВОЗДЕЙСТВИЕ УРОВНЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ

Гаджиева Ума Басировна

*К.п.н., доцент, Дагестанский государственный университет
umkagb2@mail.ru*

THE IMPACT OF THE LEVEL OF FORMATION OF PEDAGOGICAL OBSERVATION ON INTERACTION WITH STUDENTS

U. Gadzhieva

Summary: This article is devoted to the actual problem of the formation of pedagogical observation, the level of which directly affects the various forms and types of interaction between a teacher and students in the process of teaching activities. The education system at the present stage is undergoing various changes, which in turn impose new requirements on the personality of the teacher. These requirements are based on the high professionalism of the teacher, who must have various system-forming qualities and properties. One of these properties is pedagogical observation, which is one of the most important components of communicative skills. With the help of these communicative skills, social competence and attention to the opinions of other people are ensured, the ability to listen and start a dialogue, take part in the general analysis of emerging difficulties, unite in groups and establish joint effective interaction and partnership between adults and children.

Keywords: pedagogical observation, communication, social competence, interaction, perception, behavior, mental processes, psychophysical states.

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной проблеме формирования педагогической наблюдательности, уровень которой напрямую оказывает влияние на различные формы и виды взаимодействия педагога с учениками в процессе урочной деятельности. Система образования на современном этапе подвергается различным изменениям, которые в свою очередь предъявляют новые требования к личности педагога. Эти требования основываются на высоком профессионализме педагога, который должен обладать различными системообразующими качествами и свойствами. Одним из таких свойств и является педагогическая наблюдательность, которая является одним из важнейших компонентов коммуникативных умений. С помощью данных коммуникативных умений обеспечивается социальная компетентность и внимание к мнению других людей, способность выслушивать и начинать диалог, принимать участие в общем анализе возникающих трудностей, объединяться в группы и налаживать совместное эффективное взаимодействие и партнерство взрослых и детей.

Ключевые слова: педагогическая наблюдательность, коммуникация, социальная компетентность, взаимодействие, восприятие, поведение, психические процессы, психофизические состояния.

Введение

Современный этап развития общества предъявляет высокие требования к системе образования, которая подвергается различным изменениям. И данные изменения затронули саму модель культурно-исторического развития. Но каким бы изменениям не подвергалась система образования главный акцент делается на личности педагога, его профессионализме.

Все основные нововведения системы образования так или иначе связаны с деятельностью педагога. Успешное применение на практике разных инноваций связано с наличием у педагога высокого уровня профессиональных свойств. Именно таким системным свойством и является наблюдательность (В.С. Агеев, Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, Л.С. Выготский, Н.В. Кузьмина, А.Н. Панкратов, А.М. Позднякова, Л.А. Ругуш, и др.).

Современная психология, основываясь на мнении

некоторых ученых, рассматривает наблюдательность важнейшим компонентом коммуникативных умений. Именно благодаря коммуникативным умениям обеспечивается социальная компетентность и внимание к мнению других людей, способность выслушивать и начинать диалог, принимать участие в общем анализе возникающих трудностей, объединяться в группы и налаживать совместное эффективное взаимодействие и партнерство взрослых и детей. Наблюдательность, по мнению многих авторов, напрямую влияет на отчетливость восприятия внешнего состояния разных людей [4, с. 78]. В.Н. Воронин считал, что благодаря наблюдательности обеспечивается четкость определения особенностей человека при социальном взаимодействии. По мнению А.А. Бодалева наблюдательность отвечает за ясность и дифференциацию социального восприятия [2, с. 52].

Обладая таким важным качеством как наблюдательность педагог получает возможность не только выявить происходящие изменения с учениками, но и оказать по-

сильную помощь в преодолении затруднений, которые у детей возникают, скорректировать их действия и поведение.

Актуальность данной тематики связана с тем, что наблюдательность педагога как профессиональное свойство способствует умению подмечать и разглядеть неприметные, но характерные особенности психических состояний и процессов, внешние формы поведения. Благодаря педагогической наблюдательности педагог получает возможность правильно интерпретировать поведение обучающихся, спрогнозировать разнообразные психические процессы, предвидеть результаты работы самих педагогов, возникающие трудности в восприятии и понимании обучающимися учебной информации.

Взаимодействие в образовательном процессе нами рассматривается как взаимное влияние учителя на обучающихся и самих обучающихся на учителя, которое предполагает соответствующее отображение педагогом личности самого обучаемого, способность разглядеть и распознать особенности психических состояний обучающихся в различные ситуативные моменты. И здесь важно уметь встать на их субъективную точку зрения, разглядеть и выявить определенные трудности в процессе усвоения и понимания обучающимися образовательной информации, уметь спрогнозировать более далекие результаты необходимого контакта с обучающимися. Все формы взаимодействия педагогов с обучающимися требуют от последних высокого профессионализма, гибкости и своевременного учета индивидуальных особенностей детей, которые в силу возраста не обладают сформированной познавательной и сенсорной сферой [3, с. 35].

Эти перечисленные формы взаимодействий педагога и обучающихся в самом образовательном процессе тесно переплетены с явлениями педагогической наблюдательности [6, с. 12].

Нами было проведено исследование основной целью которого было выявление воздействия уровня формирования педагогической наблюдательности на взаимодействие педагога с обучающимися в процессе урочной деятельности.

Для этого нами была создана программа наблюдений за взаимодействием педагога и обучающихся на самих уроках. Данная программа включала в себя именно те формы взаимодействия педагога с обучающимися на уроках, которые связаны с различными проявлениями элементов педагогической наблюдательности: перцептивный, эмпативный, понятийный, прогностический и т.д.

Созданная исследовательская программа включает в

себя восемь критериев взаимодействия педагога с обучающимися в процессе уроков. Все они были объединены в четыре группы по уровню проявления перцептивности, эмпативности, понятийности, прогностичности и т.д.

Карта наблюдений включала в себя характерные стороны взаимодействия педагога и обучающихся, которые были связаны с такими проявлениями как:

- Перцептивный компонент:
 - а. замечает ли и рассматривает ли педагог деформации в психологических состояниях обучающихся в процессе уроков?
 - б. замечает ли педагог деформации в поведенческих актах обучающихся?
- Понятийный компонент:
 - а. различает ли педагог деформации в вербальных особенностях поведения обучающихся?
 - б. выявляет ли педагог трудности обучающихся в осмыслении и логическом понимании образовательной информации?
- Эмпативный компонент:
 - а. может ли педагог поставить себя на место обучающихся, понимает ли их психофизические особенности?
 - б. соответствуют ли оценочные суждения и требования педагога?
- Прогностический компонент:
 - а. прогнозирует ли педагог возможные осложнения в процессе усвоения обучающимися более трудного материала?
 - б. различает ли педагог далекие по времени итоги результатов собственного общения с обучающимися в процессе урочной деятельности?

Исходя из ситуации, что наблюдение должно иметь свои рамки и не позволяет распознать то, находится за пределами урочной деятельности или погрузиться достаточно далеко в задумки педагога, нами предполагалась беседа, с помощью которой мы могли получить ответы на те вопросы, которые нас интересовали.

Опросник состоял из следующих вопросов:

1. Обращаете ли Вы внимание на внешность обучающихся?
2. Можете ли Вы постоянно обращать ваше внимание на выражение лица, характерные жесты, походку и позу обучающихся?
3. Замечаете ли Вы определенные особенности речевой деятельности обучающихся?
4. Всегда ли Вы можете понять настроение и психофизические состояния обучающихся?
5. Можете ли Вы осуществлять детальный анализ поведения обучающихся в соответствии с той или иной ситуацией?
6. Смогли бы Вы избежать конфликтных ситуаций?

7. Смогли бы Вы найти индивидуальный подход ко всем обучающимся в процессе собственного контакта с ними?
8. Смогли бы Вы поставить себя на место обучающихся?
9. Смогли бы Вы увидеть и распознать определенные затруднения, которые испытывают некоторые обучающиеся в понимании и осмыслении учебного материала?
10. Смогли бы Вы быстро скорректировать необходимый учебный и образовательный материал к особенностям его усвоения обучающимися, перестроиться в случае необходимости?
11. Можете ли Вы предвидеть далекие по времени последствия результатов собственного контакта с обучающимися в процессе урочной деятельности?

Проведенное исследование охватило 4 школы города Махачкалы: №33, №3, №4,7. В работе были задействованы 12 учителей данных школ, за каждым из которых было проведено 5 наблюдений. Наблюдением охватывалось старшее звено обучающихся.

Выводы

В результате проведенного исследования за наблюдением всех исследуемых сторон взаимодействий учителей и учеников в процессе урочной деятельности нами были получены следующие выводы: учителя, характеризующиеся высоким уровнем формирования наблюдательности в 3 раза лучше, чем педагоги с низким уровнем формирования наблюдательности воспринимают и осмысливают различные психические состояния, подмечают деформации в коммуникативных характеристиках их поведенческих актов. Данные педагоги более отчетливо подмечают возникшие проблемы обучающих-

ся в восприятии и усвоении необходимой информации, в 4 раза быстрее находят измененность поведения обучающихся, могут поставить себя на место учеников и осмыслить психические состояния детей.

Педагоги с высоким уровнем формирования наблюдательности в 6 раз чаще прогнозируют возникающие затруднения у обучающихся в процессе восприятия и усвоения ими учебной информации, а также предвидят результаты непосредственной коммуникации с обучающимися в процессе урочной деятельности.

Учителя, характеризующиеся высоким уровнем сформированности профессиональной наблюдательности в 5 раз чаще, чем преподаватели с низким уровнем сформированности профессиональной наблюдательности выдают более соответствующие оценочные высказывания и условия в отношении обучающихся.

Анализ выполненной работы показал возможность установления необходимого воздействия уровня формирования наблюдательности на целесообразность взаимодействия педагога и обучающихся в процессе урочной деятельности. Высокий уровень формирования наблюдательности помогает педагогу очень тонко ощущать изменения в педагогических ситуациях и скорректировать на основе этого направленность педагогических воздействий на обучаемых. Благодаря этому обеспечивается успешное и эффективное протекание учебно-образовательного и воспитательного процесса.

Учитывая итоги выполненной работы по всем внешне наблюдаемым проявлениям взаимодействий педагога с обучающимися, мы определенно выявили направленность воздействия уровня формирования педагогической наблюдательности учителя на все критерии взаимодействий педагога и обучающихся в процессе урочной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды в 2-х т.: - М.: Педагогика, 1980. - 288 с.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М., Изд-во МГУ, 1988. - 199 с.
3. Выготский Л.С. Проблема возраста // Собр.соч. в 6-ти т. 2. - М., 1984. - 268 с.
4. Попов С.В. Визуальное наблюдение. - СПб.: Речь, Семантика, 2002. - 320 с.
5. Панкратов А.Н., Панкратов В.Н. Психология управления людьми: практическое руководство. - М.: ИНТ психотерапии, 2004. - 73 с.
6. Регуш Л.А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. - СПб.: Питер, 2003. - 174 с.

СУЩНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Заболотный Николай Васильевич

Соискатель, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова,
nsabolotnij@googlemail.com

SPATIAL MOBILITY: A SOCIETY OF CHANGE

N. Zabolotny

Summary: One of the key conditions for the psychological, economic and social development of the state and its individual subjects is the demographic situation: the quantitative and qualitative composition of the population. These indicators are determined by the action of a single law for any society, which is based on the conformity of the economy, social and demographic development, as well as a psychological sense of comfort. According to this rule, there is a stable relationship between the movement of the quantity, quality of the state of the population and the volume of development of psychological, economic and social areas. The article considers spatial mobility as a variant of migration of the population subject to psychological pressure, touches on the psychological adaptation of migrants and problems arising against the background of negative factors and slow adaptation to the modern social environment, which affect the personal state and vision.

Keywords: psychology of migration, spatial mobility, personal mobility, psychological adaptation, migration flows, forced migration.

Аннотация: Одним из ключевых условий психологического, экономического и социального развития государства и его отдельных субъектов является демографическая ситуация: количественный и качественный состав населения. Эти показатели определяются действием единого для любого общества закона, который держится на соответствии экономики, социального и демографического развития, а также психологического ощущения комфорта. Согласно этому правилу, между движением количества, качества состояния населения и объёмом развития психологической, экономической и социальной областей существует стойкая взаимосвязь.

В статье рассматривается пространственная мобильность как вариант миграций населения, подверженного психологическому давлению, затрагивается психологическая адаптация мигрантов и проблемы, возникающие на фоне негативных факторов и медленной адаптации к современной социальной среде, которые влияют на личностное состояние и видение.

Ключевые слова: психология миграций, пространственная мобильность, мобильность личности, психологическая адаптация, миграционные потоки, вынужденная миграция.

В последние десятилетия наша среда обитания прогрессирует быстрее, чем развиваются психологические качества адаптации личности, такие как социальная мобильность. Само понятие мобильности предполагает приспособление к новой, быстро развивающейся среде. В психологии это понятие недостаточно изучено, и в прошлые годы практически не привлекало исследователей. Однако недавние исследования интеллекта человека, выявили зависимость пространственной мобильности от социальной составляющей.

В современном мире при быстром развитии экономических процессов и ускоренном освоении новых знаний изучение способности приспособляться оказывается весьма актуальным навыком.

В настоящее время личностная пространственная мобильность является важным качеством меняющегося современного мира, несомненно, необходимым и презентабельным, позволяющим человеку, в процессе совершенствования, вписаться в круговорот научно-технологической революции [1, с.150].

Характеристика мобильности интерпретируется как умение быстро переходить, привыкать, адаптироваться

к современным условиям.

В психологии выделяют следующие виды пространственной мобильности: восходящая, нисходящая, социальная, образовательная. Еще в своей книге «Человек. Цивилизации. Общество» П.А. Сорокин характеризовал социальную пространственную мобильность как переход модификации человеческой деятельности и из одного состояния в другое, доказывая в утверждениях важность и значимость пространственной мобильности личности.

Пространственная мобильность представляет собой своеобразный процесс развития, что Н. Постмен отмечал в одной из своих работ, помимо этого он впервые ввел понятие «диалог культуры с собой», что подразумевает, в том числе, пространственную мобильность как один из факторов развития личности человека.

Мобильная личность можно охарактеризовать как личность чувственную к сторонним воздействиям, открытую к взаимодействию с другими личностями в социальной среде, находящуюся в диалоге с собой, но при этом способную к своевременным трансформациям, конверсиям и эволюции своих действий в соответствии

с ситуацией [3, с.244]. Вариативность происходит по собственному побуждению индивида, погружая тем самым, в конъюктуру, которая его окружает.

Парк Р. изучая данную проблему заметил, что пространственные перемещения взаимосвязаны от личных отношений с окружением, трудовых отношений, родственных связей, а выход из зоны комфорта (миграция, смена всего привычного) являются своеобразным ускорителем психологической составляющей пространственной мобильности личности.

Василенко П.В. считал, что пространственная мобильность – это не что иное как выражение миграционных стадий, которые можно рассматривать по миграционной ситуации.

Мкрчан Н.В. изучая пространственную мобильность, отмечал в своих работах, что понимает этот термин как миграции.

П.А. Сорокин и Г. Зиммель рассматривали пространственную мобильность во взаимосвязи с мобильностью психологической и социальной. Мобильные пространственные перемещения рассматривали в своих работах J. Urry и Р. Кононенко, А.В. Стрельникова. Конструктивными мнениями в своих подходах к пространственной мобильности отличались В. Вахштайн и Л. Болтански, Л.В. Давыдкина.

Прирост пространственной мобильности стал ярким примером развития современного мира и обуславливается быстрым развитием экономики и прогресса, увеличением скорости смены сверхдолгосрочных циклов, социодемографией, увеличением потока информации и скоростью ее обработки. Уровень пространственной мобильности можно описать, как возможность населе-

ния быстро адаптироваться. Значительные масштабы временных перемещений заметны, как правило, в развивающихся странах, диктуемое трансформацией труда [4, с.4] при переходе к технологическому кладу.

Таблица 1.

Миграции населения за январь-апрель 2020г. и 2021г.

	2020	2021	Разница
Прибытие иностранных граждан и лиц без гражданства	22 449	19 579	- 2 870
Иностранные граждане и лица без гражданства	425 666	530 411	104 745

Составлено автором по данным Росстата [9, с.194].

Данные таблицы 1 и рисунка 1 свидетельствует о прогрессирующем росте миграций населения.

В данном контексте актуальной видится проблема психологической характеристики пространственной мобильности и ее дальнейшего использования в социальной сфере [7].

Мобильность в социуме описана в трудах П.А. Сорокина, характеризуя виды социальной мобильности – горизонтальную как перемещение людей в пределах социального слоя и вертикальную как восходящие или нисходящее перемещение [10, с.176].

П.А. Сорокин акцентировал свою работу на горизонтальной мобильности, что привело к тому, что им был упущен такой аспект как географическая мобильность.

В учебнике Ю.В. Яковца и Б.Н. Кузика «Цивилизации: теория, история, будущее» [10, с.176], описывается общество в древние времена, где существовало разделение на страты, слои, зависящие от биологического начала

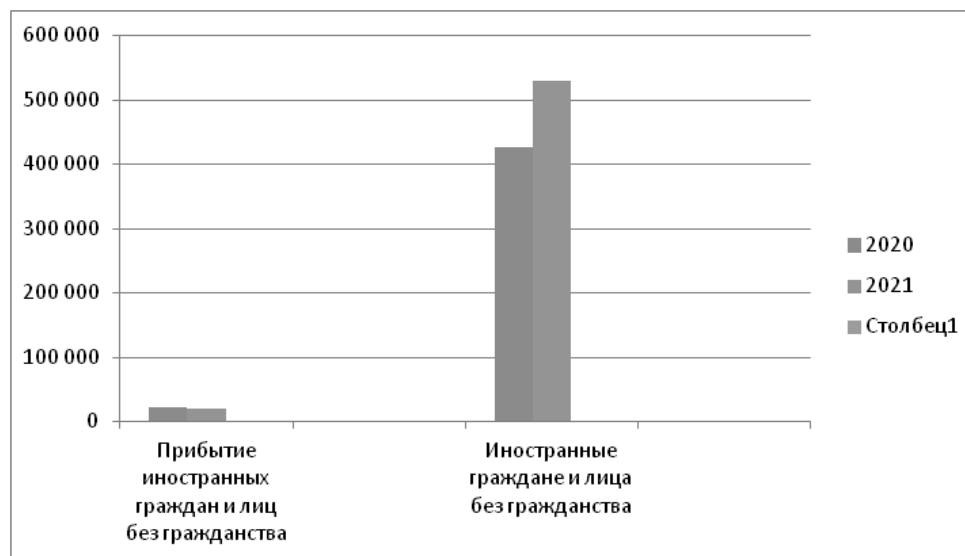

Рис. 1. Статистические данные миграций (январь-апрель 2020 г. и 2021 г.)

человека и в том числе, от его положения в социуме. Исключение составляло только движение в социуме, в рамках социальной мобильности и характеризовалась П.А. Сорокиным как стратификация. Позднее им же были введены такие понятия как социальные координаты (отношение к группе людей), социальная стратификация (классификация по имущественному, профессиональному и политическому признакам), социальная мобильность (иерархическая система перемещения человека в социуме).

Социальная мобильность как таковая возникла еще во времена становления неолитической цивилизации, а точнее появилась в одно время с социальной стратификацией (период возникновения общественного разделения труда) в Древнем Египте. Уже тогда существовало множество профессий (скульпторы, певцы, писцы, садовники и прочее) и существовали социальные институты, такие как армия, суд [8, с.47]. Примерно в ту же эпоху сложилась индийская цивилизация, широко известная своим кастовым режимом и отсутствием возможности перехода из одной касты в другую. А в середине I тыс. н. э. разрушение античного общества привело к ускоренному процессу мобильности (время завоеваний – рабы и феодалы, цари, короли, церкви, крестьяне, возникновение социальных групп – таких как ремесленники, художники, артисты и прочее). Все это только укрепило социальную мобильность в обществе. На протяжении длительного периода в истории прослеживается социальная мобильность, но только в начале 21 века цивилизационный кризис привел к взрыву социальной мобильности и преобразованиям ней, что можно охарактеризовать как возрождение религии, попытки смягчения политической и имущественной пропасти и активизации социальной мобильности людей (потоки мигрантов). Наряду с обычной социальной миграцией населения существует вынужденная миграция, которая является скорее необходимостью, чем личным выбором.

Изменения в обществе, в частности увеличение количества постигаемой информации, социальную дистанцию, финансовые потоки новой величины, увеличение ритма и скорости жизни предугадал в своих трудах Г. Зиммель. Им была очень точно описана современная модель жизни в человека, модель «чужака» (человека без дома и страны).

Ускоренное расширение и увеличение количества дорожных магистралей привело к мобильности людей в пространстве, как и предписывал в своих работах Дж. Урри.

Одним из методов изучения пространственной мобильности является конструктивистский подход, который является междисциплинарным и позволяет рассматривать мобильность по нескольким научным направлениям. Основой такого отношения к рассмотре-

нию и изучению фактов и процессов в социальной среде является коммуникация и идеи. Идеи используются как правило, инструментальным методом для легитимации/делегитимации, задействовав материальные мотивы.

Интерпретативный метод строится на понимании и объяснении конструктивизма, который подразумевает невозможность отказа от трактовки реальности, поэтому такой подход видится распознавания идеи и ее направления, что целесообразно, если учитывать социальные факторы.

В исследуемой проблематике нужно различать строгое придерживание правил и более мягкий подход в позициях ученых-конструктивистов. Одни самостоятельны, другие – наоборот, рассматривают все решения и направления действий в совокупности с идеями, и иногда отдельно.

Отсюда можно предположить, что существуют факторы социума, оказывающие влияние на пространственную мобильность с психологической точки зрения [2, с. 67]. К ним относятся:

- рынок труда, напрямую зависящий от состояния экономики, что провоцирует мобильность граждан в поисках работы;
- стратификация общества, являющаяся полным противопоставлением кастам, общинам и сословиям; стратификация возможно лишь в свободном обществе как проявление личной воли;
- возрастные особенности, как правило, значительно сокращают возможности для пространственной мобильности; подвержены этому факторы почти все: возраст, наличие детей, причем чем выше место на кадровой ступени, тем больше вероятность, что отсутствуют наследники или их минимальное количество, и наоборот.
- миграция и целеустремленность выходцев из селений, как правило всегда выше, чем имеющих достойное положение в обществе горожан.
- влияние образования, уравнивает шансы разности социальных слоев и дает возможности для продвижения по карьерной лестнице;
- интеллект и хорошие базовые физические данные, способствуют лучшей адаптации в обществе и значительно помогают в поисках места в социуме.

На основании опыта выдающихся умов в науке найдены и отражены факторы, от которых зависят все проявления социальной пространственной мобильности, обоснована взаимосвязь мобильности и миграций, причины перехода вертикальной мобильности общества к пространственной мобильности. При этом личность может изменять свои психологические характеристики, находясь в состоянии пространственной мобильности.

Таким образом, быстро меняющаяся внешняя среда создает условия, в которых в центре политики организации труда находится человек, который психологически

ощущает себя в социуме только при приемлемых условиях труда и жизни, из которых и строится жизнедеятельность современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гониева А.О. Современные тенденции и проблемы международной миграции рабочей силы / А.О. Гониева // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2019. Т. 14. № 2. 150-157 с.
2. Жантлisoва Е.А. Зарубежный опыт регулирования международной миграции рабочей силы: возможности применения в России / Е.А. Жантлisoва, О.Н. Чеботарева // Наука и производство Урала, 2019. Т. 15. 67-68 с.
3. Иванюхина Д.А. Международная миграция рабочей силы: преимущества и недостатки / Д.А. Иванюхина // Вестник современных исследований, 2018. № 11.8 (26). 244-246 с.
4. Миграция рабочей силы, ее причины и виды [Электронный ресурс]: URL: <https://spravochnick.ru/> Щербакова Е.М. Международная миграция, 2017 / Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly, 2017. № 753-754. 4 с.
5. Миркина О.Н. Тенденции современной международной миграции рабочей силы / О.Н. Миркина // Экономический журнал, 2018. № 3 (51). 92-107 с.
6. Нустойчивость занятости. Международный и российский контексты будущего сферы труда: Монография/под ред. Бобкова В.Н. М.: Изд-во РеалПринт, 2017. 35 с.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ [Электронный ресурс] URL: <http://www.gks.ru>.
8. Панькин П.В. Миграционное воздействие на рынок труда России / П.В. Панькин // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2020. — № 11-2. 47-49 с.
9. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2017. 194 с.
10. Яковец Ю.В. Научная революция XXI века—фундаментальная основа прогресса цивилизаций //Партнерство цивилизаций. — 2013. — №. 1-2. 176-185 с.

© Заболотный Николай Васильевич (nsabolotnij@googlemail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

ACTIVE TEACHING METHODS FOR SELF-REALIZATION OF THE SPIRITUAL AND MORAL POTENTIAL OF THE PERSONALITY IN MINORS

*D. Kazantseva
S. Tarasov*

Summary: The article examines the features of creating a space for self-realization of the spiritual and moral potential of the personality of minors. It is shown that the use of a set of active teaching methods creates a situation of spiritual development through the development of spiritual and moral patterns of behavior. It has been determined that the saturation of the space with spiritual and moral values and meanings is optimal through the creation of school television in each school.

The introduction of new positive content created by the hands of students into the Internet space of the school contributes to the actualization of the essential in the personality and its consistent realization as a "co-creator" of being.

Keywords: spiritual and moral potential, self-realization, personality, school television, active teaching methods, development, values, meanings.

Современное состояние российского общества характеризуется проблемами в сфере духовно-нравственного развития подрастающего поколения. Результатами затянувшегося духовно-нравственного кризиса конца XIX – начала XX вв. стали утрата духовного здоровья личности и системы духовно-нравственных ценностей. Отсутствие четкой стратегии государства на духовное развитие личности ребенка повлекло разгул, подростковой наркомании, алкоголизма, преступности, а также суицидные попытки, вооруженное насилие на территории образовательных учреждений и др. Негативное влияние СМИ и особенно телевидения и западных интернет-контентов, пропагандирующих жестокость и насилие, усугубляют ситуацию. Бездуховность становится угрозой национальной безопасности России.

Основная причина деформаций всех сфер общественной жизни – уход от глубинных, базовых, сложившихся веками в монолит ментальности и проявленных в воспитании духовно-нравственных ценностей и смыслов. Неоднозначные условия влияния новых норм морали иной цивилизации на неокрепшую психику

Казанцева Дина Борисовна
К.псих.н., Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
dinasens@mail.ru

Тарасов Сергей Васильевич
К.псих.н., доцент, Пензенский государственный
университет, г. Пенза
otko08@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности создания пространства самореализации духовно-нравственного потенциала личности несовершеннолетних. Показано, что использование совокупности активных методов обучения создает ситуацию духовного развития, через освоение духовно-нравственных образцов поведения. Определено, что насыщение пространства духовно-нравственными ценностями и смыслами оптимально через создание в каждой школе школьного телевидения. Внедрения в интернет-пространство школы нового позитивного контента созданного руками учащихся способствует актуализации сущностного в личности и последовательной ее реализации как «со-творца» бытия.

Ключевые слова: духовно-нравственный потенциал, самореализация, личность, школьное телевидение, активные методы обучения, развитие, ценности, смыслы.

развивающегося ребенка, стала детерминантой, обуславливающей формирование другой прозападной личности с иным уровнем ценностного развития, слабо связанной с национальным менталитетом.

Расхождение между внутренней системой духовных базисных ценностей и внедряемой извне системы западных ценностей и смыслов, формирующих личность, приводит к трансформации духовно-нравственного потенциала личности, определяющего дальнейшее развитие и судьбу ребенка. Из-за неустойчивости социальной среды, индивидуальная программа, разворачивающаяся в течение жизни личности, включающая устойчивые ментальные особенности поведения, биологические, социальные и духовные детерминанты, стратегию самореализации потенциала создает новые конфигурации развития, сопровождающиеся противоречиями, дихотомиями, кризисными и конфликтными проявлениями.

В этом контексте наибольший интерес представляет механизм самореализации духовно-нравственного потенциала как способ проявления сущностных сил лич-

ности, для ее гармоничного воспроизводства в социальном пространстве любой, в том числе и кризисной реальности. Запуск механизма осуществляется в процессе духовно-нравственного воспитания в пространстве сбалансированного соединения духовных и материальных культурных идеалов и ценностей. Именно такое воспитание способствует актуализации сущностного в личности и последовательной реализации.

Для этого необходимо создание специально организованного духовного пространства, где личность самоопределяется по отношению к духовно-нравственным целям, ценностям, идеалам, где поддерживается их воспроизводство и реализация в жизни ребенка. Данное осуществляют государственные и федеральные органы власти, образовательные и общественные учреждения. В таком пространстве через обучение и воспитание, посредством активных методов обучения происходит формирование личности ребенка в соответствии с традиционной ментальностью, наполненной духовными смыслами и запускается процесс самореализации духовно-нравственного потенциала, как психозащитного механизма личности от кризисных явлений.

Описание разных сторон духовно-нравственного потенциала, без концептуальной его характеристики мы можем увидеть в исследованиях ученых различных сфер знания – С.Ф. Анисимова, Л.Х. Газгиреевой, Л.В. Камединой, К.Я. Вазинной, Н. Успенского, Н.А. Симоновой, Б.С. Братусь, А.А. Тер-Акопова и др. В работах не ставится цель рассмотрения понятия «духовно-нравственный потенциал», однако, часть его характеристик, представляющих интерес для целостного понимания его сути и процесса самореализации определяется и описывается.

Исследуя потенциал личности, психологи О.С. Анисимов, А.А. Деркач, Л.Х. Газгиреева, Н.Б. Трофимова [1, 2, 4] затрагивают и основы духовно-нравственного потенциала личности, выделяя в качестве закономерностей его возможные рефлексивные составляющие и их сущностные характеристики. Наиболее полное исследование духовно-нравственного потенциала личности осуществлено в работах Д.Б. Казанцевой [6]. Автором описаны закономерности, механизм, условия и особенности его реализации.

Исследования Д.Б. Казанцевой показывают, что духовно-нравственный потенциал личности есть глубинная сущностная духовная часть целостного потенциала личности, его основа, определяющая движущие силы, глубинное «Я» человека и его потенции, разворачивающаяся из глубины потенцией сущностных жизненных духовных сил субъекта, в условиях духовного пространства способствующего самореализации потенциала, достижению акме [5, с. С. 50–55].

С.В. Тарасов и Д.А. Трошин [8], исследуя активные ме-

тоды обучения, доказывают, что в связи с тем, что стране нужны активные, творческие личности, уже в школьные годы необходимо выбирать оптимальные способы передачи знаний, умений и навыков. Способы должны быть длительные, состоящие из нескольких этапов и включающие в себя множество приемов. Благодаря им инноватизируется и активизируется познавательная деятельность личности, а именно активизируется мышление, вырабатывается самостоятельность в поиске решений поставленных задач; мотивируется обучение, осуществляется анализ смоделированных или реальных ситуаций при поиске решений. Обозначение проблемы стимулирует выработку правил и осуществление логических рассуждений, стремление к использованию системной комбинации методов.

По мнению Е.В. Крутых [7] с помощью активных методов значительно легче активизируются учащиеся, организуется контроль за процессом освоения материала, осуществляется управление процессом обучения, повышается эффективность учебного процесса.

С точки зрения Ю.В. Гуцина [3] активные методы обучения формируют способности и умения устанавливать контакты и обмениваться информацией, выдвигать идеи и проекты, принимать нестандартные решения и нести за них ответственность, идти на оправданный риск, предвидя последствия предпринимаемых шагов.

Создание пространства актуализации и самореализации духовно-нравственного потенциала в первую очередь подразумевает насыщенность его духовно-нравственными образцами поведения, ценностями и смыслами. Использование всей совокупности активных методов обучения (презентаций, кейс-технологий, проблемных лекций, дидактических игр, basket-методов и др.) возможно через игромоделирование ситуаций духовного развития, посредством показа духовно-нравственных, положительных образцов поведения, в процессе создания в каждой школе школьного телевидения. Данное становится основой актуализации и самореализации потенциала личности, создавая из каждого ребенка «со-творца» бытия.

Ценность школьного телевидения – в создании пространства моделей положительного социального поведения, соответствующего цивилизационному коду россиян. Проект начинается с интегрирующей личной встречи педагогов, родителей и учеников. Разъясняется необходимость внедрения в интернет-пространство школы нового позитивного контента. В ходе дальнейших встреч, уже в онлайн формате создается группа ВКонтакте, которая наполняется методическим материалом и материалом участников группы.

Для мотивации к работе проводится психологическая игра «Перехват управления», где осваиваются ос-

новы межличностного взаимодействия и управления ситуациями. Определяется на 21 день алгоритм работы по созданию видеоконтента. Организуется школа видеоблогеров, как ядро школьного телевидения, с руководителем, имеющим определенные компетенции и навыки (квалификацию, активную жизненную позицию, навыки ораторского искусства и навыки сценариста, умение перехватывать управление в интернете и проводить переговоры и маркетинговые действия и др.).

Вводится трехэтапная модель развития школьного телевидения. На первом этапе организуется школа видеоблогеров, с обучением два раза в неделю по полтора часа ораторскому искусству, съемкам, монтажу, продвижению контента. Результатом становится обучение несовершеннолетних «говорению», профессиям телеведущего, монтажёра и системного администратора, операторской и режиссерской работе, а также навыкам управления сайтом, аккаунтами в социальных сетях.

На втором этапе осуществляется производство репортажей о всех школьных событиях через игровые шоу, ток-шоу, интервью-шоу. Результатом становится обучение несовершеннолетних профессии интервьюера и проведение школьного или внешкольного конкурсов (соревнования между школами, районами, регионами, субъектами федерации) на лучшее интервью. Для повышения качества коммуникации вводится нравственная культура ток-шоу, дискуссионных шоу, с выбранными спикерами и регламентом: вступительное слово, дебаты, работа с возражениями, вопросами и т.д. В школьной жизни раз в неделю создается позитивное, вдохновляющее красочное событие привлекающее внимание несовершеннолетних и отвлекающее от негативных интернет-групп, переформатирующих сознание детей в прозападные негативные модели поведения.

Третьим этапом, примерно к концу четвертого месяца занятий, создается школьная киностудия и начинается съемка короткометражных фильмов, моделирующих различные ситуации и достойные выходы из них, образцы бесконфликтных способов решения проблем по нормам нравственного поведения. Создается пятиминутный сценарий видео с шутками и запускается на «ютубе», в «инстаграмме». Организуется со сверстниками дискуссия по его обсуждению.

Планирование школьного телевидения идет следующим образом: открытие канала на ютубе, в контакте, инстаграмме и в фейсбуке; определение стратегических тем видеоблога: профориентация, отношения, семья, Родина (история страны и семьи, традиционные ценности); запись стартового трейлера и определение основных плей-листов (тематических направлений); проведение лекций, репортажей, документальных фильмов, интервью, ток-шоу, короткометражных фильмов; запись монологических роликов по темам: съемка, монтаж, звук;

запись интервью и освоение основ интервьюирования; организация и проведение ток-шоу, как главного полемического мероприятия; написание сценария игрового короткометражного фильма; организация производства короткометражного фильма: кастинг, съемочный процесс, монтаж, озвучание, распространение в сети; освоение основ маркетинга и привлечение маркетинговых бюджетов под видеоблог как медианоситель, а также переговоры, предпринимательская деятельность, управление коллективами и проектами.

Проводятся индивидуальные занятия с каждым участником. На первом занятии – глубинное интервью: увлечения, мечты о профессии, родители, таланты; представление себя топовым ютубером с 1 млн. подписчиков, темы видео, интервью-шоу, влогов, репортажей; представление себя артистом и сценаристом, режиссером и др.

Последующие занятия – работа над стартовым трейлером: освоение монолога из 4 частей: открытие и тема, проблема, решение, побуждение зрителя к действию. Запись педагогом на доске основных тезисов каждой части, воспроизведение по частям на камеру. Ребенок дублирует поведение. Проект монтируется, изучается производственный цикл. Выстраивается на месяц план роликов по направлениям: родной край, героические страницы истории, литературная страница, отношения мальчиков и девочек, народные промыслы, туризм, запись клипов на каверы и др.

Групповые занятия проводятся с несовершеннолетними, имеющими зарегистрированные каналы и не менее 3 роликов сделанных самостоятельно: сценарий, съемка, монтаж, заливка и продвижение по горизонтальному договору (правило перепоощивания роликов участников).

План работы в группах включает: интервьюирование; ток-шоу (дискуссионный клуб) на два, три, четыре собеседника; производство короткометражного игрового фильма и три урока по сценарному делу с домашними заданиями (сценарии на заданную тему и критические видеоблоги по фильмам или сериалам); производство короткометражки: съемка, подготовка материала (пост-продакшн), показ в актовом зале школы с обсуждением на ток-шоу.

Таким образом, создание позитивного школьного пространства, наполненного духовными смыслами и историческими и героическими примерами из прошлого России, сохранение преемственности поколений при передаче опыта, осуществляется благодаря организации школьного телевидения. Такое сообщество юных видеоблогеров, позволяет одной группе несовершеннолетних производить коллективный контент для всех детей в школе, передают им приобретенные в ходе обучения

нравственные нормы, открывать таланты и способности, духовно-нравственный потенциал личности.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что освоение определенных знаний, умений и духовно-нравственных ценностных установок, благодаря активным методам обучения создает для развития личности широкий арсенал возможностей, способствует полноценному вхождению в общество, выбору жизненного пути, позволяет занять место в этом сложном, беспрестанно меняющемся современном мире. В связи с тем, что подготовка человека к жизни включает в себя не только определенную сумму

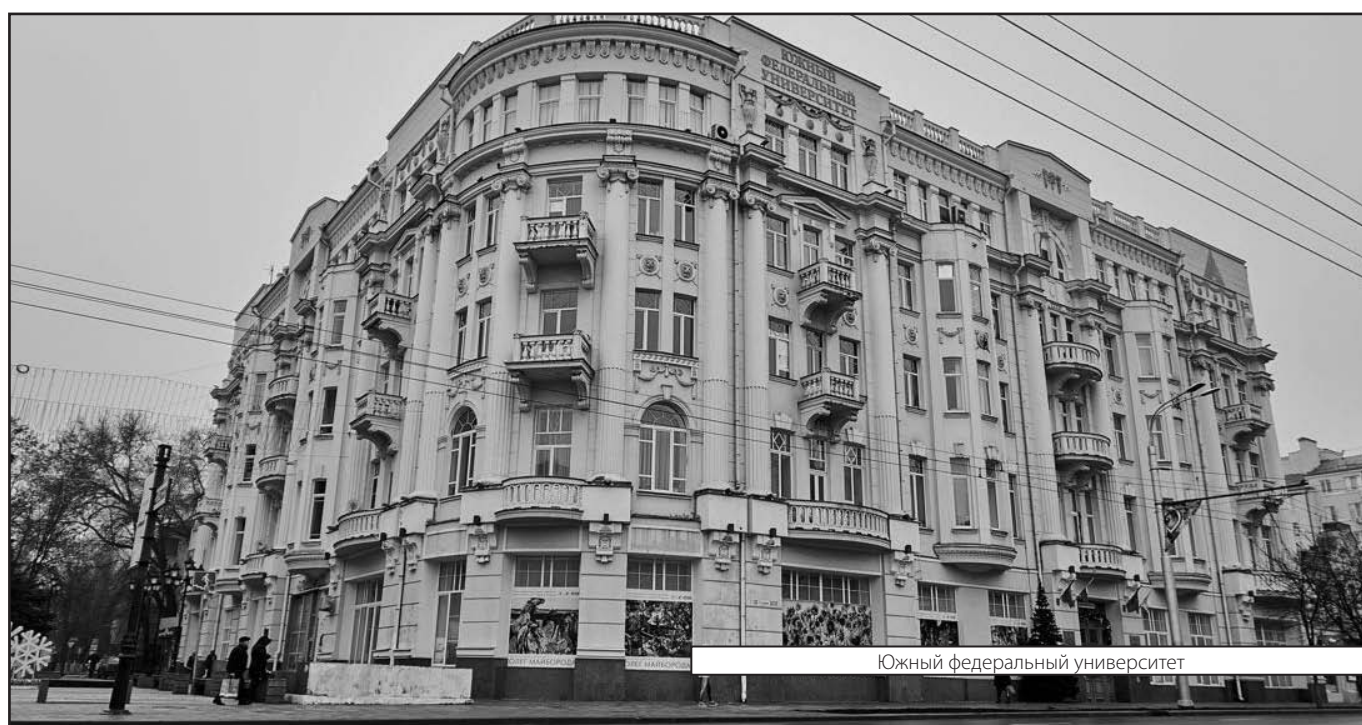
знаний, но и адекватное психическим нормам развитие, необходимо актуализировать духовно-нравственный потенциал личности через целенаправленно созданный комплекс развивающих средств, способствующих реализации его на практике. В связи с этим, в социокультурном пространстве самореализации потенциала, всегда должны воспроизводиться духовно-нравственные ценности, нормы и смыслы. Проявленные в разных сферах жизни личности и общества, как образовательно-развивающее средство, они выступают главным фактором процесса самореализации потенциала личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов О.С. Методология и развитие духовности в XXI веке. – Москва, 2008. – 502 с.
2. Газгереева Л.Х. Духовная жизнь современного российского общества в экзистенциально–ценностном измерении: автореф. дис. . . . д-ра ф. наук. – Ставрополь, 2014. – 60 с.
3. Гущин Ю.В. Интерактивные методы обучения в высшей школе // Психологический журнал, 2012. – №2. – С. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/mnenie%20%20expertov/2012n2a1.pdf>
4. Деркач А.А. Акреологические основы развития профессионала. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. – С. 49.
5. Казанцева Д.Б. Самореализация духовно-нравственного потенциала личности в России: монография. – Прага :Vědeckovydatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2020. – С. 50–55.
6. Казанцева Д.Б. Самореализация потенциала личности: социально-философский аспект. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2011. – 234 с.
7. Крутых Е.В. Активные методы обучения в профессиональной подготовке будущих специалистов // Социальная сфера общества: инновационные тенденции развития. – Краснодар: ИЭИУМиСС, 2011. – 336 с.
8. Тарасов С.В. Трошин Д.А. Активные методы обучения // Успехи современной науки, 2016 – Том 10. – № 12. – С. 178–180.

© Казанцева Дина Борисовна (dinasens@mail.ru), Тарасов Сергей Васильевич (omko08@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОЙ И НЕРЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ

Мишин Юрий Викторович

Преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (г. Симферополь)
skmax1@mail.ru

COGNITIVE AND BEHAVIORAL ASPECTS OF RELIGIOUSNESS AND NON-RELIGIOUSNESS PERSONALITY

Iu. Mishin

Summary: The article presents results of a study relationship cognitive-behavioral sphere and religiousness of personality. The findings indicate the salient features of motivational sphere, attributive style of the religiousness and non-religiousness people. The results of the study can be useful to study the adaptive abilities of students of educational organizations, motivational-value attitudes of students during training, as well as to diagnose and predict the social success of a person.

Keywords: achievement motivation, failure avoidance motivation, external religiousness, internal religiousness, non-religiousness people, attributive style.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования взаимосвязи когнитивно-поведенческой сферы и религиозности личности. Выводы свидетельствуют о наличии характерных особенностей мотивационной сферы, атрибутивного стиля религиозных и нерелигиозных людей. Результаты могут быть использованы для изучения адаптивных качеств обучающихся образовательных организаций, мотивационно-ценностных установок студентов в процессе обучения, а также для диагностики и прогнозирования социальной успешности личности.

Ключевые слова: мотивация достижения, мотивация уклонения от неудач, внутренняя религиозность, внешняя религиозность, нерелигиозные люди, атрибутивный стиль.

Введение

В современном российском обществе религиозный компонент воспитания и образования становится неотъемлемой частью процесса социализации личности. Достаточно высок уровень участия религии в области образования, спорта и обороны. Активность духовенства связана с обсуждением результатов научно-практических исследований в сфере психологических, философских и педагогических наук. Эффективность влияния религии на личность объясняется очевидной комплексностью воздействия. Религия, являясь давним сформировавшимся институтом, имеет богатый запас проверенных методов и техник для организации такого влияния [3]. Кроме того, обращение современного человека к религиозным ценностям объясняется необходимостью поиска ресурса поддержки и адаптации в связи с высоким психофизиологическим напряжением, возникающим вследствие неблагоприятных социальных, профессиональных и природных факторов. В состоянии хронического психоэмоционального стресса в настоящее время пребывает более 10% трудоспособного населения. Психические нагрузки превышают резистентность резервных адаптационных возможностей, тогда религия рассматривается как ресурс поддержки и преодоления [1].

Религиозная идентичность, возникающая под воздействием религиозного мировоззрения, способствует адаптации в социуме, формирует чувство безопасности

и защищенности, как бы создавая упорядоченный и надежный мир, альтернативный реальному, но, вместе с тем, влечет за собой формирование определенных индивидуально-типологических особенностей личности и некоторые внутриличностные трансформации. В частности, неоспоримо влияние религии на организацию процессов когнитивно-поведенческой сферы – формирование генерализованного мотивационного сценария, уровня субъективного контроля и атрибутивных стилей личности [6, 7].

Формулировка цели

Целью статьи является анализ и интерпретация результатов исследования влияния религиозности на формирование генерализованного (доминирующего) мотивационного сценария (достижения успеха или избегания неудач) и атрибутивного (объяснительного) стиля личности в отношении происходящих с ней событий.

Изложение основного материала

Религиозность понимается как ресурс, внутреннее условие эффективности деятельности с точки зрения самого субъекта деятельности. При этом, религиозность влияет на оценку возможности контроля событий, происходящих с человеком, позволяет интегрироваться во круг религиозного чувства с появлением возможностей нового качества [13]. При этом, религиозность стимулирует духовную трансформацию личности, в результате

чего происходит переориентация содержания мотивационно-ценностной сферы. Личностные профили религиозных испытуемых показали наличие эмоциональной неустойчивости, тревожности, беспомощности, склонности к избеганию и нежеланию брать ответственность на себя. Испытуемые нерелигиозного типа показали активность, склонность к контролю, стремление к самоутверждению и независимости, креативность и самостоятельность в достижениях, эмоциональную устойчивость [13].

Доказано, что религиозность, являясь интегративным качеством личности, накладывает отпечаток на формирование всей ценностно-смысловой сферы человека [2]. В сценариях достижения целей религиозный человек в большей степени полагается на высшие силы, чем на собственные. При этом, он часто игнорирует объективную информацию о потенциале собственных способностей, имеет заниженную самооценку и не высокую степень притязаний. Выраженная религиозность снижает стремление человека к самоактуализации, развитию способностей, свободе и творчеству. Установлена отрицательная корреляция религиозности и рефлексивности, как способности к рациональному осмыслению собственных действий [2].

Исследования свидетельствуют о наличии зрелого и незрелого типа религиозности, которые под воздействием нескольких факторов, трансформируются соответственно во внутреннюю и внешнюю, разграничиваясь на основании места религии в мотивационной структуре личности [8]. Человек, обладающий внешним типом религиозности склонен использовать религию для собственных прагматических целей - как источник защиты, покровительства, самооправдания и утешения. Люди с внутренним типом религиозности относятся к религии, как к основному жизненному мотиву. Все потребности и поступки они согласуют с религиозными убеждениями и предписаниями, формируя доминирующий мотив [9].

Согласно теории С.Л. Рубинштейна, доминирующий мотив способен переходить и закрепляться (генерализоваться) в личных свойствах человека, проходить «стереотипизацию» в личности по отношению к ситуации, в которой первоначально проявился, распространившись на все ситуации, однородные с первой в существенных по отношению к личности чертах [11]. Таким образом, в основе характера человека лежит сплав генерализованных побуждений, мотивов и непосредственно ими порожденных способов и сценариев поведения, которые усвоены человеком в результате личностного опыта [10].

Объединяющим результатом исследований в области свойств и качеств религиозной личности является внутренняя религиозная картина мира и соответствующая

ей система ценностей, которая в значительной степени определяет личностные характеристики, в частности, когнитивно-поведенческую сферу.

Таким образом, религиозность образует знако-символическую систему, психологический конструкт, во многом определяющий содержание когнитивно-поведенческой сферы личности, в частности, генерализованный мотивационный сценарий и атрибутивный стиль личности.

Общая выборка испытуемых, принимавших участие в нашем исследовании, составила: 415 человек в возрасте от 18 до 25 лет (216 мужчин и 199 женщин), студенты технического колледжа. Процедура исследования включала три этапа. На первом этапе проведен полимодальный сбор данных об испытуемых, распределение их на три подвыборки (нерелигиозные испытуемые, испытуемые с внутренним типом религиозности, испытуемые с внешним типом религиозности). На втором этапе установлен ведущий (генерализованный) мотив для испытуемых из каждой подвыборки. Целью заключительного этапа являлось исследование влияния религиозности на формирование атрибутивного (объяснительного) сценария личности, а также обобщение и интерпретация полученных данных.

В целях выявления уровня религиозности респондентов использованы две аналогичные методики – опросник «Индивидуальный уровень религиозности» И.С. Шемет [15] и методика изучения социально-психологического свойства «Религиозность» О.В. Сучковой [14].

Методики показали схожие результаты, по итогам которых испытуемые распределены на 3 группы: с низким, средним и высоким уровнем религиозности (диаграммы 1, 2).

Группа испытуемых с низким уровнем религиозности принята как подвыборка нерелигиозных людей. Основанием тому послужили признаки минимальной практической вовлеченности в религиозный культ таких респондентов. В частности, анализ результатов применения опросника И.С. Шемет, показал, что такие испытуемые не посещают церковь, не отправляют ритуалы, не жертвуют деньги в пользу церкви, не молятся дома, не были крещены, не предполагают собственного пути религиозного служения. Результаты применения тестовой методики О.В. Сучковой, предложенной тем же испытуемым, продемонстрировали низкие показатели уровня нормативных знаний христианской догматики, а также низкий уровень нормативно-ценностного компонента, определяющего поведенческий аспект личности. Кроме того, отвечая на вопрос-фильтр об отношении к религиозной вере, респонденты данной подвыборки отнесли

Диаграмма 1

Диаграмма 2

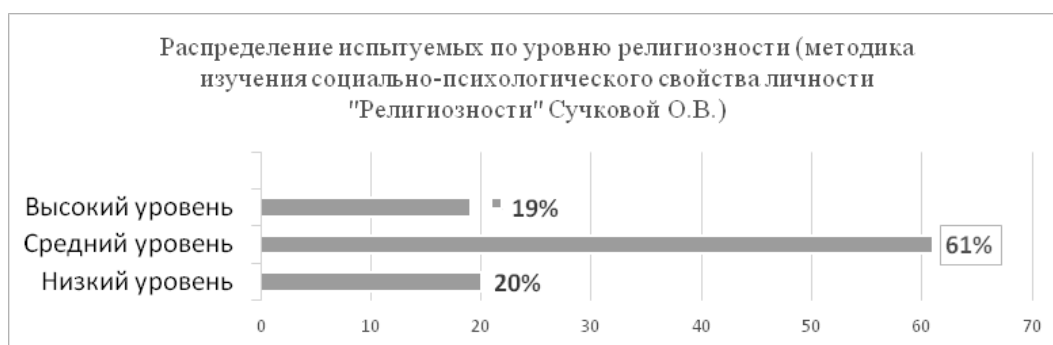
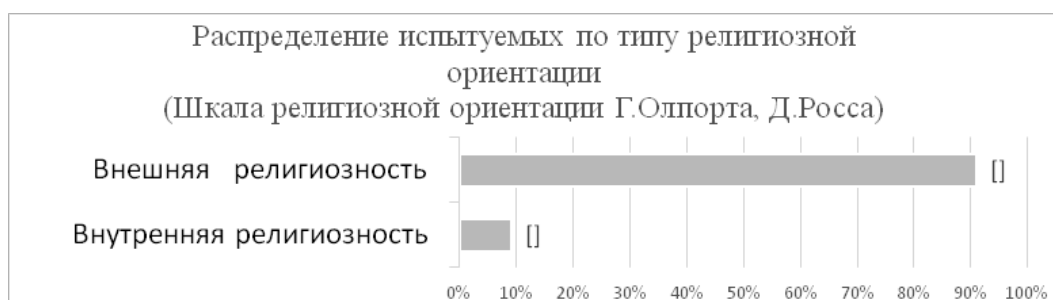

Диаграмма 3

себя к неверующим.

Далее, для определения типа религиозности в группе испытуемых со средним и высоким уровнем применена методика «Шкала религиозной ориентации Г. Олпорта, Д. Росса» [16], которая позволила дифференцировать данных респондентов на 2 подвыборки: испытуемые с внутренним типом религиозности (9%), испытуемые с внешним типом религиозности (91%).

Таким образом, из общей выборки испытуемых выделены 3 подвыборки: нерелигиозные испытуемые, испытуемые с внутренним типом религиозности, испытуемые с внешним типом религиозности.

Для определения, ведущего (генерализованного) мотива (достижения успеха или избегания неудач) респондентов из полученных трех подвыборок использован тест-опросник А. Мерхабиана в модификации М.Ш.

Магомед-Эминова [5]. Испытуемым предлагалось ответить на тестовые утверждения, связанные с жизненными ситуациями, и оценить степень согласия (несогласия) с каждым из них, используя оценочную шкалу. Баллы участников тестирования распределялись по возрастанию, после чего выделены две группы: группа с ведущим мотивом стремления к успеху и группа с мотивом избегания неудачи. Проведен корреляционный анализ типов религиозности и соответствующего ведущего мотива.

Следующий этап был связан с исследованием корреляционных связей религиозности и объяснительного стиля личности. Использован тест атрибутивных стилей Л.М. Рудиной [12], который является адаптированной методикой диагностики объяснительного стиля М. Зелигмана [4]. Шесть основных шкал методики, характеризуют стиль объяснения респондентами удачных и неудачных событий по трем показателям: постоянство, широта и

персонализация. Кроме того, шкалы надежды, итогового показателя по неблагоприятным и благоприятным событиям, а также оптимизма позволяют определить обобщенный уровень оптимизма или пессимизма человека. Проведен корреляционный анализ шкал опросника и типов религиозности.

Для выявления статистически значимых связей использован коэффициент корреляции Спирмена. Расчетная функция реализована в программе STATISTICA.

В таблице 1 приведены результаты корреляционных связей типов религиозности и ведущего (генерализованного) мотива.

Анализ корреляционных связей показал прямую зависимость мотивации достижения успеха и внешней религиозности ($r=0,36, p \leq 0,05$), мотивации избегания неудач и внутренней религиозности ($r=0,37, p \leq 0,05$), обратную зависимость мотивации достижения и внутренней религиозности ($r=-0,42, p \leq 0,05$). Установлена положительная связь (на уровне тенденции) между показателями мотивации достижения успеха и нерелигиозности ($r=0,23, p \leq 0,01$), обратная связь между мотивацией избегания неудач и религиозностью внешнего типа ($r=-0,22, p \leq 0,01$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что сформированность мотивации избегания неудач прямо зависит от степени развития внутренней религиозности. Доминирующий мотивационный стереотип на основе потребности избегания неудач, в числе других индивидуально-типологических особенностей личности, определяется уровнем внутренней религиозности. При этом, с ростом религиозных убеждений и верований значительно проявляется доминирование мотива избегания неудач. Такая корреляция может объясняться тем, что в мотивационных стратегиях человек с внутренним типом религиозности преимущественно полагается на внешнюю поддержку, высшие силы, чем на собственные. Глубокое принятие и осознание религиозных догматов способствует снижению уровня притязаний, потенциальных способностей к достижениям, стремления к самоактуализации.

Вместе с тем, стремление к успешности зависит от внешней религиозности. Уровень данного типа мотивации респондентов прямо коррелирует со способностью использования религиозных идей в утилитарных целях. Обратная корреляция (на уровне тенденции) между мотивом избегания неудач и внешним типом религиозности также может подтверждать склонность соответствующих респондентов использовать религиозные убеждения в качестве дополнительного ресурса защищенности и инструмента успешного достижения цели, чем для избегания неудач.

В подвыборке нерелигиозных респондентов установлена тенденция (в пределах статистической значимости) преобладания мотива достижения успеха, тогда как значимых корреляций с мотивом избегания неудач не выявлено. Это может объясняться наличием у таких испытуемых ведущего мотивационного сценария, связанного со стремлением направлять собственную активность на достижение успеха.

В таблице 2 приведены корреляционные связи типов религиозности и атрибутивного стиля личности.

Представленные данные свидетельствуют о том, что *внутренний тип религиозности* имеет значимый показатель прямой связи с переменными: «широта плохих событий» ($r=0,41, p \leq 0,05$), «постоянство плохих событий» ($r=0,31, p \leq 0,05$), «итог по неблагоприятным событиям» ($r=0,39, p \leq 0,05$), «коэффициент надежды» ($r=0,31, p \leq 0,05$) и тенденцию положительной связи с «персонализацией плохого» ($r=0,27^*, p \leq 0,01$).

«Широта плохих событий» ($r=0,41, p \leq 0,05$) имеет пространственную характеристику атрибутивного стиля личности с внутренним типом религиозности, характеризует стереотипность обобщения неблагоприятного опыта. При этом, человек склонен к универсальному сценарию объяснения собственным неудачам, снижать активность и отступать в широком спектре вызовов. Универсальность объяснительных стереотипов неблагоприятных событий детерминирует беспомощность в широком спектре жизненных ситуаций, склонность к нерациональным обобщениям негативного опыта, которые создают основу для пессимистического прогноза.

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции Спирмена между типом религиозности и ведущим (генерализованным) мотивом личности

Тип религиозности / Ведущий Мотив	Внутренняя религиозность	Внешняя религиозность	Нерелигиозные люди
Мотивация достижения успеха	$r=-0,42$	$r=0,36$	$r=0,23^*$
Мотивация избегание неудач	$r=0,37$	$r=-0,22^*$	$r=-0,21$
Нет выраженного мотива	$r=0,12$	$r=0,27$	$r=0,22$

Примечание. Выделенные значения значимы при $p \leq 0,05$; * - показатель на уровне тенденции ($p \leq 0,1$)

Таблица 2.

Коэффициенты корреляции Спирмена между типами религиозности и атрибутивным стилем личности

n=415 М 216, ж 199	Внутренняя религиозность	Внешняя религиозность	Нерелигиозные люди
PmB (Permanent Bad) Постоянство плохих событий	r=0,31	r=-0,12	r=-0,41
PmG (Permanent good) Постоянство хороших событий	r=0,13	r=0,27*	r=0,37
PvB (Pervasiveness Bad) Широта плохих событий	r=0,41	r=-0,25*	r=-0,34
PvG (Pervasiveness good) Широта хороших событий	r=0,11	r=0,29*	r=0,27*
HoB (Hope Bad) коэффициент надежды(PvB+PmB)	r=0,31	r=-0,27*	r=-0,38
PsB (Personalization Bad) Персонализация плохого	r=0,27*	r=-0,22	r=-0,18
PsG (Personalization good) Персонализация хорошего	r=-0,28*	r=0,31	r=0,40
Итог по неблагоприятным событиям B = PmB + PvB + PsB	r=0,39	r=-0,27*	r=-0,31
Итог по благоприятным событиям G = PmG + PvG + PsG	r=0,26	r=0,30	r=0,34
(G-B) – окончательный итог (оптимизм – пессимизм)	r=-0,29*	r=0,31	r=0,26*

Примечание. Выделенные значения значимы при $p \leq 0,05$; * - показатель на уровне тенденции ($p \leq 0,1$)

«Постоянство плохих событий» ($r=0,31$ $p \leq 0,05$) позволяет судить о временной характеристике способа интерпретируемых человеком событий, которая проявляется в убежденности перманентного характера событий соответствующего качества, стабильности их причин и источников, а также уверенности в том, что хорошие события, их причины и условия являются временными. Внутренняя религиозная убежденность формирует представление о плохих событиях в категориях «всегда» и «никогда».

«Коэффициент надежды» ($r=0,31$ $p \leq 0,05$) человека (отражает уровень надежды в негативных ситуациях), обладающего внутренней религиозностью, также находится в прямой корреляционной связи со степенью погружения в религиозный культ. Постоянство и широта объяснительного стиля, как суммарного показателя надежды, находится в прямой зависимости от глубины принятия веры и отражает постоянство и универсальность объяснения причин негативных событий. Высокий уровень внутренней религиозности стимулирует рост безнадежности.

Тенденция прямой связи религиозности внутреннего типа и показателя «персонализация плохого» ($r=0,27^*$ $p \leq 0,01$) может свидетельствовать о возрастании атрибуции причин неудач самому себе в зависимости от уровня религиозных убеждений, а также о низкой персонализации позитивных событий, которые преимущественно

оцениваются верующим исходя из независимых от него обстоятельств.

Прямая связь ($r=0,39$ $p \leq 0,05$) внутренней религиозности и «итога по неблагоприятным событиям» (сумма показателей широты, постоянства и персонализации плохих событий) говорит об обобщенной атрибутивной стратегии верующего данного типа, сводимой к отрицательным ожиданиям.

Значимых корреляций внутренней религиозности и широты, постоянства, итога в области благоприятных обстоятельств не установлено. Это может означать, что данный тип религиозности практически не влияет на формирование времени, широты позитивных событий и сценария отношения к благоприятным событиям. Вместе с тем, статистически значимая тенденция обратной связи с «персонализацией хорошего» ($r=-0,28^*$ $p \leq 0,01$) свидетельствует о снижении персонализации (приписывании себе) причин хороших событий в связи с ростом религиозных убеждений.

Статистически значимая тенденция обратной зависимости религиозности внутреннего типа и показателя «окончательный итог» ($r=-0,29^*$ $p \leq 0,01$), может объяснять влияние религиозных ценностей человеком на оптимистичность сценария его мышления. Чем выше внутренняя религиозность, тем ниже показатель оптимистичности человека.

Анализ табличных данных (Таблица 2) корреляций *религиозности внешнего типа* выявил прямую зависимость с «персонализацией хороших событий» ($r=0,31$ $p\leq 0,05$), «итогом в благоприятных событиях» ($r=0,30$ $p\leq 0,05$), «окончательным итогом» ($r=0,31$ $p\leq 0,01$), а также тенденцию прямой связи с «постоянством хороших событий» ($r=0,27^*$ $p\leq 0,01$), «широтой хороших событий» ($r=0,29^*$ $p\leq 0,01$), тенденцию обратной связи с «широтой плохих событий» ($r=-0,25^*$ $p\leq 0,01$), «коэффициентом надежды» ($r=-0,27^*$ $p\leq 0,01$), «итогом в неблагоприятных событиях» ($r=-0,27^*$ $p\leq 0,01$).

Внешняя религиозность, в отличие от внутренней имеет положительную связь с «персонализацией хороших событий» ($r=0,31$ $p\leq 0,05$). Это может свидетельствовать о росте атрибуции причин таких событий самому себе в связи с увеличением прагматичности в сфере религиозности. Корреляций с «персонализацией плохих событий» не отмечено, что говорит об отсутствии влияния такого типа религиозности на объяснительный сценарий персонализации плохих событий.

«Итог по благоприятным событиям» ($r=0,30$ $p\leq 0,01$), как обобщенный показатель широты, постоянства и персонализации хороших событий показал прямую связь с внешней религиозностью. Люди с подобным типом религиозности обладают большей уверенностью во временной стабильности, широте охвата благоприятными событиями разных сфер жизни, а также склонностью приписывать их причины себе самому.

«Окончательный итог» позволяет оценить степень преобладания пессимизма или оптимизма в объяснительном стереотипе личности. Данный показатель ($r=0,31$ $p\leq 0,05$) проявил прямую зависимость с внешней религиозностью, объясняя рост оптимистичности атрибутивного стиля в связи с прагматизмом религиозности.

Тенденции прямой связи внешней религиозности с «постоянством хороших событий» ($r=0,27^*$ $p\leq 0,01$), «широтой хороших событий» ($r=0,29^*$ $p\leq 0,01$), позволяют дать оценку временной и пространственной характеристике объясняемых событий. Указанные тенденции позволяют говорить о росте широты и постоянства оценки позитивного опыта, уверенности человека в стабильности позитивных событий, а также восприятию плохих событий и их источников как временных. Универсальность используемых сценариев объяснения удачных событий в широкой сфере жизненных обстоятельств обеспечивает формирование объяснительного стереотипа, лежащего в основе положительного прогнозирования.

Тенденция обратной зависимости религиозности утилитарного типа и показателя «широта плохих событий» ($r=-0,25^*$ $p\leq 0,01$) характеризует степень обобщения неблагоприятного опыта и свидетельствует о снижении

широты неблагоприятных событий, отношении к ним, как к незначительным случайностям. Такой сценарий стимулирует уверенность в позитивном результате.

Показательно значение «коэффициента надежды» (сила надежды в негативных ситуациях), которое означает тенденцию обратной связи с внешней религиозностью ($r=-0,27^*$ $p\leq 0,01$), что может говорить о росте надежды в неудачных ситуациях и уверенности в их временном характере.

Тенденция обратной связи «итога по неблагоприятным событиям» (суммарного показателя широты, постоянства, персонализации плохих событий, $r=-0,27^*$ $p\leq 0,01$) и религиозности внешнего типа свидетельствует об оптимистичности в неблагоприятных ситуациях, благодаря ощущению мнимой помощи и поддержки «высших сил» согласно религиозным убеждениям.

Анализ табличных данных (таблица 2) корреляций *нерелигиозных респондентов* показал прямую связь с показателями широты ($r=0,27^*$ $p\leq 0,01$), постоянства ($r=0,37$ $p\leq 0,05$), персонализации хороших событий ($r=0,40$ $p\leq 0,05$), что говорит об ощущении уверенности во временной стабильности и широте областей жизни, которые связаны с позитивными событиями, а также склонности рассматривать причины таких событий в собственной активности. «Итог по благоприятным событиям» ($r=0,34$ $p\leq 0,05$) показывает преимущественную склонность нерелигиозной личности планировать благоприятный исход собственной деятельности и низкую пессимистичность.

Обратная зависимость с показателями «постоянство плохих событий» ($r=-0,41$ $p\leq 0,05$), «широта плохих событий» ($r=-0,34$ $p\leq 0,05$) характеризует способность нерелигиозного человека обобщать неблагоприятный опыт, как частный и незначимый, и свидетельствует о снижении временной и пространственной перспективы отрицательных событий, уверенности в положительной результативности планирования. «Коэффициент надежды» ($r=-0,38$ $p\leq 0,05$), как суммарный показатель широты и постоянства плохих событий, также имеет свойство обратной связи и говорит о росте надежды в неудачных ситуациях. Обратная зависимость «итога по неблагоприятным событиям» ($r=-0,31$ $p\leq 0,05$) свидетельствует о доминировании оптимистичности нерелигиозных людей в неблагоприятных обстоятельствах.

«Окончательный итог» (баланс оптимизма-пессимизма), как результирующий показатель отношения нерелигиозных испытуемых к благоприятным и неблагоприятным событиям ($r=0,26^*$ $p\leq 0,01$), показывает преобладание оптимизма в атрибутивном сценарии таких людей.

Выводы

Проведенное исследование выявило статистически значимые корреляции между ведущим (генерализованным) мотивом и качествами религиозной сферы личности. Внутренняя религиозность в числе других индивидуально-типических характеристик личности способствует развитию мотивации избегания неудач. Доминирующим мотивационным сценарием внутренне религиозных людей является уклонение от неприятностей, неуверенность в успехе, недостаток веры в потенциал достижения цели. Вместе с тем, для людей, обладающих внешним типом религиозности и нерелигиозных людей характерен ведущий мотивационный сценарий достижения успеха. Когнитивную сферу таких людей отличает ожидание и субъективная вероятность успеха. Они преимущественно определяют цель, выбирают средства, организуют и направляют собственную деятельность на ее достижение. Таким образом, уровень и направленность религиозности, как социально-психологического свойства, оказывают влияние на формирование когнитивно-поведенческих сценариев личности в отношении достижения успеха или избегания неудач.

Внутренняя религиозность способствует развитию пессимистического атрибутивного (объяснительного)

стиля, который связан с переживанием: постоянства плохих событий, стабильности их причин, уверенности в том, что хорошие события и их причины являются временными; широты объяснения неблагоприятных событий, создающих основу для отрицательного прогноза; высокой персонализации негативных событий; низкой персонализации хороших событий; низким общим уровнем оптимистичности.

Внешняя религиозность стимулирует развитие и формированию: оптимистичности объяснительного стиля, связанного со стереотипом персонализации хороших событий (атрибуцией причин удач самому себе); уверенности в благоприятном итоге, снижении широты областей неприятностей, отношении к ним, как к случайностям; росте надежды в неудачных ситуациях; формировании объяснительного сценария, дающего основу для положительного прогнозирования; высоким общим уровнем оптимистичности.

Для нерелигиозных людей характерны: положительный объяснительный стиль; способность к обобщению неблагоприятного опыта, как частного и не значимого; снижение временной и пространственной перспективы отрицательных событий; склонность планировать благоприятный исход деятельности; общая оптимистичность в неблагоприятных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

- Афтана, Л.И. Эмоциональное пространство у человека: психофизиологический анализ. Новосибирск, 2000, Изд-во СО РАМН. – 106 с.
- Гумницкий, М.Е. Исследование взаимосвязи ценностно-смысловой сферы и религиозности личности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Педагогика и психология. 2013. № 5. С.113 – 120.
- Густова, Л.В. Исследование взаимосвязи между уровнем религиозности и интегративными личностными качествами: Дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2014. 152 с.
- Зелигман, М. Как научиться оптимизму: советы на каждый день / М. Зелигман. - М.: Вече, 1997. - 432 с.
- Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивация достижения: структура и механизмы: дис. ... канд. психол. наук / М.Ш. Магомед-Эминов. - М., 1987. - 343 с.
- Мишин, Ю.В. Мотивационные аспекты религиозной и нерелигиозной личности // Проблемы современного педагогического образования. – Сборник научных трудов: - Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 61. – Ч. 1. – С.399 - 403.
- Мишин, Ю.В. Аспекты субъективного контроля религиозной и нерелигиозной личности // Гуманитарные науки. – Сборник научных трудов: - Ялта: РИО ГПА, 2019. – Вып. 2 (46). - 168 с.
- Олпорт, Г. Становление личности : Избр. труды / Г.Олпорт. - М., 2002. Смысл, 2002. - 462 с.
- Олпорт, Г. Тенденции в теории мотивации / Г. Олпорт // Проективная психология. - М., 2000. - С. 55 - 67.
- Рубинштейн, С.Л. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.
- Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. - СПб. : Питер, 2003. - 512 с.
- Рудина, Л.М. Тест на оптимизм: Метод определения атрибутивных стилей / Л.М. Рудина. Под ред. В.М. Русалова. – М.: Наука, 2002. – 24 с.
- Соколовская, И.Э. Социальная психология религиозной идентичности современной молодежи: Дис. ... докт. психол. наук. Москва, 2015. 312 с.
- Сучкова, О.В. Методика изучения социально-психологического свойства личности «Религиозность» // Вестник Тверского государственного университета. – 2008. – № 13 (73). – С. 136 – 146.
- Шемет, И.С. Методика исследования религиозности // Сборник статей «Психология XXI столетия». – Т. 2; под редакцией В.В. Козлова - Ярославль, МАПН, 2007 – С. 304-305.
- Allport, G. The Religious Context of Prejudice. — Journal for the Scientific Study of Religion, 1966, vol. 5, p. 454–455.

© Мишин Юрий Викторович (skmax1@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕВЕНЦИЯ РИСКОВ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: СИТУАТИВНО-СЕНЗИТИВНЫЙ ПОДХОД

PREVENTING THE RISKS OF SUICIDAL BEHAVIOR: SITUATIONAL-SENSITIVE APPROACH

*E. Petrova
Yu. Dorofeeva*

Summary: The article is devoted to the problem of prevention of the risks of suicidal behavior of modern adolescents from the position of a situational-sensitive approach. The situational-sensitive approach allows us to identify the typology of suicidal risk of adolescents, the level of sensitivity to certain methods of socio-psychological impact, as well as the nature of the entry into suicide. Based on this approach, a program to prevent the risks of suicidal behavior of adolescents was developed and tested. In the program, taking into account the level of sensitivity of adolescents to the mechanisms of influence, informational, educational and psychological blocks were included, implementing forms of work aimed at certain mechanisms of preventive influence. The preventive program of the risks of suicidal behavior of adolescents has shown its effectiveness in the prevention of suicidal behavior of modern adolescents.

Keywords: adolescent suicide, risks of suicidal behavior, prevention of adolescent suicide, situational-sensitive approach.

Петрова Елена Алексеевна

Д.псих.н., профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва.

PetrovaEA@rgsu.net

Дорофеева Юлия Александровна

аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва.

infodorofeevaya@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме профилактики рисков суицидального поведения современных подростков с позиции ситуативно-сензитивного подхода. Ситуативно-сензитивный подход позволяет выявить типологию суицидального риска подростков, уровень чувствительности к определенным способам социально-психологического воздействия, а также характер входа в суицид. На основе данного подхода была разработана и апробирована программа профилактики рисков суицидального поведения подростков. В программе с учетом уровня чувствительности подростков к механизмам воздействия были включены информационно-просветительский и психологический блоки, реализующие формы работы, направленные на те или иные механизмы профилактического воздействия. Профилактическая программа рисков суицидального поведения подростков показала свою эффективность в профилактике суицидального поведения современных подростков.

Ключевые слова: подростковый суицид, риски суицидального поведения, профилактика подросткового суицида, ситуативно-сензитивный подход.

Проблема профилактики рисков подросткового суицида в настоящее время не теряет своей актуальности, что определяется ростом социальной напряженности и десоциализирующего влияния социальной ситуации развития, кризисностью протекания подросткового этапа онтогенеза, наличием эмоционально-личностных проблем и проблем в ближайшем окружении подростков [1; 2].

Суицидальное поведение в подростковом возрасте является многофакторным социально-психологическим феноменом, который формируется под влиянием индивидуально-личностных, ситуационных и социальных факторов, отличающихся своим многообразием. Поэтому и социально-психологические механизмы рисков суицидального поведения подростков и их профилактика отличаются многообразием, для анализа которых, по нашему мнению, продуктивным является ситуативно-сензитивный подход.

С позиции указанного подхода риски суицидального поведения подростков, а также их профилактика опираются на анализ психологических особенностей жизнен-

ных ситуаций подростка во взаимосвязи ситуационных и личностных переменных, в частности переживания критических и трудных жизненных ситуаций [3 -6]. Подростки различаются степенью чувствительности к социально-психологическим воздействиям, реализуемым с помощью основных социально-психологических механизмов внушения, убеждения, заражения, подражания, и в итоге оказываются наиболее уязвимы к тем негативным воздействиям среды, которые осуществляются через указанные механизмы. Социально-психологические механизмы – внушение, заражение, подражание и убеждение характеризуются разной степенью негативных воздействий, оказываемых ближайшим окружением на формирование суицидального поведения подростков. Развитие рисков суицидального поведения подростков, таким образом, опосредовано индивидуально-психологическими особенностями, чувствительностью к негативным воздействиям ситуаций, которые субъективно переживаются как критические и трудные жизненные ситуации [4; 5]. Отсюда важной задачей является диагностика чувствительности подростков к негативным воздействиям ситуационных факторов. Ситуационные факторы совместно с личностными переменными, в свою очередь,

оказывают влияние на характер входа в суицид.

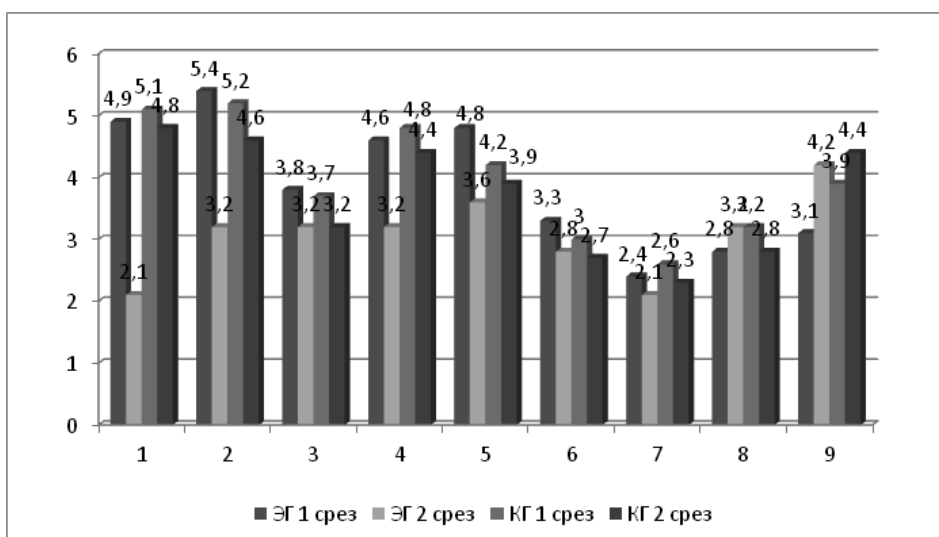
Описанные особенности ситуационных, личностных и социальных факторов, влияющих на вход в суицидальное поведение в подростковом возрасте, легли в основу программы превенции рисков суицидального поведения подростков. Превентивная программа была внедрена и экспериментально обоснована на базе государственного бюджетного учреждения Центра содействия семейному воспитанию «Алые паруса» по г. Москве. Исходя из уровня сензитивности подростков к механизмам воздействия в программу были включены содержательные блоки, реализующие формы работы, направленные на те или иные механизмы превентивного воздействия. Так, информационно-просветительский блок ориентирован преимущественно на применение превентивного воздействия механизма убеждения и проводился при участии сотрудников правоохранительных органов, педагогов образовательных учреждений, родителей, представителей СМИ. Психологический блок ориентирован преимущественно на применение превентивного воздействия неосознаваемых механизмов заражения, подражания, внушения в условиях психологической тренинговой группы и в условиях индивидуальных консультаций. Следует отметить, что психологический блок превентивной программы направлен на оказание помощи подросткам с высоким риском суицидального поведения, переживающим кризисную ситуацию в своей жизни и своем развитии, испытывающим дискомфорт от депрессивных и экзистенциальных переживаний, а также от психотравмы. Поэтому превентивную деятельность с данной группой подростков проводил психолог, поскольку была необходима психотерапевтическая помощь, использование психотехник, посещение комнаты психологической разгрузки.

В экспериментальном обосновании превентивной программы участвовали подростки от 13 до 16 лет в количестве 104 человек, которые по критерию включенности в нее сформировали экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) группы по 52 человека. До проведения превентивной программы в исследуемых группах подростков достоверных различий по показателям готовности к суицидальному поведению не было выявлено, поэтому экспериментальное обоснование осуществлялось по плану для двух эквивалентных выборок с предварительным и итоговым тестированием.

В качестве диагностических методик для оценки суицидального риска применялись «Опросник суицидального риска» (ОСР) А.Г. Шмелева в модификации Т.Н. Разуваевой (2012), авторская методика «Незаконченные предложения» Е.А. Петровой, Ю.А. Дорофеевой (2018). Достоверность различий определялась с помощью t-критерия Стьюдента, φ^* - угловое преобразование Фишера.

Анализ результатов исследования, отражающий динамику суицидальных рисков подростков исследуемых групп, полученных с помощью «Опросника суицидального риска» (ОСР) А.Г. Шмелева в модификации Т.Н. Разуваевой (2012), представлен на Рис. 1.

Результаты исследования показали, что включение подростков в превентивную программу способствует достоверному ($p < 0,01$) снижению суицидальных рисков и повышению антисуицидального фактора. После реализации программы у подростков повысился когнитивный контроль в трудной жизненной ситуации, позитивное отношение к собственной личности и к миру, чувство ответственности за близких и неприятие самоубийства

Показатели: 1. Демонстративность. 2. Аффективность. 3. Уникальность. 4. Несостоятельность. 5. Социальный пессимизм. 6. Слом культурных барьеров. 7. Максимализм. 8. Временная перспектива. 9. Антисуицидальный фактор.

Рис. 1. Динамика суицидальных рисков подростков до и после экспериментального воздействия

как способа выхода из трудной жизненной ситуации. У подростков наблюдалось снижение фиксации на неудачах и потребности привлечь внимание окружающих к своим несчастьям. Достоверная динамика снижения суицидальных рисков и повышения антисуицидального фактора выявлена только в экспериментальной группе подростков.

Динамика отношения подростков исследуемых групп к жизни и смерти, полученная с помощью авторской методики «Незаконченные предложения» Е.А. Петровой, Ю.А. Дорофеевой (2018), показала, что в экспериментальной группе подростков выявлена достоверная ($p < 0,05$) положительная динамика подростков с позитивным отношением к жизни и неприятием смерти с 12 чел. (23 %) до 22 чел. (42 %); отрицательная динамика подростков с позитивным принятием смерти с 20 чел. (38 %) до 10 чел. (20 %). В отличие от контрольной группы, в которой наблюдалась незначительное увеличение количества подростков с позитивным отношением к жизни и не-

приятием смерти на одного человека. Результаты показали, что разработанная и апробированная программа превенции суицидальных рисков подростков с учетом суицидального риска и уровня сензитивности к определенным способам социально-психологического воздействия, обеспечивает снижение рисков суицидального поведения современных подростков при ее реализации.

Итак, современное состояние проблемы превенции рисков суицидального поведения у подростков характеризуется разнообразием существующих подходов и поиском социально-психологических механизмов их снижения. Превентивная программа рисков суицидального поведения подростков, в основе которой лежат теоретические положения ситуативно-сензитивного подхода к пониманию социально-психологических механизмов суицидального поведения, показала свою эффективность в профилактике суицидального поведения в подростковом возрасте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А.Г. К вопросу о саморазрушающем поведении подростков // Саморазрушающее поведение подростков / А.Г. Амбрумова, Е.Г. Трайнина // Вопросы психологии. – 2014. – №3. – С. 29-36.
2. Васильченко М.В. Психологическое сопровождение подростков группы риска, склонных к кризисным состояниям и суицидальному поведению: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Васильченко Марина Владимировна. – Ставрополь, 2009. – 231 с.
3. Василюк Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической помощи // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 27–37.
4. Петрова Е.А. Совладание с трудной жизненной ситуацией как профилактика суицида // Жизнь как главная ценность человека. материалы конференции, посвященной Международному дню профилактики суицидов, 10 сентября 2007 г. Москва, 2008. – С. 4-12.
5. Петрова Е.А. Профилактика суицида в контексте проблемы совладания с трудной жизненной ситуацией // Социально-психологическая профилактика и психотерапия суицидального состояния личности. III Всероссийская научно-практическая конференция. – 2014. – С. 134-141.
6. Петрова Е.А. Человек в трудной жизненной ситуации: Материалы I и II научно-практических конференций 24 декабря 2003 г. и 8 декабря 2004 г. / под ред. Е.А. Петровой. – М.: Издательство РГСУ, 2004. – С. 13-15.

© Петрова Елена Алексеевна (PetrovaEA@rgsu.net), Дорофеева Юлия Александровна (infodorofeevaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ

Тужикова Елена Сергеевна

*К.псих.н., доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
tuzhikova@live.ru*

COPING BEHAVIOR STRATEGIES AND STRESS RESISTANCE OF STUDENTS AND YOUNG SPECIALISTS OF THE FIRE SERVICE

E. Tuzhikova

Summary: The article is devoted to the study of stress resistance and the use of coping strategies of behavior among cadets and young specialists of the fire service, which is relevant and practically significant for professional activity. Cadets and young employees of the Ministry of Emergency Situations took part in the study. It was revealed that cadets in a stressful situation rationally assess the possibilities of effective resolution of a problematic situation. In situations involving increased loads, cadets will resort to the use of intellectual rationalization techniques, switching attention to reduce the subjective significance of intractable situations, which reflects a constructive approach to solving difficulties. For young professionals with work experience, they resort to trying to solve the problem by implementing specific actions aimed at changing the situation.

Keywords: coping behavior, stress, stress tolerance, fire service employees.

Аннотация: Статья посвящена изучению стрессоустойчивости и использования копинг-стратегий поведения у курсантов и молодых специалистов противопожарной службы, что является актуальным и практически значимым для профессиональной деятельности. В исследовании принимали участие курсанты и молодые сотрудники ГПС МЧС. Было выявлено, что курсанты в стрессовой ситуации рационально оценивают оптимальные возможности решения сложных ситуаций. В ситуациях, связанных с повышенными нагрузками, курсанты будут прибегать к рациональному типу реагирования для снижения трудных и стрессогенных ситуаций и преобразованию их в конструктивный способ, что отражает более адаптивный и менее затратный подход к разрешению трудностей. Для молодых специалистов, имеющих практический опыт работы выработан способ реагирования на стрессогенные ситуации через изменение отношения к ним.

Ключевые слова: копинг-стратегии поведения, совладающее поведение, стресс, стрессоустойчивость, сотрудники противопожарной службы (ГПС МЧС).

Служебная и боевая деятельность сотрудников ГПС МЧС является одной из самых специфических и опасных сфер профессиональной деятельности. Характерная особенность профессиональной деятельности пожарного проявляется в очевидности социальной ценности и экологической значимости работы. [2]. Сотрудники государственной противопожарной службы часто сталкиваются со стрессогенными ситуациями. Здесь эффективность и безопасность работы спасателей во многом зависит от правильно организованной психологической подготовки: она так же необходима для профилактики угроз психологических и физических травм. [4]

Исследование психологических особенностей профессиональной деятельности пожарных привлекало и привлекает множество психологов [5]. Актуальность проведения данных исследований обуславливается ростом числа техногенных чрезвычайных ситуаций повсеместно. На сегодняшний день они составляют 75–80% от общего количества чрезвычайных ситуаций. [5]

На сегодняшний день прослеживается тенденция к

противоречиям между растущими предъявляемыми к профессионализму требованиями к специалистам государственной пожарной службы МЧС и недостаточностью уровня их психологической готовности к профессиональной деятельности. Психические свойства личности, необходимые для эффективной организации боевых действий в экстремальных условиях, формируются в процессе её учебно-профессиональной и профессиональной деятельности или же заменяются другими качествами. Важно отметить, что некоторые психологические свойства личности пожарного напрямую зависят от профессиональной мотивации, формирование которых происходит в процессе их профессиональной и психологической подготовки. [7]

В современных условиях профессиональная деятельность сотрудников ГПС МЧС стала более интенсивной и трудной. Это связано с внедрением и широким применением новых технических средств, специальной техники. В этих условиях труда пожарные непрерывно подвергаются нагрузкам на физическое и психическое здоровье. Они несут ответственность за здоровье своих коллег и окружающих. Им приходится сталкиваться с массовыми

человеческими жертвами и значительными материальными потерями. [3]

Профессиональная деятельность сотрудников ГПС МЧС часто сопряжена с воздействием множества неблагоприятных факторов как физических, психологических, так и других патогенных раздражителей, которые способствуют развитию выраженного психоэмоционального и физиологического стресса. Одним из распространенных стрессогенных факторов выступает «режим тревожного ожидания» во время суточного дежурства. Реакция, связанная с беспокойством об ожидании вызова, зачастую больше реакции, которая возникает во время действий в кризисных условиях. [1]

Анализ исследований позволяет раскрыть значимость роли психологической подготовки сотрудников ГПС МЧС к боевой деятельности во время обучения и в первый период адаптации вхождения в профессиональную деятельность. Психологическая готовность не может возникнуть сама – она развивается и сохраняется на протяжении всей служебной деятельности, обучения, тренировок, занятий. Правильно организованная система мероприятий по обеспечению психологической готовности и активизации навыков в сочетании с профессиональными навыками позволяет специалисту быстро и качественно справиться с поставленными задачами. [6]

Таким образом, в процессе становления профессионализма необходимо учитывать психологические особенности личности и степень адаптированности в служебной деятельности не только во время обучения курсантов, но и молодых специалистов. Психологический контроль и объективный анализ факторов психического напряжения позволяет повысить уровень профессиональной подготовки специалистов. Способы реагирования на стресс и стратегии поведения в экстремальных ситуациях требуют внимательного изучения и являются актуальными в современных условиях.

Нами было проведено исследование целью, которого было в определении стрессоустойчивости и способов совладающего поведения. В исследовании приняли две группы испытуемых: первая группа курсантов 5 курса ГПС МЧС в количестве 59 человек (средний возраст 21 год); вторая группа сотрудников ГПС МЧС России в количестве 58 человек Средний возраст 27 лет и стаж работы по специальности не более 5 лет).

В качестве психодиагностического инструментария были использованы следующие методики - методика диагностики состояния стресса А.О. Прохорова, опросник «Утомление – Монотония – Пресыщение – Стресс», адаптированный А.Б. Леоновой и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса.

В таблице 1 представлены результаты сравнительного анализа среднегрупповых значений по методике совладающего поведения в группах курсантов и сотрудников МЧС.

Как оказалось, способы совладающего поведения конфронтация, дистанцирование, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание достоверно выше в группе курсантов, чем у сотрудников.

Стратегия конфронтации относится к неконструктивному способу реагирования на трудные ситуации, данный способ отражает больше эмоциональный отклик и чаще сопровождается негативными поведенческими реакциями иногда немотивированной агрессивностью и излишней конфликтностью если выражено очень сильно. В умеренном проявлении этот способ является откликом обозначения трудной ситуации и возможностью поразмышлять как наиболее рационально среагировать на трудную ситуацию, что может является побудительным для преобразования или отражения своих интересов, что в свою очередь позволяет снижать повышенную тревожность. Эта стратегия является активным способом борьбы со стрессовыми воздействиями. Средний результат по шкале «Конфронтация» у группы курсантов составляет 55,9, у группы сотрудников 45,9. Эти показатели попадают в зону умеренного использования стратегии.

Средние результаты по шкале «Дистанцирование» у курсантов составляют 56,6, у опрошенных сотрудников 47. Эти показатели попадают в зону умеренного использования стратегии. Это свидетельствует о том что, сотрудники и курсанты предпочитают снизить значимость происходящего. Дистанцирование проявляется в снижении эмоционального реагирования, где может происходить обесценивание своих переживаний и определенное снижение значимости и оптимальных способах реагирования на трудные ситуации.

Средние результаты по шкале «Самоконтроль» у курсантов составляют 41,4, у опрошенных сотрудников 41,55. Эти показатели попадают в зону умеренного использования стратегии. По данному копингу наблюдается наиболее низкий результат, находящейся на границе с редким использованием стратегии. Суть данного механизма заключается в целенаправленном подавлении чувств и эмоций с целью сохранения оптимального для работы состояния.

Способом совладающего поведения у курсантов и у сотрудников «Поиск социальной поддержки» имеют средние значения, что свидетельствует о необходимости взаимодействия и принятия во внешних контактах, для восстановления внутренних ресурсов и принятия

Таблица 1.

Сравнительный анализ по способам совладающего поведения в группах курсантов и сотрудников МЧС

Способ совладающего поведения	Курсанты МЧС		Сотрудники МЧС		Т-критерий Стьюдента
	Ср. зн.	Станд. отклонение	Ср. зн.	Станд. отклонение	
Конфронтация	55,9	12	45,9	6,61	4,03
Дистанцирование	56,6	11,43	47	9,48	3,49
Самоконтроль	41,4	12	41,5	9,02	-0,02
Поиск социальной поддержки	48	13,8	40,8	10	2,22
Принятие ответственности	48,5	7,19	43,3	8,65	2,49
Бегство-избегание	54,8	10,47	48,4	9,26	2,44
Планирование решения проблемы	50,2	9,24	50,1	10,53	0,02
Положительная переоценка	48,8	9,01	48,2	12,10	00,2

помощи.

По показателю «Принятие ответственности» у группы курсантов и у группы сотрудников умеренно выражены, но в группе курсантов статистически более выражены. Этот факт говорит о том, что у курсантов еще не сформировался навык к анализу своего поведения и способности принятия излишней ответственности за случившиеся. Здесь возникает риск развития излишней самокритики, чувства вины и неудовлетворенностью. Тогда как сотрудники имеют меньшее значение по этому показателю.

Среднее значение по шкале «Бегство-избегание» у группы курсантов составляет 54,8 балла. У группы сотрудников среднее значение составляет 48,4. Эти показатели попадают в зону умеренного использования стратегии. Как и дистанцирование, данный вид копинг-стратегии помогает быстро снизить эмоциональное напряжение, сохраняя самообладание, это может помочь при стрессовых воздействиях.

Конструктивный способ совладающего поведения «Планирование решения проблемы» у курсантов и сотрудников имеют практически идентичные результаты и свидетельствуют о сформированности стратегического планирования и равномерного разрешения сложных и стрессогенных ситуаций.

Также конструктивный способ совладающего поведения «Положительная переоценка» у курсантов и у сотрудников имеют практически идентичные результаты и не выявил значимых различий в этих группах. Данная стратегия отчасти схожа с дистанцированием, однако в данном контексте, сотрудники и курсанты, предпочитающие этот способ будут стремиться предавать своим

действиям и поступкам большой смысл. Стрессовую ситуацию они также будут рассматривать как что-то, что может дать им необходимый жизненный опыт.

Таким образом, на основании методики «Способы совладающего поведения», предложенной Лазарусом, копинг-стратегии используются примерно в равной степени сотрудниками и курсантами МЧС. Стратегия «Самоконтроль» предпочитается сотрудниками и курсантами нашей выборки меньше, чем остальные стратегии.

Далее были выявлены корреляционные связи и их различия в группах курсантов и сотрудников ГПС МЧС по показателям методики «Диагностика состояния стресса» (А.О. Прохоров), опросник «Утомление – Монотония – Пресыщение – Стресс» (А.Б. Леонова) и опросника «Способы совладающего поведения».

В группе курсантов была получена обратная взаимосвязь показателей «Уровень регуляции в стрессовых условиях» со стратегиями «Конфронтация» (-0,531; уровень значимости $p < 0,05$) и «Положительная переоценка» (-0,557; уровень значимости $p < 0,05$). Чем выше показатель уровня регуляции в стрессовых условиях, тем ниже показатели использования копинг-стратегий. Таким образом, курсанты в стрессовой ситуации предпочитают избегать элементов враждебности и конфликтности. Исключение импульсивных реакций в сторону сдержанного поведения, они не испытывают трудностей в планировании действий. Рационально оценивают оптимальные возможности решения сложных ситуаций.

Кроме того, была выявлена прямая взаимосвязь показателей актуального функционального состояния стресса с копинг-стратегиями «Дистанцирование» (0,649; уровень значимости $p < 0,05$), «Самоконтроль» (0,638;

уровень значимости $p < 0,05$) и «Планирование решения проблемы» (0,485; уровень значимости $p < 0,05$). Чем сильнее степень выраженности актуального функционального состояния стресса у курсантов, тем более выражено предпочтение копинг-стратегий «Дистанцирование», «Самоконтроль» и «Планирование решения проблемы». Соответственно, в ситуациях, связанных с повышенными нагрузками, курсанты будут прибегать к снижению эмоционального реагирования, где может происходить обесценивание своих переживаний, определенное снижение значимости и оптимальных способов реагирования на трудные ситуации. Курсанты справляются с проблемой при помощи анализа ситуации и отражают конструктивный подход к разрешению трудностей.

Аналогичным способом был проведен корреляционный анализ в группе сотрудников и была получена прямая взаимосвязь показателей «Уровень регуляции в стрессовых условиях» со стратегией «Планирование решения проблемы» (0,82; уровень значимости $p < 0,05$). Чем выше показатель уровня регуляции в стрессовых условиях у сотрудников, тем более выражено предпочтение копинг-стратегии «Планирование решения проблемы». Можно сделать вывод, что сотрудники в стрессовой ситуации чаще прибегают к планированию

собственных действий с учетом своего прошлого опыта и имеющихся ресурсов, что отражает конструктивный способ реагирования на трудные ситуации. Кроме того, была выявлена прямая взаимосвязь показателей актуального функционального состояния стресса с копинг-стратегией «Конфронтация» (0,65; уровень значимости $p < 0,05$). Чем сильнее степень выраженности актуального функционального состояния стресса, тем более выражено предпочтение копинг-стратегии «Конфронтация». В ситуациях, связанных с повышенными нагрузками, сотрудники МЧС прибегают к изменению ситуации за счет активных действий, что позволяет справляться со стрессогенными ситуациями.

Таким образом, полученные результаты работы выявили, что курсанты в стрессовой ситуации рационально оценивают оптимальные возможности решения сложных ситуаций. В ситуациях, связанных с повышенными нагрузками, курсанты будут прибегать к рациональному типу реагирования для снижения трудных и стрессогенных ситуаций и преобразованию их в конструктивный способ, что отражает более адаптивный и менее затратный подход к разрешению трудностей. Для молодых специалистов, имеющих практический опыт работы выработан способ реагирования на стрессогенные ситуации через изменение отношения к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василюк, Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 200 с.
2. Дежкина, Ю.А. Развитие профессионально важных качеств сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России в процессе профессионализации: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.03 / Ю.А. Дежкина; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2008. – 23 с.8
3. Дружилов, С.А. Психология профессионализма человека: интегративный подход / С.А. Дружилов // Журнал прикладной психологии. – 2003. — № 4-5. – С. 35–42.
4. Ильинский, С.В. Особенности стрессоустойчивости сотрудников противопожарной службы / С.В. Ильинский, Гладышева Е.В. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2013. - №2. – С. 34–45.
5. Осипов, А.В. Профессионально важные качества сотрудников пожарно-спасательных формирований на разных этапах профессионального становления: автореф. ди. ... канд. псих. наук: 19.00.13 / А.В. Осипов. – Ростов-на-Дону, 2009. – 32 с.
6. Пашов, С.С. Основные задачи психологической подготовки сотрудников ГПС МЧС / С.С. Пашов, И.Д. Черноусова // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2016. - №1-2. – С. 312–314.
7. Протасов, А.В. Профессионально-важные качества пожарных / А.В. Протасов, И.Д. Черноусова // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2014. - №1. – С. 3-6.

© Тужикова Елена Сергеевна (tuzhikova@live.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА, ФЕНОМЕН АГРЕССИВНОСТИ И ВОЙНА (НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ)

Гусейнова Севда Джумшуд кызы

*Доктор философии по философии, доцент,
Азербайджанское Высшее Военное училище
имени Гейдара Алиева
adtesto@mail.ru*

HUMAN NATURE, THE PHENOMENON OF AGGRESSION AND WAR (SOME PHILOSOPHICAL ASPECTS)

S. Huseynova

Summary: Wars, usually accompanying our history and bringing immense suffering, death and destruction to humanity, are one of the actual contemporary problems. A number of questions emerge in this regard. Why are we unable to prevent these wars? Why does our society, striving to be more humanistic, tolerate armed barbarism? Is the human mind helpless against this problem? How much does the reason and solution of the problem depend on the person himself? What are the prospects for solving the problem?

Trying to find answers to these questions, the article touches upon a number of philosophical aspects of the relationship of human nature, its phenomenon of aggressiveness with war, in which, although in a manner limited by rules, acts of aggression and violence are certainly used. The article first examines the attitudes of a number of scientists to human nature, the phenomenon of human aggression, as to the primary cause of war. In addition, the role of aggressiveness as an instrument of the goal of war or a means of obtaining pleasure, the possibility of reducing the intensity of aggression as a factor causing war, and its limitation in relation to military conflicts are discussed.

Keywords: human nature, aggressiveness, aggression, war, violence, humanistic society, catharsis, culture.

Аннотация: Войны, почти всегда сопровождавшие нашу историю и приносившие человечеству огромные страдания, смерть и разрушения, являются одной из самых острых проблем современности. В связи с этим возникает множество вопросов. Почему мы не в состоянии предотвращать эти войны? Почему наше общество, стремящееся быть более гуманистическим, терпит вооруженное варварство? Беспомощен ли человеческий разум перед этой проблемой? Насколько корень и решение проблемы зависят от самого человека? Каковы перспективы решения проблемы?

Чтобы попытаться найти ответы на эти вопросы, в статье затрагивается ряд философских аспектов взаимосвязи человеческой природы, его феномена агрессивности с войной, в которой, хотя и в ограниченном правилами порядке, но, безусловно, применяются акты агрессии и насилия. В статье, прежде всего, рассматривается отношение ряда ученых к человеческой природе, феномену человеческой агрессивности, как к первопричине войны. Также обсуждается роль агрессивности в качестве инструмента цели войны или средства получения удовольствия, возможность снижения интенсивности агрессии как фактора, вызывающего войну, и ее ограничение применительно к военным конфликтам.

Ключевые слова: природа человека, агрессивность, агрессия, война, насилие, гуманистическое общество, катарсис, культура.

В истории философской мысли, начиная с Гераклита, который говорил: «война – отец всего, царь всего», было много серьезных попыток проанализировать сущность войны и дать ей моральную оценку. Античные философы Платон и Аристотель в своих трудах также не проигнорировали этот вопрос. В средние века воззрения на войну стали более религиозными. Однако, начиная с эпохи Возрождения, когда общественная жизнь претерпела значительные изменения, интерес к философскому анализу войны возрос. Н. Макиавелли, утверждающий, что на благо государства все средства хороши, великий гуманист Э. Роттердамский, подчеркивавший важность мира, С. Франк, считавший войну иррациональной и неестественной, Кант, веривший в то, что человечество достигнет вечного мира, затрагивали разные стороны проблемы войны и мира. Великий немецкий философ Г. Гегель видел первопричину войны в противоречиях и считал ее инструментом спасения нации и средством от разложения. С того же времени были предприняты попытки объяснить моральные аспекты

войны, взаимосвязь между феноменом человеческой агрессивности и войной, а также заложена основа двух противоположных течений в вопросе роли человеческой природы в отношении войны.

В новую эпоху английский философ Томас Гоббс разработал теорию об агрессивной природе человека, заложившую основу для течения, приведшего в будущем к серьезным научным спорам по данному вопросу. Пытаясь объяснить природу человеческой агрессивности, Гоббс пишет, что в борьбе за достижение своей цели, которая состоит главным образом в сохранении жизни, а иногда в одном лишь наслаждении люди пытаются уничтожить или завоевывать друг друга. В человеческой природе Гоббс видит три причины конфликта: соперничество; недоверие; жажду славы [6]. Сторонник данного течения, австрийский ученый Зигмунд Фрейд, отмечая, что агрессивность людей является врожденной, пытается оправдать неизбежность войны. Разделяя человеческие влечения на эрос (защитные, объединяющие) и танатос

(разрушительные, смертоносные), последние он называет агрессивными и деструктивными. Фрейд пишет, что оба эти влечения в равной мере необходимы, и инстинкт самосохранения, чтобы претвориться в жизнь, нуждается в агрессивности [11]. Другой австрийский ученый, Конрад Лоуренц в своей эволюционной теории также утверждает, что человеческая агрессия проистекает из инстинкта борьбы за выживание, но у человека способность ограничивать этот инстинкт слабее, чем у других живых существ. Он утверждает, что в результате развития науки и техники человек, приобретая оружие массового поражения, представляет еще большую опасность [9]. Наряду с Конрадом Лоуренцем и австралийским ученым Раймондом Дартом, другой эволюционист, американский писатель, ученый, археолог-любитель Роберт Ардри выдвинул интересную идею о том, что в основе человеческой агрессии стоит «природа охотника». Эти сторонники гипотезы «обезьян-убийц», основоположником которой является Раймонд Дарт, утверждают, что война и межличностная агрессия являются наследственной эволюционной чертой [13]. Французский ученый Норбер Рулан, опровергая эти представления, пишет, что охотник убивает без ненависти, чтобы добыть пропитание. Война же, требует агрессивности [4, стр.145]. Но, если мы просто обозрим историю человечества, увидим, что не все войны основаны на ненависти.

Американский научный публицист Джон Хорган выступает против идеи, что жестокие конфликты появились с первым человеком, и что последующие войны порождаются основными человеческими инстинктами господства или завоевания. Он утверждает, что тезис о том, что война - это не только агрессия или межличностное насилие, но и смертельный групповой конфликт – глубоко укоренился в нашей эволюции и природе пропагандирован такими выдающимися учеными, как Джаред Даймонд, Ричард Рэнгхэм, Эдвард Уилсон и, прежде всего, психолог Стивен Пинкер. Обвиняя эту теорию в коварстве, отсутствии эмпирической поддержки, порождении пессимизма в обществе, он соглашается с автором «Истории войны» Джоном Киганом, что война по своей сути культурна, и причиной войны является не «человеческая природа» или конкуренция за ресурсы, а «сам институт войны» [14]. Подчеркивая необходимость уважительного отношения к его аргументам, надо обращать внимание на то, что отсутствие достаточного количества археологических артефактов не доказывает обнаружения истины. В науке, во многих случаях более поздно обнаруженные артефакты привели к полному опровержению предыдущих представлений. С другой стороны, если какая-либо научная концепция правдива, то она имеет право на существование, независимо от реакции, которую она вызовет в обществе, или от того, может ли она быть использована для других целей, включая политические. Самое главное, концепция глубоких

корней войны не предполагает неизбежности войны. Каждый человек и человечество в целом сталкивается со многими отрицательными чертами, которые проистекают из его природы, и часто может отрицать их силой собственной воли. Чем больше человек сосредотачивается на своих внутренних инстинктах, рефлектирует, тем лучше он познает себя и учится лучше контролировать себя.

Джон Хорган обвиняет вышеупомянутых ученых в том, что они следуют тенденции Гоббса. Следует отметить, что Джон Хорган не единственный, кто не согласен с Гоббсом. Еще в эпоху Нового времени великий философ французского Просвещения Жан-Жак Руссо, в отличие от теории Гоббса об агрессивной природе человека как причине войны, считал, что человек в природном состоянии был свободен, мудр и сострадателен и при таком существовании войн не было. Цивилизация поработила, развратила и сделала человека неестественным. Само гражданское общество превратило человека в воинственное существо. [5, стр. 143]. Этот подход, положительно воспринимающий изначальную природу человека, получил множество сторонников в истории философской мысли. Например, русский философ Петр Кропоткин в труде «Взаимная помощь как фактор эволюции» пишет, что борьба в природе часто ограничивается межвидовой борьбой. Внутри одного вида и в большинстве случаев в группах, состоявших из различных видов, взаимопомощь является общим правилом [7]. В книге «Этика», написанной им в конце жизни, Петр Кропоткин пытается обосновать свои взгляды, отмечая, что инстинкт взаимопомощи, важный для существования, процветания и развития каждого вида, всегда был присущ человеку. Идентификация индивида с группой на самом деле основана на этом инстинкте. Склонность к конфликтам выгодна обществу только для разрушения несправедливых авторитарных режимов [8].

На фоне споров об агрессивной природе человека Джон Хорган считает более целесообразным принять классификацию по форме реактивной и проактивной агрессии вместо двух вышеуказанных направлений [14]. Как отмечают исследователи Р.Бэррон и Д.Ричардсон, агрессия может быть представлена в виде дихотомии (физическая — вербальная, активная — пассивная, враждебная и инструментальная и т. п.) [2,31]. Что касается деления на реактивную (защитную) и проактивную (неспровоцированное жестокое поведение), надо отметить, что предложенная Джоном Хорганом модель подробно изучается в трудах британского антрополога и приматолога Ричарда Врангама. Он пишет, что по сравнению с другими млекопитающими (напр. шимпанзе, бонобо) у людей чрезвычайно низкий уровень реактивной агрессии и чрезвычайно высокий уровень активной агрессии. По утверждению Ричарда Врангама, корни современной войны как раз находятся в разнице между

«реактивной» и «активной агрессией» [15].

Существует и фрустрационная модель агрессивного поведения, в которой реактивная агрессия определяется как реакция защитного характера в ответ на реальную или ожидаемую угрозу, фрустрацию или провокацию. По этой теории (Джон Доллард, Нил Миллер, Леонард Дуб и др.), агрессия является результатом блокирования или фрустрирования усилий человека, направленных на достижение цели. Позже американский социальный психолог Леонард Берковиц подал идею, что отрицательный аффект и личные качества играют главную роль в провоцировании разочарованием агрессивного поведения [см.:12]. Французский философ, исследователь войны Раймонд Арон в своей книге пишет, что «физическая агрессия и воля к разрушению и уничтожению не являются единственной реакцией на фрустрацию, но они представляют собой одно из возможных реагирований и, наверное, как раз его спонтанную разновидность» [1, стр.409].

В целом определенная группа ученых выступает против объяснения проблемы только психологическими факторами. Теории же социального научения утверждают, что агрессия появляется только в соответствующих социальных условиях. Испанский философ XX века Хосе Ортега-и-Гассет в социально-философском трактате «Восстание масс» пишет: «нередко к насилию прибегают, исчерпав все средства в надежде образумить, отстоять то, что кажется справедливым». [3, стр.325].

Согласно рационалистической теории, во время войны обе стороны конфликта действуют разумно и исходят из желания получить выгоду. По *Primat der Außenpolitik* (Приоритет внешней политики) Карла фон Клаузевица и Леопольда фон Ранке, что война и мир являются следствием решений государственных деятелей и геополитической ситуации. *Primat der Innenpolitik* (Приоритет внутренней политики) Эккарта Кепа (Eckart Kehr) и Ханса-Ульриха Вэлера (Hans-Ulrich Wehler), считает, что война является продуктом местных условий, и внешними факторами определяется лишь направление агрессии.

Как видим, по интересующей нас проблеме существует множество теорий, многие из которых противоречат друг другу. Можно было обойти стороной эти теории, в которых отдельные положения можно оспорить, опровергнуть. Тем более, что многое из сказанного не подлежит верификации. Но все эти размышления носят в себе частицы истины и дают пищу для ума ученого, открывают стороны проблемы, которые надо изучить и анализировать, тем самым помогают найти подходы к изучаемой проблеме.

Как уже было сказано, война в классическом понимании этого слова всегда осуществляется посредством

физического насилия. То есть, в войнах, ведущихся для любых целей – политических, экономических, религиозных и т.д., акты агрессии неизбежны. Во время войны агрессивность в отношении вооруженных лиц или гражданского населения противника может проявляться в разных формах, интенсивности и масштабах. Даже в наше время, когда в мире широко распространены идеи более гуманистического подхода к войне, массовое и индивидуальное насилие в ходе боевых действий неизбежно. В этом случае агрессия и насилие, примененные во время войны, становятся инструментом достижения цели. Однако важно отметить, что в войне, ставшей инструментом реализации общественно значимых целей, желание причинить вред другому человеку или группе может проявляться независимо от основной цели войны. Оно также может проявляться в виде внутренних агрессивных тенденций, фрустраций и ответных реакций человека, столкнувшегося с агрессивным поведением во время боя. Гоббс писал, что человек вынужден принимать меры предосторожности, чтобы обезопасить свою жизнь, но некоторые продолжают захватывать их только для того, чтобы наслаждаться своей силой во время завоевания [6].

В наше время, с развитием науки и высоких цифровых технологий, в данном вопросе возникла противоречивая ситуация. С одной стороны, использование высокоточного оружия, растущие масштабы бесконтактных боев в современных войнах приводят к уменьшению этих агрессивных реакций, направленных на противника, а с другой стороны, вся агрессия сидящего перед монитором и уверенного в своей безопасности специалиста направлена на полное уничтожение сил противника, что во многом напоминает ему компьютерные игры. Поэтому получение наслаждения с помощью монитора при наблюдении за уничтожением врага может занять определенное место в духовной структуре некоторых военнослужащих.

У войны свои законы. Эти законы основаны на жизненных реалиях, а не на идеях. Как мы отметили выше, ответ на вопрос об источнике этих реалий часто остается открытым. Возникает ли агрессивность из желания достичь цели любой ценой или из темной для нас стороны человеческой природы является проблемой, создающей много вопросов для размышления, и которую достаточно сложно изучить с научной точки зрения. Террорист, убивающий ни в чем не повинных людей, даже женщин и детей, боевик, который совершает зверства «во имя религии», люди, уничтожившие, сжигавшие, удушавшие узников в концентрационных лагерях, которые не представляли военной угрозы... Что стоит за этими действиями? Поиск более легких способов достижения каких-то целей, искаженные религиозные взгляды или скрытые инстинкты, ищущие выход наружу? Те инстинкты, которые, подчиняя себе все чувства и мысли че-

ловека, позволяют использовать насилие под разными предложениями для получения удовольствия, как бороться с такими состояниями, уничтожающими в людях лучшие человеческие качества?

Исследователи Р. Бэрн и Д. Ричардсон отмечают, что, если допустить проявление агрессивного поведения, как запрограммированного генетически, мы получим пессимистический вывод. Поскольку, в этом случае предотвратить проявления открытой агрессии невозможно. Можно их лишь временно сдерживать либо трансформировать в безопасные формы или направлять на менее уязвимые цели. Однако, если мы предположим, что агрессивное поведение явилось результатом научения, наш вывод будет более оптимистичным. Потому что в этом случае, изучая различные ситуационные, социальные и когнитивные факторы влияния, мы сможем предотвратить агрессивнее поведение [2, стр. 286,287].

Таким образом, мы видим два подхода к проблеме. Пессимистический подход полностью исключает возможность выхода из ситуации. В то же время, оптимистичный подход вселяет в нас твердую уверенность в том, что мы с помощью методов и инструментов, которые у нас есть или которых мы откроем в будущем, можем полностью достичь цели. На наш взгляд, на вопрос «возможно ли», вместо ответа «да» или «нет», было бы правильно ответить «надо стараться». Потому что ответ «нет» в любом случае ведет к поражению в «войне против войны», а решительное «да» создает иллюзию возможности предотвращения войн между людьми. Здесь основная задача - не переставая изучать эту проблему, решение которой мы возможно и не сможем найти в обозримом будущем, однако при этом необходимо искать более точные и доступные методы и средства воздействия на ход событий, возможность их практического применения. Необходимо проводить эксперименты в этой области, даже если это опасно, «пробовать и пробовать». Если теоретическая основа проблемы все еще неизученная, и в этой области мы не можем полностью полагаться на научную мысль, то эксперименты, проведенные с осторожностью, практическое применение новых идей, методов могут стать эффективными шагами в решении этой проблемы. В этом вопросе, главным образом, первично важно пытаться достичь желаемого результата за счет обеспечения совместной работы законов человеческой природы или их целенаправленного противопоставления друг другу, таким образом уменьшая или полностью предотвращая внутреннюю агрессию. По нашему мнению, важным инструментом в этом деле может стать принцип «противопоставление природы к природе». Это не самый простой способ вести борьбу против агрессивной воинственности, но его следует применить в первую очередь. При его удачном применении отпадет необходимость в гашении, сублимации, одним словом, нейтрализации агрессии,

реализации методов социального воздействия, со своими трудностями. Следовательно, в интересах человечества было бы найти всеобъемлющее, поэтапное решение проблемы. В качестве одного из способов ослабления агрессивности мы можем привести пример близкого к аристотелевскому пониманию, идею катарсиса, которая подразумевает очищение эмоций путем их переживания. Может казаться, что, при современном уровне информационных технологий, когда общество может воочию наблюдать за жертвами войн, очищение с помощью катарсиса не составит труда. Хотя влияния катарсиса, как может и правильно предполагал З. Фрейд, кратковременны и малоэффективны, серия продолжающихся на разных частях мира вооруженных конфликтов не позволяет информационным экранам оставаться в стороне от угнетений войны или локального вооруженного конфликта. Создание эмпатии через информационные каналы может быть важным составным элементом в снижении агрессии через социальное воспитание.

Современные информационные технологии дают людям возможность лучше узнать друг друга и другие культуры. По словам канадского ученого Стивена Пинкера, в процессе эволюции, чем больше мы знаем о других людях и их культурах, тем выше поднимается у нас уровень эмпатии [10].

Однако обилие информации также может сыграть с людьми жестокую игру. Как показали Р. Бэрн и Д. Ричардсон, если агрессор очень раздражен или убежден в правоте своих действий, он может наслаждаться страданиями своих жертв [2, стр. 317]. Не исключено, что в этом случае, при виде страданий противника интенсивность воинственной агрессии у противоборствующих сторон возрастет. При данном положении прямое воздействие на сознание может сыграть важную роль как метод социального воспитания. Ознакомление противоборствующих сторон с культурой, позицией по вопросу конфликта друг с другом, привитие людям культуры прислушивания к противоположному мнению, убеждение их в необходимости искоренения насилия ради будущего человечества, могут стать факторами, снижающими интенсивность агрессивности.

Также существует теория высвобождения агрессии посредством «удаления лишнего пара», которая отражена в работах З. Фрейда и его последователей. З. Фрейд писал, что если готовность к войне является следствием деструктивной тенденции, проще всего направить эрос против нее [11]. В отличие от З. Фрейда, К. Лоуренс считает, что предотвращение накопления агрессивной энергии каким-то образом возможно. Он предлагает два способа ограничения насилия. Первый - увести агрессию в другое русло. Второй - создать прочный союз, объединяющий двух или более «братьев» [9].

С другой стороны, вера в генетическое программирование агрессивного поведения также не должна быть основанием для пессимизма потому, что каждый человек индивидуально и социальные группы, общество в целом обладают способностью преодолевать свою собственную природу. Учитывая постоянную борьбу между добром и злом в духовном мире человека и его стремление контролировать свое поведение и даже мысли, мы можем надеяться, что отдельные люди, группы и человечество может ограничить эту генетическую программу в служении злу. Однако этот процесс требует большой воли и больших усилий.

Одним из инструментов ограничения актов агрессии, совершаемых во время войны, является наказание. Именно международное право, международные документы, заключенные между государствами, стали одним из факторов, ограничивающих агрессивное поведение в военное время, особенно совершавшихся против гражданского населения. Немедленное реагирование на военные преступления и распространение информации действует как своего рода предохранительный клапан. Однако в этом вопросе есть ряд нерешенных вопросов:

Во-первых, в современном мире существует ряд пробелов в предупреждении военных преступлений, в борьбе с ними, в наказании преступников. Это в основном связано как с определением преступления, так и механизмом наказания. Если человечество хочет двигаться к более гуманному обществу, оно должно постепенно увеличить как список наказаний, так и механизмы их исполнения. Несмотря на то, что с момента принятия ряда международных документов в этой сфере прошло много лет, проблемы с их реализацией все еще существуют. Возможно, из-за обновления самого человечества эти международные документы нуждаются в обновлении.

Во-вторых, неотвратимое наказание за военные преступления не гарантирует полного исключения таких случаев. Даже в странах с более совершенной судебной системой, существуют трудности с предотвращением преступлений. Это вдвойне сложно во время войны, когда из-за ненависти к врагу эмоции находятся в возбужденном состоянии, а поведение выходит из-под контроля.

В-третьих, боевики, которые иногда выступают сторонами в вооруженном конфликте, как правило, не осведомлены о международном праве или верят в свою безнаказанность. Это часто приводит к неограниченному поведению асоциальных людей, которые давно отошли от общественной жизни. В связи с этим не только военные, но и все другие слои населения должны быть информированы о сути военных преступлений.

Если не считать незаконные вооруженные формирования, именно государство формирует армию и основная ответственность преступлений военнослужащих ложится на государство. Это означает, что современное государство должно быть более внимательным при формировании своей армии - как в первоначальном подборе воинского контингента, так и в его последующем формировании в качестве военнослужащих. Что делать, если агрессивное поведение своих военных поощряется государством? Как наказать такое государство? Насколько виновны граждане государства, поощряющие агрессивное поведение своей армии? Как их наказывать? Это вопросы, на которые очень сложно, но необходимо найти ответы.

С другой стороны, в нашем современном мире армия выполняет очень важные функции и является бесценным инструментом государства, которое представляет важную форму организации современного общества. Армия часто используется государством для отражения агрессоров, борьбы с терроризмом, спасения жизней и защиты демократических ценностей и свобод. Эти действия, производимые армией, невозможны без актов агрессии, хотя и в ограниченном объеме. В своем исследовании Стивен Пинкер приходит к заключению, что количество насилия в демократических обществах уменьшается [10]. Однако защита этого общества, даже если для этого нужно использовать насилие, также имеет первостепенное значение. То есть армия должна выполнять свою непростую защитную функцию в обществе. Выполнение армией своих функций возможно только с помощью актов агрессии. В связи с этим, полный отказ от агрессивности может помешать армии выполнять свои функции. Поэтому важно определить и содержать оптимальный уровень агрессивности в армии.

В современном обществе культура прививает нормы, определяющие допустимую форму и интенсивность агрессивного поведения в военное время. Однако у каждого человека есть определенная точка выбора в иерархии норм, разрешенных обществом или выходящих за рамки этого. Общество в целом и личность в отдельности, осознав природу агрессивного поведения через взаимное обогащение, в состоянии еще в большей степени ограничить его. Мнение общественности, сужая пределы агрессивности допустимые в условиях войны, может изменить отношение человечества к войне, способам ее ведения в будущем. Потому что, отделяя бесчеловечное от человеческого, мы еще больше очищаем нашу человеческую природу. Основная задача общества – помочь отдельному человеку осознать данный вопрос, а задача научных исследователей состоит в помощи обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р.Г. Мир и война между народами. М. Nota bene, 2000. -880с.
2. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001. -352 с.
3. Ортега и Гассет Х. Эстетика. М. Искусство, 1991. -588 с.
4. Рулан Н. Юридическая антропология. М. Норма, 1999. -301 с.
5. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. -416 с.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt_with-big-pictures.html
7. Кропоткин П. Взаимопомощь как фактор эволюции URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/petr-kropotkin-mutual-aid-a-factor-of-evolution>
8. Кропоткин П. Этика: происхождение и развитие URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/petr-kropotkin-ethics-origin-and-development>
9. Лоуренц К. Агрессия (так называемое «зло»). URL: <http://lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt>
10. «Насилие нас зачаровывает»: нейрopsихолог и писатель Стивен Пинкер о демократии в США и вреде анархии URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/413857-nasilie-nas-zacharovyvaet-neyropsiholog-i-pisatel-stiven-pinker-o-demokratii-v>
11. «Неизбежна ли война?»: письмо Зигмунда Фрейда Альбрт Обама from Being a Peace President? URL: <https://blogs.scientificamerican.com/cross-check/has-a-bogus-theory-of-war-kept-obama-from-being-a-peace-president/>
12. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: Examination and reformulation. Psychol Bull 106:59–73, 1989.
13. Dart R.A. The Predatory Transition from Ape to Man // International Anthropological and Linguistic Review, v. 1, no.4,1953. URL: <http://www.users.miamioh.edu/erlichrd/350website/classrel/dart.html>
14. Horgan J. Has a Bogus Theory of War Kept Obama from Being a Peace President. URL: <https://blogs.scientificamerican.com/cross-check/has-a-bogus-theory-of-war-kept-obama-from-being-a-peace-president/>
15. Wrangham R. W. Two types of aggression in human evolution. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5777045/>

© Гусейнова Севда Джумшуд кызы (adtesto@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Азербайджанское Высшее Военное училище имени Гейдара Алиева

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ РОССИИ В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Мальченков Станислав Александрович

К.и.н., доцент, Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск)
stamal@rambler.ru

THE CIVILIZATION ESSENCE OF RUSSIA IN THE WORKS OF MODERN DOMESTIC RESEARCHERS

S. Malchenkov

Summary: The article is devoted to the problem of ambiguity in the interpretation of the civilizational characteristics of Russia in the works of representatives of social philosophy of the XXI century. Some researchers adhere to the ideas according to which our country is an integral part of the civilizations of the West and the East. A noticeable place in modern scientific discourse is occupied by the position of a special civilizational path of Russia. The author concludes that the predominance in different periods of one of these approaches is directly related to the events in which Russia was involved in the foreign policy.

Keywords: Russia, civilization, civilizational transformations, civilizational choice, special path.

Аннотация: Статья посвящена проблеме неоднозначной трактовки цивилизационных характеристик России в трудах представителей социальной философии XXI века. Отдельные исследователи придерживаются идеи, согласно которой наша страна является неотъемлемой частью цивилизаций Запада и Востока. Также заметное место в современном научном дискурсе занимает положение об особом цивилизационном пути России. Автор делает вывод о том, что преобладание в разные периоды одного из этих подходов напрямую связано с событиями, в которых Россия была задействована на международной арене.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, цивилизационные трансформации, цивилизационный выбор, особый путь.

Концепции отечественных мыслителей, посвященные проблеме цивилизационной сущности России, во все времена в значительной степени перекликались с внешнеполитической парадигмой России своего времени, а зачастую и определялись ей. Не стали исключением в этом плане и последние десятилетия. Период, начавшийся в 1991 году, характеризовался не только тяжелым экономическим положением, но и постоянной сменой цивилизационного вектора в риторике властей.

Неудивительно, что в этих условиях в современном социально-философском дискурсе возникли, как минимум, три независимых направления, по-разному отвечающие на вопрос о цивилизационной принадлежности России. Одно из них считает нашу страну частью Западного мира, другое вслед за евразийцами находит в ней больше проявлений Востока, в то время как еще одно направление рассматривает Россию как особую уникальную цивилизацию.

Поначалу преобладающие позиции занимал неозападнический подход, важнейшим представителем которого является А.С. Ахиезер. Ему принадлежит концепция раскола культурного цивилизационного пространства. По мнению Ахиезера, неопределенность цивилизационного выбора никоим образом нельзя считать преимуществом России и, тем более, полезной особенностью для будущего развития. Он считает важным подчеркнуть

идею о том, что промежуточная цивилизация не носит органического характера. Благодаря расколу в обществе складывается недопустимая ситуация, при которой между сторонниками различных позиций не устанавливается диалог, а накапливается совокупность монологов. Всё это заставляет автора признать, что «решение проблемы суперцивилизационного выбора» фактически «совпадает с задачей формирования эффективного, жизнестойкого проекта для России» [3, с. 85].

Ахиезер полагает, что выбор между Востоком и Западом фактически сводится к рассмотрению альтернатив традиционной и либеральной цивилизаций. Он сожалеет, что все попытки России встать на рельсы модернизации и не привели ее к тому, чтобы стать страной либерального типа. По мнению ученого, потребность в либеральных элементах возникала в прошлом достаточно часто, однако все попытки «высадить их семена на отечественную почву» приводили к тому, что начинал действовать «эффект бумеранга», активизировавший в обществе прямо противоположные ценности.

Отстаивая необходимость развития России по западному либеральному пути, А.С. Ахиезер уделяет большое внимание обоснованию того, почему в обозримой перспективе неосуществима другая альтернатива – построение «православной имперской державы». Он отмечает, что предпосылки воплощения этого проекта в насто-

ящее время гораздо хуже, чем на рубеже XIX-XX веков, когда он уже потерпел крах. Современная же глобальная система породила новые препятствия на этом пути, главным из которых является очевидная переориентация большинства славянских и православных народов на интеграцию в западную цивилизацию.

Еще одним автором, рассматривающим нашу страну как часть Глобального Запада, является А.Г. Арбатов, который выступает против очередной попытки направить развитие России по военно-имперскому пути. Он отмечает, что любая идеология подобного типа имеет в своей основе не православие или марксизм, а антидемократичность, авторитарность и мессианство. Ученый полагает, что тупиковость такого маршрута была уже дважды доказана (в 1917 и в 1991 году). В современных же условиях, когда Россия сталкивается не только с политико-экономическим вызовом Запада, но и с террористической угрозой с Юга, попытка построить «континентальную империю» неминуемо приведет к краху, который наша страна может уже и не пережить.

Кроме того, Арбатов критически относится к популярной идее переноса векторов внешней политики и экономики с Европы на Азию, называя такой процесс движением «к консервации экспортно-сырьевой модели российской экономики вместе с ее авторитарно-олигархической политической надстройкой» [1, с. 88]. По словам исследователя, Азия вовсе не жаждет принять в свои ряды развитую и высокотехнологичную Россию, которая нужна ей лишь как поставщик сырья и вооружения. Единственным способом избежать такого варианта развития Арбатов считает переход к инновационной экономике, которая невозможна без реального действия демократических институтов и развитого гражданского общества. Эта задача неминуемо подталкивает Россию к сотрудничеству и в отдаленной перспективе к интеграции нашей страны с так называемой Большой Европой.

Важно подчеркнуть, что авторы-неозападники, в основном, предлагают заимствовать из Европы ценности и идеалы демократического общества. Если же говорить о геополитических приоритетах России, то здесь преобладает точка зрения о необходимости многовекторного курса, причем азиатско-тихоокеанское направление признается наиболее перспективным. Тем самым, фактически предлагается сотрудничать с Западом лишь духовно и культурно, в то время как наши политические и экономические партнеры должны принадлежать к восточной суперцивилизации. Разумеется, такой подход рождает двойственность и неопределенность, никак не способствуя преодолению «расколотости» и «межеумочности».

Во многом этим объясняется и вторая значимая при-

чина низкой популярности «европейского курса» – реакция самого Запада, который на протяжении многих десятилетий использует по отношению к России печально известную «политику двойных стандартов». Америка и Европа крайне редко демонстрировали нашей стране доверие и поддержку, де-факто продолжая воспринимать ее как идеологического и геополитического противника.

Стоит отметить, что в начале 1990-х годов неозападные идеи находили серьезную поддержку на самом высоком властном уровне. Однако уже во второй половине десятилетия цивилизационный вектор правящей элиты развернулся почти так же резко как знаменитый самолет Е.М. Примакова над Атлантическим океаном. В дальнейшем Россия не поддержала проведение военных операций в Ираке и Афганистане, увидев в них попытку продвижения Америкой своих геополитических интересов. С тех пор в различных версиях Концепции внешней политики РФ, а также в посланиях Президента Федеральному Собранию регулярно появлялась фраза о том, что к числу международных угроз для безопасности России относится политика не называемых прямо «ведущих зарубежных стран», которая направлена на «достижение преобладающего превосходства» в мире. Далее, начиная примерно с 2004 года, опасность непосредственных террористических угроз для России и Запада поступательно снижается, и параллельными темпами происходит отдаление их внешнеполитических курсов.

Сокрушительный удар по позициям западного пути развития России нанесли события 2014-2015 годов на Украине. В условиях политического и военного кризиса, а также последовавших за ними международных санкций по отношению к нашей стране идеи развития нашей страны в западном направлении перешли из разряда умеренно-оппозиционных в число маргинальных.

Что касается восприятия восточной цивилизации, то оно в рассматриваемый период не отличалось какими-либо значительными оценочными колебаниями. Если в советские годы страны Азии и Африки четко делились на союзников по построению мирового социализма и «сателлитов» западного капитализма, то в начале 1990-х годов все они представлялись нашей стране отсталыми государствами «третьего мира» без особого разграничения их по идеологическому критерию. К концу десятилетия ситуация поменялась. Если часть государств (прежде всего, африканские) по-прежнему воспринимались как отсталые, то другие страны (в основном, представляющие Восточную Азию) стали рассматриваться как образец качественной модернизации, осуществленной в короткие сроки. Наконец, еще в годы войны в Чечне, а особенно в связи с резким увеличением международ-

ной террористической активности на рубеже веков, сложился образ Ближнего Востока как глобальной цивилизационной угрозы.

Подобное тройственное восприятие Востока сохраняется и в начале XXI века. Его второе десятилетие стало временем углубления сотрудничества России со странами этого региона, особенно со среднеазиатскими государствами в рамках ЕврАзЭС / ЕАЭС, а также с Индией и Китаем в формате БРИКС. Особенно актуальным это направление становится с 2014 года, когда Россия оказалась фактически изолированной от политических и экономических процессов, протекающих на Западе. Отныне в правительственных посланиях и материалах СМИ Восток предстает перспективной, бурно развивающейся цивилизацией, сумевшей не только сохранить свою вековую духовность и неиспорченность, но и бросить вызов мировому господству США.

В России не существует достаточно мощной и влиятельной научной или идеологической школы, отстаивающей развитие нашего государства по траектории восточной цивилизации. Это направление, по сути, ограничивается воззрениями ряда политиков (В.В. Жириновский) и религиозных деятелей (Г.Д. Джемаль), которые склонны противопоставлять быстро развивающиеся страны Азии стагнирующему Западу. Также к этому направлению можно отнести идеи тех философов и политологов, которые призывают заимствовать отдельные особенности восточных государств (дисциплина, централизация и т.д.) для применения их в российской действительности. На практике это позволяет говорить о том, что представителей этого направления социально-философской мысли стоит рассматривать в той же категории, что сторонников «особого пути» развития.

Председатель Исламского комитета России Г.Д. Джемаль, отмечая глубокие внутренние корни нашей цивилизации, утверждает, что «понятие «Россия» не надо отождествлять с государством, потому что режим и Россия – это всегда противостоящие друг другу факторы» [5]. В его понимании Россия – это «несколько крупных компонентов из разных регионов, из разных геологических пластов, которые сошлись вместе», поэтому в нашей культуре легко уживаются и Московская Русь, и Золотая Орда, и Царство Кучума.

Основными духовными столпами российской цивилизации Джемаль считает «искание правды» и «противостояние кривде и глобальной лжи». К этой исконной базе восточные, азиатские элементы добавили «ощущение поля и пространства», из которых «душа гностически рвется к свету» [5]. Как и многие другие сторонники «особого пути России», Джемаль резко критикует глобализационные процессы. Он утверждает, что современные

жители Запада «верят и поклоняются не Всевышнему Творцу, а социуму как предельному божеству» [4]. При этом перманентный кризис России и всей Северной Европы мыслитель объясняет тем, что «задача позитивного строительства приходит в противоречие с антипотребительской идеей, которая здесь доминирует». По его мнению, любой человек, который вырос или даже долгое время жил в России, испытывает «алхимическое воздействие» отечественным временем и пространством, формирующими цели и приоритеты, непонятные и недоступные европейцу или американцу.

Кроме того, на протяжении всех этих десятилетий никому не исчезал и третий традиционный для России вектор развития: формирование уникальной цивилизации, отличающейся как от Запада, так и от Востока. Пожалуй, лишь в первой половине 1990-х годов такой подход не находил большого числа приверженцев, в том числе, и в политической элите. Это во многом было связано с тем, что слишком свежи были воспоминания о советском проекте, который по сути своей как раз и являлся попыткой отыскать собственный уникальный путь. «Ребрендинг» этого направления был связан с возрождением интереса к досоветской истории и культуре, повышением уровня религиозности граждан, а также, не в последнюю очередь, с увеличением роли и влияния Русской православной церкви. В эти годы приобретают огромную популярность труды прежде запрещенных философов-эмигрантов, представляющих религиозную и консервативную мысль. Идеи Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, П.А. Столыпина отныне появляются не только на страницах учебников, но и в речах высших должностных лиц. В последние годы резкое ухудшение отношений с Западом привело к тому, что «особый путь» стал рассматриваться в общественном сознании не только как приоритетный, а как единственно верный, синонимичный понятию «патриотизм».

В работах Ю.С. Пивоварова исследуется феномен «русской идеи». Он полагает, что ее нельзя сочинить, придумать, навязать, поскольку она уже существует сама по себе. Главной ее особенностью является «всеединство», сливающее в один организм «церковь, государство, народ, интеллигенцию, идеологию, мысль» [8, с. 25]. Автор полагает, что в российской культуре доминирует сверхиндивидуальные элементы, а всё социальное связано с духовной сферой.

Важнейшим аспектом понимания глубинных основ российской цивилизации Пивоваров считает особую роль философской категории времени. Он использует термины «мы-мировосприятие» и «мы-миросозерцание», отмечая, что «русская идея» конечна, константна, предельна, а потому не предполагает развития и необходимости. По мнению автора, наше коллективное созна-

ние отрицает термин «модерн», замещая его понятием «вечность». В этом смысле ученый противопоставляет «русскую идею» западным формулам успеха. «Свобода – равенство – братство» и «Дом – семья – машина» предполагают долгий путь для их достижения, в то время как классическая отечественная триада «православие – самодержавие – народность» статична и «по умолчанию» присутствует внутри каждого человека.

Пивоваров приходит к выводу, что «русская идея» интенционально антизападническая. В то же время в любом нашем соотечественнике заложены «искушение Западом» и подавляемое желание «быть европейцем» [8, с. 25]. Вот почему Пивоваров называет спор о принадлежности России к Европе «бесконечным, бесплодным», «измотавшим и обескровившим русскую мысль» [7, с. 25].

К числу авторов, которые также полагают, что глобализация грозит российской цивилизации размыванием ее сущностных основ, относятся историки Д.В. Мосяков и А.А. Королев. Они опасаются новых вызовов, с которыми Россия может столкнуться в XXI веке. Наиболее опасным из них ученым представляется возможное утверждение на глобальном уровне концепции «мирового наследия», согласно которой все ресурсы планеты будут объявлены достоянием человечества, в результате чего наша страна мгновенно лишится своих природных богатств. Еще большую угрозу, по мнению авторов, таит в себе глобализация духовной сферы. Речь идет не только об «экуменизации» религии, но и об утверждении глобальной культуры, основанной «на понимании свободы падшего человека, не ограничивающего себя ни в чем, как абсолютной ценности и мерил истины» [6, с. 86]. Подобный процесс ученые сравнивают с новой попыткой возвести Вавилонскую башню.

Мосяков и Королев довольно категорично резюмируют, что «непосредственных плюсов для России от процессов глобализации практически нет» [6, с. 86]. Тем не менее, они полагают, что ответы, принимающие форму автаркии или жесткого противостояния, губительны для будущего государства. Авторы уверены, что Россия должна проводить «политику адаптации», суть которой заключена в необходимости «глубокой внутренней модернизации», а также стратегии, учитывающей национальные интересы.

О.А. Арин также задавался вопросом, является ли Россия Евразией. Он считает в корне неверным традиционное для современных отечественных мыслителей мнение о том, что Евразия «и есть Россия, т. е. ни Европа и ни Азия, а некий синтез, нечто третье» [2, с. 126].

Арин приходит к выводу о том, что «россияне — это

особый тип культуры, мышления и поведения, стоящий особняком от всех остальных типов» [2, с. 126]. Тем не менее, он подчеркивает, что этот факт совсем не гарантирует России статус сверхдержавы или даже великой державы. Политолог признает, что наша страна уступает «золотому миллиарду» по всем ключевым показателям, а значит, может считаться лишь региональным государством. Одной из главных причин такого положения дел он считает «американизацию» отечественной материальной и духовной культуры, в результате которой стимулируются «частнособственническая психология, бездуховность и «кретинизация» ментальности молодежи» [2, с. 256]. Возможная утрата уникальных цивилизационных качеств, по мнению Арина, обязывает наше государство ввести обеспеченную соответствующими ресурсами и механизмами систему культурно-информационной безопасности.

Таким образом, подводя итог, отметим, что социально-философские споры о цивилизационном пути России продолжают в XXI веке не менее остро, чем в эпоху западников и славянофилов. На рубеже веков все еще были сильны позиции тех авторов, которые предсказывали единение нашей страны с европейскими структурами. Однако в дальнейшем отношения нашей страны с Западом заметно ухудшились. Этому значительным образом способствовало разное понимание сторонами архитектуры и механизма формирующейся системы международных отношений. Очередной виток конфликта пришелся на события 2014 года на Украине, после которых многие совместные проекты были прерваны.

В этих условиях возросла популярность идей «восточного пути» России, который нашел геополитическое подкрепление в виде активного сотрудничества с Китаем и Индией. Впрочем, даже самые активные представители этого направления признают, что близость политико-экономических целей неспособна преодолеть пропасть социокультурных различий с жителями этих стран.

Вот почему наиболее распространенным в современном научном дискурсе остается идея особого цивилизационного пути России, уходящая своими корнями в труды многих выдающихся мыслителей прошлого. Можно отметить, что это идейное направление в последние годы ощущает видимую поддержку со стороны властной элиты.

Представляется, что исследования, посвященные цивилизационным трансформациям России, еще долго будут сохранять актуальность в нестабильных условиях международной системы XXI века, поскольку влияние геополитических факторов постоянно возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатов А.Г. Россия: особый имперский путь? // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6. С. 78-89.
2. Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М., Альянс, 2001. 352 с.
3. Ахиезер А.С. Цивилизационный выбор России и проблема выживаемости общества // Россия и современный мир. 2002. № 2 (35). С. 83-104.
4. Гейдар Джемаль: Россия находится в авангарде процесса недоверия к глобальной системе [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://islamreview.ru/est-mnenie/gejdar-dzemaal-rossia-nahoditsa-v-avangarde-processa-nedoveria-k-globalnoj-sisteme>.
5. Джемаль Г.Д. Россия – территория сопротивления [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/ru_mir/rus-subject/fate/resistance.
6. Мосяков Д.В., Королев А.А. Процессы глобализации: есть ли плюсы для России? // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 72-86.
7. Пивоваров Ю.С. К вопросу о методологии понимания России // Россия и современный мир. 2011. № 3 (72). С. 6-26.
8. Пивоваров Ю.С. Русская история как «русская идея». Часть II. Властечетричные и идеологические основания // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 5-29.

© Мальченков Станислав Александрович (stamal@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

ГРАНИЦЫ ТЕЛЕСНОСТИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

LIMITS OF CORPORALITY: CONCEPT AND MEANING

A. Nemtseva

Summary: The article justifies the application of the theory of social constructivism as a methodological basis for the study of corporality. The author relies on the understanding of corporality as a phenomenon that arose at the junction of the natural and sociocultural dimensions of being, acting in the form of a cultural code that also has symbolic and semantic significance and performs socially significant functions. It is proposed to investigate physicality by determining and theoretically extending the boundaries of its distribution. The process of becoming corporality by «displacement» of its internal and external boundaries is shown, including the role of normative boundaries in the design of corporality. The significance of the boundaries of the phenomenon of «corporality» in the act of its existence was revealed.

Keywords: corporality, limits of corporality, sense, value, social constructivism, body, functions, activity.

Немцева Анна Владимировна

Старший преподаватель, Байкальский
государственный университет
nanyav@mail.ru

Аннотация: В статье обосновано применение теории социального конструктивизма как методологической базы для исследования телесности. Автор отталкивается от понимания телесности как феномена возникшего на стыке природного и социокультурного измерений бытия, выступающего в виде культурного кода, имеющего также символично-смысловое значение и выполняющего социально значимые функции. Предложено исследовать телесность путем теоретического определения и расширения границ ее распространения. Показан процесс становления телесности при помощи «смещения» внутренних и внешних ее границ, в том числе, показана роль нормативных границ в конструировании телесности. Выявлено значение границ феномена «телесность» в акте его существования.

Ключевые слова: телесность, границы телесности, смысл, значение, социальный конструктивизм, тело, функции, деятельность.

Социально-философский взгляд на проблему человека включает в себя концепции и теории связанные с вопросами его самопознания и саморепрезентации, решение которых связано со стремлением к самосовершенствованию. В этих процессах важная роль отводится телесности. На протяжении развития философской мысли вплоть до середины XX века понятие «телесность» находилось в стадии становления и развития. Рубеж XX-XXI веков явился той точкой отсчета, которую мы можем расценивать как «время рождения» понятия «телесность» в социально-философском ключе, претендующим на статус философской категории. До XX века, можно сказать, самого понятия как такового не существовало, но этот факт никак не отменяет существования феномена телесности. Телесность появилась вместе с человеком, его атрибутами и свойствами, но в философском дискурсе понятие телесности подменялось понятием тела. Иными словами, там, где мыслители прошлого говорили «тело» на самом деле подразумевали телесность. Поэтому, можно сказать, что проблема телесности – это та «вечная» философская проблема, которая всегда привлекала интерес мыслителей различных философских традиций и культурно-исторических эпох.

Так, что же такое телесность? Несмотря на дискуссионность самого вопроса, в современной литературе телесность принято отличать от тела. Под телесностью будем понимать тело, включенное в социокультурную реальность. Этот феномен возникает на стыке природ-

ного и социокультурного измерений бытия и выступает в виде культурного кода, имеющего также символично-смысловое значение и выполняющего социально значимые функции. Понятие телесности означает, что человек стремится выйти из рамок собственного тела, осознать себя в мире, в окружении других объектов, в первую очередь нетелесных, и даже противопоставить себя им, то есть телесность мыслится «выше» и «шире» тела как выходящая за его пределы (границы). Поэтому методологическое осмысление проблемы телесности предполагает, прежде всего, выявление границ ее распространения – онтологических, гносеологических, аксиологических, символично-смысловых, праксеологических, психологических, физиологических и пр. Обнаружить границы измерения человеческой телесности в нашей работе представляется возможным, применяя методологию социального конструктивизма. Постановка вопросов о нормативных границах конструирования телесности, об образах и моделях человеческого совершенства, об этической приемлемости «воздействий» на заданную природой «норму» позволяет выйти на новый уровень исследования, анализировать телесность в контексте социокультурного пространства, как элемент устройства общества, составную часть социальных связей. Наиболее плодотворным, на наш взгляд, является изучение телесности как особого типа целостности, характеризующегося подвижными границами, позволяя человеку в той или иной степени «резонировать» с миром.

Относительная устойчивость границ телесности зависит от «категориального состояния» человека и выступает (осознается) как субъективная точка зрения в интерпретации телесности [1]. Тогда человек мысленно смещает границу телесности, становится способным к выполнению определенных социокультурных функций, в том числе, к проигрыванию социальных ролей. Такое проигрывание является необходимым условием существования человека в социальной действительности, являющейся сложной системой с «сетью» взаимопроникающих подсистем, и во многих из них человек одновременно участвует, исполняя соответственно множество ролей. В зависимости от контекста социального взаимодействия, телесность будет наделяться различными смыслами. Например, для человека, ориентированного на утилитарные ценности, телесность будет существовать и функционировать только в акте утилитарных отношений. Перенос смыслового акцента смещает и границу телесности. Это происходит потому, что для телесности значимым оказывается, конечно, ее содержание, но при этом оно (содержание) достаточно самостоятельно проявляется сквозь форму тела, придавая ей различные коннотации. В первом же случае означаемое и означаемое в телесности совпадают, они равны, т.е. означающее есть его означаемое, внешняя форма телесности подчиняет себе ее содержание. На первый взгляд может показаться, что эти границы трудноуловимы и размыты. Граница становится очевидной, пристально начинаем рассматривать тело, а наиболее явной она становится при созерцании внутренних органов. Эта мысль созвучна рассуждениям Г.Г. Шпета о том, что в человеке мы «любим» внешность (имел ввиду кожу), а не всего человека с его внутренними органами, акцентировал внимание на том, что человек без кожи, не был бы для нас привлекательным, даже вызывал бы отвращение.

Немаловажную роль в выявлении границ телесности играют такие характеристики тела, как цвет, запах, симметрия, пропорциональность, форма, размер, вес, ритм пр. Тогда эти свойства становятся значимыми не сами по себе, а как свойства тела, например, цвет тела, звук человеческого голоса и пр. При помощи таких физических проявлений человек способен также сознательно перемещать границу телесности, например, контролируя и регулируя высоту, тон своего голоса, скорость речи и движения. Степень проявления этих свойств зависит от ситуативного контекста социального взаимодействия, которое разворачивается на различных уровнях социальной структуры: статус, возраст, гендер и др. Такие действия, как стояние, сидение, ходьба носят отчетливо видимый социальный характер: человек занимающий, например, высокое социальное положение, сидит и стоит иначе, нежели его подчиненный. Своими способами выражения телесности обладают дети, молодые люди, люди, приближающиеся к зрелости и старости. В этом случае формируются возрастные типы телесности, про-

явление которых специфично и обусловлено не только физиологически, но и социально. Каждому типу соответствует определенная техника, зависящая от отношения в обществе к тому или иному возрасту человека. Особенно явно общественный запрос на формирование техники телесности проявляется по отношению к детям. Формируется даже понятие метода «дрессировки» (термин П. Бурдые) детского тела, первым ощущающего на себе воздействие дрессуры [2, 153]. В этом случае происходит поиск способов сделать более эффективным и более социально удобным существование человека. Выработка типа телесности человека согласно запросам и ценностным установкам общества, – по большому счету, это социальный запрос. При подчинении индивидуального тела коллективным запросам оформляются социальные границы человеческой телесности. Именно здесь тело становится телесностью.

Представление о нормативных границах телесности вырабатывается в ходе развития социума, оно является итогом социальных поисков, отражающихся в правовых актах, этических и эстетических принципах и других социальных реакциях. Кроме того, представления о социальной норме и отклонениях от нее исторически изменчивы и зависят от стереотипов, господствующих в обществе в определенную эпоху.

В процессе «производства» обществом телесности человек «откликается» действиями, направленными на среду, в которую он погружен, – природную и социальную. Разнообразие действий (движений, поступков) в узком смысле можно рассматривать как деятельность, «охватывающую» человека на всех уровнях его сложной структуры. Движения могут выражать не только эмоциональное состояние человека, т.е. возникать совершенно произвольно как выражение страха, ощущения боли, являясь относительно условными и тесно связанными с состояниями тела, но есть движения почти полностью социализированные, – это так называемые семантические движения (классификация И.Э. Коха), которые в известном смысле можно назвать жестами. Семантические движения обозначают утверждения, повеление, просьбу, согласие и т. п., и оказываются тесно связанными с духовной, сознательной стороной бытия человека [3]. К разновидностям движения И.П. Павлов относил речевую деятельность, которая представлена в виде рече-двигательной координации, голоса (процесс произношения звуков). Соединение речи и движения есть взаимоопределяющая функциональная связь духа и тела, социального и биологического начал в человеке.

Деятельный (действующий) человек имеет своеобразный центр, вокруг которого концентрируется вся его деятельность, – это его лицо. Именно лицо является не только эстетическим объектом, но соединяет в себе телесность и духовность: оно способно выражать как

физиологические, так и экзистенциальные состояния человека: самую глубокую задумчивость, твердую убежденность или мучительное сомнение. Лицо можно считать «центром» телесности еще и по тому, что оно всегда открыто как инструмент общения. Само тело (другие его части) функционируют в более узком диапазоне и открываются в определенных ситуациях, например, граница телесности может быть сдвинута, если общение приобретает эмоционально-чувственный или интимный характер.

В таких ситуациях (случаях) отношения выстраиваются на базе самоочевидных ожиданий, когда люди (участники общения) самой обстановкой уже настраиваются на повышенную эмоциональность или готовятся к другим сценариям взаимодействия. О том, что происходит в случае несоответствия ожиданиям, нацеленных на сознательное разрушение нормального хода социального взаимодействия, можно обратиться к экспериментам Г. Гарфинкеля («Гарфинкелинги») [4]. В ситуациях, не имеющих отношения к чувственным или интимным, граница телесности отодвигается и регулируется не только при помощи социальной дистанции, но и предметов, с которыми человек имеет дело. По мысли Ж.-П. Сартра, тело простирается всегда через предмет, который оно использует. Например, самовосприятие человека, понимание им себя как личности и как существа общественного, даже его статус в коллективе во многом зависят от таких тривиальных вещей, как одежда, аксессуары, предметы быта.

В этом отношении одним из важнейших социокультурных феноменов является одежда. Она представляет собой внешнее проявление телесности, связывающее человеческое тело с окружающей средой и выполняющее такие функции, которыми не обладает тело человека как организм. К числу таких функций следует отнести адаптивную, в соответствии с которой одежда выступает как механизм защиты от воздействия агрессивной окружающей среды, и функцию идентификации, то есть определенное позиционирование себя человеком с помощью одежды, использование одежды как символа социальной роли (статуса) человека.

Функция идентификации проявляется по-разному. С помощью одежды человек сообщает социуму о своем гендере, о социальной роли, о материальном достатке. Одежда может указывать на политический ранг, профессию, возраст и прочее, а также служить социокультурной локализации. Одежду могут замещать другие способы

маркировки, например, татуировка, пирсинг, прическа.

Функция суверенизации заключается в наглядной демаркации между «моим» и «не-моим», «тайным» и «явным», когда одежда являет границу приватности, отмечает пределы персональной суверенности. Одежда может выполнять также функцию манипуляции, если она понимается как инструмент приобретения власти и как ее орудие [5].

Отсюда следует, что одежда отвечает всем характеристикам телесности. Она выступает как своеобразная «часть» человека, как его продолжение и дополнительное оформление. Она является социальным регулятором и имеет огромный спектр возможностей, даже можно сказать открывает этот спектр для тела. Одежда способна подчеркивать «категориальное состояние» человека. Она может быть функционально строгой, пышной, стильной и пр., она хорошо вписывается в общую категориально-телесную динамику человека, так как человек в большинстве случаев функционирует в неразрывном единстве с одеждой. А устойчивое в русской культуре выражение о том, что кто-то хорошо или плохо одевается отсылает нас к пониманию, что одежда (одевание) может считаться особой разновидностью деятельности.

Таким образом, можно считать, что деятельность человека выполняет роль связующего звена, объединяющего биологическое и социальное начала в человеке, образуя целостное единство данных начал, но сохранять это единство будет при условии изменчивости и подвижности границ телесности. Телесность формируется в двух направлениях: внешне – с помощью установления собственных телесных границ в рамках социума, и внутренне – регулировкой экзистенциального вектора личности. Телесность исторически смысливается как понятие, не имеющее изначальной формы и зависящее от общества, которое в рамках той или иной культуры, эпохи, ценностной системы диктует, каким образом должна выглядеть телесность. Формированию телесности при этом служат разнообразные техники, инструменты, знание, власть и иные социокультурные феномены, в которых запечатлевается культура использования тела – первого и наиболее естественного инструмента человека. Сама же телесность есть социальный конструкт, обладающий социальной подвижностью. Границы телесности выстраиваются в координации с предметами, которые не являются «мной» (моим телом), что полностью соответствует теории социального конструктивизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Немцева А.В. К вопросу о роли телесности в формировании самосознания личности /А.В. Немцева // Современный ученый. 2017. № 6. С. 295-298.

2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. К.Д. Вознесенская. – М., 1997.
3. Кох И.Э. Основы сценического движения. Л.: Искусство. 1970. – 566 с.
4. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
5. Аванесов С.С. Тело, одежда, власть / С.С. Аванесов // Конструирование человека: сборник трудов 4-й Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 т. Т.1. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. – 400 с.

© Немцева Анна Владимировна (nanyav@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Байкальский государственный университет

ЖЕРТВА И ЖЕРТВЕННОСТЬ В СВЕТСКОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКЕ

Пугачев Олег Сергеевич

*Д.ф.н., профессор, Пензенский государственный аграрный университет
oleg_pugachev@mail.ru*

Пугачева Наталья Петровна

*К.ф.н., доцент, Пензенский государственный аграрный университет
kozlova_natalya@list.ru*

SACRIFICE AND VICTIMHOOD IN SECULAR AND CHRISTIAN ETHICS

**O. Pugachev
N. Pugacheva**

Summary: The article is devoted to the analysis of the concepts of sacrifice and victimhood in Christian theology and secular ethics, as well as in Christian ethics, which occupies an intermediate position between them. Shows the moral and historical significance of sacrificial acts, regardless of faith. In addition, possible moral distortions of sacrifice and self-sacrifice are considered. The self-sacrifice is interpreted, inter alia, in the aspect of Kant's autonomous ethics.

Keywords: sacrifice, victimhood, self-sacrifice, Christian ethics, I. Kant, G. Marcel.

Аннотация: Статья посвящена анализу понятий жертвы и жертвенности в христианском богословии и светской этике, а также в этике христианской, занимающей промежуточное положение между ними. Показывается нравственная и историческая значимость жертвенных поступков, независимо от веры. Кроме того, рассматриваются возможные нравственные искажения жертвенности и самопожертвования. Последнее трактуется, в том числе, в аспекте автономной этики Канта.

Ключевые слова: жертва, жертвенность, самопожертвование, христианская этика, И. Кант, Г. Марсель.

Тема жертвы и жертвенности не теряет своей актуальности, в том числе, ввиду присутствия как в религиозной, так и в светской этике и нравственности. Исследователи полагают, что жертвоприношения существовали в различных родах и племенах с глубокой древности. Поэтому изначально, скорее всего, слова «жертва» и «жертвенность» имели сакральный смысл, во всяком случае относились к разным формам религиозности.

Как известно, богословское прочтение абсолютной жертвы Христа показывает ограниченность житейских представлений, бессилие даже философского языка в попытке выразить эту тайну. В то же время христианская этика гораздо ближе к тому, что мы называем повседневностью. Она занимает промежуточное положение между богословской и светской трактовкой жертвы и жертвенности.

Как известно, ранние апологеты, Отцы и Учителя Церкви видели и различали в тексте Священного Писания структурно различные уровни смыслов. Первый из них – буквальный смысл; второй – переносный или символический, когда текст требует специального толкования, а оно, в свою очередь – глубокой и разносторонней подготовки; третий – анагогический, то есть такой, какой является результатом духовного видения, мистического постижения священного текста (ανάγω – вести вверх, возводить). Этот способ постижения буквы и духа зародился во времена патристики в Александрии. Примером его классического применения стали произведения св.

Симеона Нового Богослова. Если в западной Европе аналогия как метод утвердилась в Средние века (сочинения Беды Достопочтенного, Данте Алигьери), то в России это произошло позднее, в середине XVI века. В этой связи, необходимо назвать имена Максима Грека, Дмитрия Герасимовича. Главным же понятием богословско-философской мысли в России аналогия становится во второй половине XVII в. и в первой половине XIX в. (св. Тихон Задонский; св. Паисий Величковский, св. Филарет Московский, Платон (Левшин)) [3; С. 12].

Несмотря на явные отличия различных уровней понимания, их объединяет нахождение в русле единой христианской догматики. Поэтому большое значение всегда имела проповедническая деятельность наряду со сложнейшими теологическими построениями.

Анализ христианской этики в аспекте жертвы и жертвенности в их житейском, практическом плане, можно начать, обратившись к не столь далекому прошлому – деятельности православного священства второй половины XIX века. В качестве примера приведем журнал «Руководство для сельских пастырей», который издавался при Киевской духовной семинарии. В частности, текст «Поучения о том, что воин христианин должен делать перед сражением, во время сражения и что значит кончина воина на поле битвы» [5]. Как видно из названия – тема поучения как нельзя конкретна и остра. Священник начинает свое поучение с мысли о том, что христоробивый воин перед битвой с врагами о многом должен позаботиться и подумать, особенно в свете того, что каждый

может предстать на суд Божий, если Господь определит кому-то погибнуть в бою. Нужно, идя в сражение, очистить душу покаянием, примириться с теми, с кем имел вражду, попросить прощения у обиженных. Самая главная обязанность воина – это повиноваться начальству: тем более это необходимо на поле брани.

Главная идея поучения в том, что все мы – дети одного Отца небесного и в мирное время нужно относиться к другим народам дружелюбно. Они только тогда становятся врагами, когда выступают против нас с оружием в руках. Но если во время войны заключено перемирие, то здесь тоже нет оснований для враждебных чувств. «Во время самого сражения, – говорит проповедник, – если велят, нужно нападать; но надо знать на кого нападать; надо нападать на войско, но не трогать мирных жителей и даже в ряду неприятельского войска не следует нападать на священников, лекарей, сестер милосердия, так как эти люди не владеют оружием, а нападать на безоружного бесчестно для воина» [5; С. 286].

Далее в своем поучении священник Иоанн Недешев призывает воинов не страшиться смерти на поле брани, поскольку это кровь, пролитая «за братьев, за Царя и Отечество», и она будет залогом милосердия Божия к погибшим в прощении им грехов. Мы можем сказать, отвлекшись от религиозного содержания проповеди, что основные положения в ней мало чем отличаются от требований воинского устава и присяги многих армий, где служат люди нехристианских конфессий. В чем же необычность? Отвечая на этот вопрос, мы должны обратиться к самому этическому фундаменту, на котором основано данное поучение. Вот он: принеся себя в жертву за друзей-сослуживцев; за веру Христову, за Отечество, воин христианский делает это сознательно из той жертвенной Любви, о которой говорил ап. Павел (1 Кор. 13); из той любви, которая способна уподобить солдатскую жертвенность христовой жертвенности. В этом поучении автор показывает сопряжение конкретно-данного события, когда человек находится в «пограничной ситуации» (К. Ясперс), когда в лицо ему смотрит смерть, и абсолютного события: смерти и воскресения Спасителя. Мы знаем из истории нашей страны, сколь многочисленными были жертвенные подвиги «за други своя» наших воинов. Но и в наши дни жертвенность также составляет особую сторону отличия среди солдат.

Сегодняшний же день, который характеризуется всемирным бедствием под названием «ковид», пандемией, продолжает выявлять истинно жертвенное служение врачей-христиан и не-христиан; православных и неправославных, но одинаково вдохновленных примером нравственных дел и подвигов на благо ближнего и дальнего. Следует сказать и о роли православного священства, которое в этот период, также не щадя ни сил, ни времени, ни средств, делает все возможное для под-

держания духа мирян.

В сети интернет на «Православном портале» однажды прозвучал вопрос: «Зачем Богу жертвы?» На этот вопрос отвечал митрополит Илларион, который, в частности, указал на то, что Бог в жертвах нужды не имеет, поскольку он, по мысли богословов, существо самодостаточное. Не все теологи Православной Церкви разделяют мнение о том, что жертва Христа была принесена Богу Отцу с тем, чтобы воздать эквивалентное Его правосудию. «Наверное, – пишет автор, – правильнее всего сказать, что крестная жертва была нужна не Богу Отцу, а нам с вами. Именно так говорит святитель Григорий Богослов – автор IV века: “Нам, чтобы ожить, необходим Бог воплотившийся и умерщвленный”. То есть крестная жертва была нужна не Богу Отцу, а нам, во искупление наших грехов. И мы приобщаемся к плодам этой жертвы, когда принимаем крещение, когда участвуем в церковных таинствах и когда исполняем заповеди Господа нашего Иисуса Христа» [2].

Но в светской этике, «свободной» от богословских рассуждений, мы также находим тему жертвы и жертвенности. Особенно ярко это выражено в тезисе о самопожертвовании. Здесь необходимо сделать некоторое историческое отступление в том смысле, что изначально, исконно (или, как теперь часто принято в языке науки – «примордиально») жертва, жертвоприношение содержали чисто культовый смысл и в этой связи их нужно понимать генетически соприродными с чувством священного, святого, что получило в религиоведении XX века наименование «нуминозного» [7].

Имея это в виду, мы вправе предположить, что для светского, индифферентного к религии или прямо атеистического, сознания понятия жертвы и жертвенности являются чаще всего привнесенными, а заодно и модифицированными в том отношении, что из них убрано их первоначально религиозное содержание. Чем же оно заменено? Кто же поставлен на место первобытных языческих богов или единого Бога? Не трудно догадаться: это человек или собирательное человечество. Как же стала пониматься жертва и жертвенность? Жертва в светской жизни стала означать более-менее стесненное существование, к которому человек приговаривает себя сам или становится пассивным объектом чьих-то манипуляций. Так, например, мы имеем понятия о жертвах кораблекрушения (и ряда других катастроф) и о самопожертвовании героя, закрывшего своим телом амбразуру дота или дзота.

Современный человек, замкнувшийся в оболочке индивидуального и личностно обособленного «Я» понимает самопожертвование как принесение своих интересов, их сознательное ущемление на пользу обществу или какому-либо другому человеку, партии, организации и

т.п. В отношении патриотического пафоса самопожертвование во имя процветания родины или ее защиты, спасения, придает личности ореол святости уже за пределами чисто фискальных, корпоративных и личностных амбиций. Здесь как бы разрушается демаркационная линия между тем, что считается святым и освященным в светском смысле, и тем, что четко определено в той или иной религиозной конфессии как божественное, святое. Иными словами – светское чувство на некоторых высотах своего подъема волей-неволей обращается к религии и в ней находит успокоение и удовлетворение своих духовных запросов. Иногда это происходит и через философию как среднюю ступень.

Но если высокое понятие о жертве и жертвенности в светском понятийном этическом поле можно унифицировать, то совсем иное дело – низшие проявления данного феномена. Так, например, всяким, в том числе и рациональным, ограничениям собственной лености, дурных привычек и прочего придается характер жертвенности и самопожертвования. То же самое относится к сознательному лишению себя комфортных условий жизни или психологических состояний. Бабушка, находящаяся на пенсии, жертвует собой, собственным своим индивидуальным личным временем для того, чтобы выполнить просьбу дочери: посидеть какое-то время с внуками. Дедушка отказывается от запланированной лыжной прогулки с друзьями ради той же цели – уделить время внукам. Конечно, что касается конкретно внуков, то здесь существует и принудительная моральная и правовая необходимость, которая, действуя с силой законности, настаивает на исполнении должного, необходимого с социальной точки зрения в ущерб, однако, и в ущемление, ограничение личной свободы.

Можем ли мы оценить такую вот «жертвенность» только иронически, минуя скрытые в ней переплетения сложных психологических переживаний, установок и комплексов? Важно увидеть за кажущейся жертвенностью не только ее истинное значение, но и механизмы, вскрывая и изучая которые мы могли бы понять субъективное их значение и построение. Так, например, далеко не всякий отказ бабушек и дедушек (внешне вполне здоровых и благополучных) посвятить часть своего личного времени внукам является чем-то негативным в этическом или правовом смысле.

Рассмотрим ситуацию, так сказать, в обратной перспективе. Зачастую молодые люди, образуя семью, заранее планируют своих родителей в прямые кандидаты в няньки и заодно воспитатели их собственных детей. Тем самым отказываясь отчасти от своих детей, ничем не жертвуя им ни в обыденном, ни в духовном смысле. И спустя время раскаяние в этом может привести и к жертвенности: жертвенности любви.

Любовь является основой христианской жертвенности. Это та любовь, о которой свидетельствовал апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Кор. 13:4-7).

В статье Валерия Духанина «О жертве, жертвенности и ее пределах» [1] красной нитью проводится мысль о том, что именно любовь побуждает человека к жертвенному поступку. Автор приводит примеры «холодной жертвенности», когда она понимается в том смысле, что человек отдает, отрывает от себя нечто весьма для него важное. И поскольку так происходит, он считает свою «жертвенность» вполне достаточной, чтобы «откупиться» от ближнего или дальнего, чтобы в подобных поступках не было и отзвука любви.

В подобных случаях проскальзывает намек на автономную этику великого немецкого философа Иммануила Канта. Кант считал, что человеческие поступки только иногда можно считать моральными, нравственными, когда они совершаются индивидом незаинтересованно, когда в их мотивации отсутствуют какие-либо симпатии и антипатии, предпочтения или эмоции. Они должны совершаться из чувства долга. Поэтому морально в данном случае поступает тот, кто, испытывая к предмету своего действия в области нравственности ненависть, все же поступает по отношению к нему в соответствии с требованиями морального закона: «Поступай с другими так, чтобы твой поступок мог бы вписываться в общую структуру нравственных норм и был бы приемлем его стороны других людей, общества, т.е. всех». Простая версия этого «золотого правила» хорошо известна: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы люди поступали с тобой».

Мы не будем здесь обсуждать все этические и общеправовые моменты этики Канта, но ясно одно, что в ней весьма близко стоят такие позиции как должностное и жертвенное. Это ригористическая этика и ее ригоризм вытекает, в частности, из желания разделить сферы этического и религиозного. Это попытка обосновать этику вне и помимо религии. Удалось ли это Канту? Отвечая на этот вопрос, мы могли бы вкратце напомнить, что, обосновывая нравственные принципы и главный из них как моральный закон, Кант обратился к постулату свободы, но она для своего существования и реализации нуждается в других принципах, которые философ тоже «постулирует», как не требующие доказательства и очевидно необходимые: это Бог и бессмертие души. Таким образом, добываясь самозаконности морали, немецкий философ без Бога и религии обойтись не смог.

Вернемся к вышеупомянутой статье, поскольку она

затрагивает социально-психологические аспекты жертвы и жертвенности. Поставив прямой вопрос: всегда ли мы способны на жертвенность? Всякая ли жертва нам по плечу? Автор бескомпромиссно рисует следующую картину, важность которой объясняет обширность цитаты: «Понимая, что надо жить по евангельским заповедям, христианин соглашается помочь ближнему в определенных проблемах. Пытаясь участвовать в жизни ближнего, он берет на себя нагрузки, связанные с заботой о нем. Чувствуя, что мера этих нагрузок в определенный момент становится для него непосильной, христианин загоняет свое недовольство внутрь себя, думая, что надо терпеть, исполняя заповедь. Поднадужившись еще немного, он все равно не выдерживает... Безрассудно принятые себя непосильные нагрузки способны довести до озверения. Ноша, взятая не по плечу, делает сердце равнодушным, холодным и жестким. Итог – не христианская жертвенность, равнозначная бескорыстной любви, которая не ждет за свое доброе дело даже обыкновенного “спасибо”, а злоба, психотравмирующая личность и вносящая дисбаланс в жизнь» [1].

Перед нами психологически очень точная характеристика нас самих, когда мы воображаем себя способными в корне изменить мир вокруг себя или дать бесконечное счастье любимым и ближним. Безусловно, неблагодарность, особенно в случае жертвенности со стороны благодетеля – дело плохое, и Кант относил это явление к грехам самым тяжелым, именуя их «дьявольскими». И тут надо быть очень осторожным, чтобы не попасть в зависимость от ожидания похвалы и добра за свои жертвенные поступки. Здесь человека может ждать полное разочарование: большинство людей, в том числе и верующие, воспринимают чужое добро по отношению к ним как «нужное», заслуженное, так сказать, неким уже заранее определенным ими самими собственным статусом. Так эгоизм и эгоцентризм принимают как грубые, так и довольно утонченные формы.

Автор статьи, говоря о том, что, согласно заповеди «когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Мф.6:3), делает вывод о том, что, делая людям добро, не нужно стремиться превратить их в своих «должников», поэтому, с нравственной точки зрения, правильным будет считать: то, что сделано в перспективе ответного добра и благодарности, теряет свою бескорыстную основу и превращается в бремя для тех, кому оказана помощь и тому подобные блага.

Христианская этика имеет существенные отличия от светской, которая, в делании людям добра все же полагается на адекватный ответ: евангельские заповеди задают более высокую нравственную градацию. Вспомним, хотя бы о знаменитой лепте вдовы. Именно имея особую любовь в сердце, вдова пожертвовала свои скудные средства, оставив себя без пропитания. Но и простое по-

жертвование без любви, как учат Отцы церкви, приучает душу человеческую чувствовать добро и деятельно участвовать в нем.

Мы уже видели, что в христианстве жертвенность вне любви к Богу и людям (в том числе – и врагам) не может иметь той полноты и смысла, каким субъективно ее хотел бы наделить человек светский, руководствующийся только рациональностью научного типа. Легко заметить, что даже внерелигиозная этика, полагающая свои основания в доисторической и исторической ретроспективе человеческого бытия в космосе и на Земле, не способна, исходя из собственно научных положений, объяснить то, что разумеется как бы само собой, но, тем не менее, составляет вовсе не общедоступную феноменологию действия: как, например, человек, не умеющий плавать, бросается спасать тонущего ребенка?

И таких ситуаций «абсурда», выходящих за пределы так называемого «здорового смысла», достаточно много. Ведь даже в простых жизненных ситуациях та же любовь между мужчиной и женщиной часто возникает не в силу каких-то «заслуг» одного перед другим, а вопреки, даже при отсутствии каких-то качеств, которые кому-то, скажем – родителям – кажутся необходимыми и должныствующими быть в наличии (ум, красота, обеспеченность, порядочность и т.п.). Таким образом, наши чувства, аффекты, зачастую перекрывают многие логически верные построения и могут привести к различным последствиям. В этом свете, наша нравственная жизнь протекает так, что мы постоянно чем-то посильно жертвуем – собственным комфортом, здоровьем, материальным благополучием.

В то же время нельзя обойти вниманием и те искажения, которые подстерегают не только неверующего человека, но и верующего на пути жертвенного служения. Так, например, довольно подробно рассматривается искаженность любви в книге протоиерея Владислава Свешникова «Очерки христианской этики» [4]. Здесь автор, в частности, пишет: «Порою искаженность, отчасти и жертвенная, встречается и вовсе в психопатическом и одновременно нравственно-философском варианте любви к “дальним” без любви к “ближним”. Это – “любовь” социалистически извращенная» [4; С. 522].

Как известно, вера, надежда и любовь рассматриваются в христианстве в качестве добродетелей, посредством наличия и исполнения которых мы некоторым образом познаем выполняем евангельские заветы.

Взаимосвязь таких психологических феноменов и одновременно этико-религиозных добродетелей, каковыми являются истина, надежда, справедливость, сострадание и другие – нашла отражение и в творчестве видных мыслителей Запада XX-XXI вв. Остановим вни-

мание, например, на личности французского религиозного философа Г. Марселя. В своей книге «Номо viator. Прологомены к метафизике надежды» (издана в Париже в 1944 г., русский перевод опубликован в 1998 г.) он утверждает мысль о недопустимости такой ситуации «когда метафизика веры возникает на руинах гуманизма» [6]. Французский теолог и философ в своем синтезе объединил два аспекта восприятия мира: а) христианский мир благодати и б) философский мир вопрошания. Среди ценностей мира Марсель выделял «мужество и жертвенность в сочетании с духом истины...». Жертвенность можно понимать и с точки зрения милосердия, открытости человека навстречу другим людям, готовности по-

мочь им, способности превратить условия внешней ситуации во внутренний процесс духовной деятельности.

Отличие этики христианской от этики светской, нерелигиозной, состоит в абсолютном и всецелом подчинении всех культурных, нравственных, материальных, духовных ценностей и отношений Богу как их Творцу. Отсюда же выводится и определенная иерархия ценностей. Однако нет никаких причин преуменьшать нравственную и историческую значимость жертвенного подвига в любом его выражении, будь то высокие примеры светской жертвенности или жертвенность христиан-мучеников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Духанин В. О жертве, жертвенности и ее пределах [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/60235.html> (дата обращения 10.09.2021).
2. Зачем Богу жертвы [Электронный ресурс]. URL: <https://jesus-portal.ru/life/otvety-pastyrya/zachem-bogu-zhertvy/> (дата обращения 10.09.2021).
3. Калитин П.Н. Аналогия // Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА – М, 2005. – С. 12.
4. Свешников В. Очерки христианской этики. – М.: Паломник, 2000. – 624 с.
5. Свящ. Иоанн Недешев. Поучение о том, что воин христианин должен делать перед сражением, во время сражения и что значит кончина воина на поле битвы // Руководство для сельских пастырей. – Т. 2. – № 26. – Киев, 1871. – С. 285-287.
6. Тавризян Г.М. «Номо viator. Прологомены к метафизике надежды» // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 90.
7. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/ (дата обращения 10.09.2021)

© Пугачев Олег Сергеевич (oleg_pugachev@mail.ru), Пугачева Наталья Петровна (kozlova_natalya@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пензенский государственный аграрный университет

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СПОСОБОВ ПОощРЕНИЯ ЭТИЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

THE PROBLEM OF CHOOSING WAYS TO ENCOURAGE ETHICAL BEHAVIOR IN A PROFESSIONAL TEAM

V. Puhir

Summary: The article examines the factors that make people remain silent about bad behavior at work, as well as strategies that team leaders and ordinary employees can use to change the culture of communication in a professional team and strengthen civic position. Based on specific social observations, the author explains why people at work do not always defend their own values and ideals, and shows how this can be changed. The article presents the types, forms and methods of encouraging the ethical behavior of employees. Particular attention is paid to non-material forms of encouragement.

Keywords: communication, ethical behavior, motivation, encouragement, silence, protest, leader, culture of expression.

Пухир Валентина Михайловна

К.ф.н., доцент, РГУ им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство.)
va-lenta@bk.ru

Аннотация: В статье рассматриваются факторы, которые заставляют молчать о плохом поведении на работе, а также стратегии, которые могут использовать руководство коллектива и рядовые служащие для изменения культуры общения в профессиональном коллективе и укрепления гражданской позиции. На основании конкретных социальных наблюдений автор объясняет, почему люди на работе не всегда отстаивают собственные ценности и идеалы, и показывает, как это можно изменить. В статье представлены виды, формы и методы поощрения этического поведения сотрудников. Особое внимание уделено нематериальным формам поощрения.

Ключевые слова: общение, этическое поведение, поощрение, молчание, лидер, культура высказывания.

Каждый день мы слышим и читаем о нарушениях социальных норм: коррупции, абьюзе, эмоциональном и физическом насилии, сексизме, троллинге, буллинге и т.п. Это то, с чем мы категорически не согласны. Но вместо того, чтобы высказаться, мы перекладываем ответственность на государство, крупные организации и общество в целом, а сами остаемся в стороне. Почему люди, обладающие моральными принципами и доброй душой, зачастую ничего не делают? Тогда как, казалось бы, небольшое действие может привести к значительным позитивным переменам? Заманчивым является занятие – обвинять злых людей, а с себя (хороших людей) полностью снимать ответственность! Но ведь это бездействие т.н. «хороших людей» позволяет злу укреплять свои позиции.

Любое недостойное поведение в трудовом коллективе продолжается отчасти потому, что большое количество сотрудников боятся, что протест им дорого обойдется. Страх расплаты заставляет их молчать даже перед лицом крайне недостойного поведения. Так, мета-анализ «Ведомостей» и аналитической компании Online Market Intelligence (OMI) домогательств интимного характера показал, что только приблизительно одна четверть сотрудников сообщают об этом начальнику, и только от 2 до 10 % подают официальную жалобу [1, с.12]. Кроме того, «из-за неосуществления профессиональных устремлений женщины испытывают новые формы психологического насилия» - утверждает автор *Ташлыкова Н.Ю.* [6, с.260]. Домо-

гательства и насилие на работе являются, прежде всего, следствием безграничной власти начальника над подчиненными, полагает *Елена Гапова*, директор института гендерных исследований. По ее словам, наиболее бесправны работники мелких предприятий, где отсутствуют правила корпоративной этики, не оформлены должным образом трудовые соглашения и все вопросы решает хозяин, где сотрудники имеют низкую квалификацию и легко заменимы [1, с.9]. И чаще всего компании, чьи сотрудники жалуются на сексуальные домогательства со стороны коллег или руководителей, не предпринимают ничего. А некоторые наниматели считают, что жалобщик виноват сам и что это может привести к его увольнению. Правда, больше трети работодателей помогают пострадавшим – переводят их в другой отдел на аналогичную должность. И лишь единицы способны выплатить жертве денежную компенсацию или даже компенсировать моральный вред повышением в должности.

Закон мало чем может помочь пострадавшим: В Трудовом кодексе нет понятия «харассмент». Есть лишь статья 133 в Уголовном кодексе – о понуждении к действиям сексуального характера. Однако, если не было прямого насилия и все ограничивалось только приставаниями, ничего доказать невозможно. Поэтому жертвы чаще всего предпочитают молчать, перейти в другой отдел или просто уволиться с работы.

Молчание перед лицом плохого поведения особенно

распространено, когда люди имеют прямую власть над нижестоящими. Последствия сопротивления могут быть не в пользу пострадавшего. В ходе проверки профессиональных бухгалтеров в одной из компаний было установлено, что 60% из них были замечены в правонарушениях на своем рабочем месте: неправильная классификация отчетов о расходах, манипуляции с зарплатой, перечисление зарплаты со счета фирмы на подставных лиц, кража канцелярского имущества [3, с.14]. Большинство сослуживцев предпочитают об этом не говорить. Чаще всего причиной молчания была тревога по поводу потери работы или ухудшения рабочей обстановки.

Даже когда расплата за противостояние маловероятна, у работников иногда находятся личные мотивы, чтобы игнорировать плохое поведение. Когда имеет место факт корпоративного мошенничества, эти люди могут получать прямую выгоду от того, что якобы не замечают неэтичного поведения. Они даже могут получить финансовые поощрения за то, что делают вид, что ничего не знают. Это происходит потому, что профессиональные последствия за противостояние плохому поведению могут быть существенными, особенно если мошенник занимает высокую позицию. Интуитивные, привычные шаблоны поведения нередко берут верх над людьми. С точки зрения этики, это может выразиться в эгоцентричном подходе «Я важнее всего!», когда краткосрочная выгода становится приоритетной перед долгосрочными последствиями, которые могут спровоцировать этические ошибки.

В одной из компаний по разработке программно-обеспечения проводили собрание по поводу целей бюджета на предстоящий год. После встречи начальник обратился к единственной женщине: «Эй, как насчет того, чтобы убрать за нами со стола? Разве у женщин не лучше это получается?». Конечно же, данное высказывание является дискриминационным и неуместным. Но поскольку комментирующее лицо было руководителем (а не коллегой или подчиненным), женщине было тяжелее решить, что делать, и она понимала, что возражение может ей дорого обойтись.

Бывают случаи, когда руководители увольняют сотрудников за неэтичное поведение. Исследования показали, что взаимосвязь между неэтичным поведением и изгнанием сотрудника зависит от того, насколько продуктивным, важным для компании является работник. Для тех, кто не очень продуктивен, неэтичное поведение (такое как, например, фальсификация отчетов о времени или расходах, или неправомерное использование конфиденциальной информации) приводит к игнорированию коллег на работе или даже к притеснению со стороны коллег. Но для тех, кого очень ценит руководитель как высокопроизводительного работника, может и не быть никакой связи между неэтичным

поведением и изгнанием с работы. Другими словами, высокая производительность может компенсировать неэтичное поведение.

В любом профессиональном коллективе противостояние недостойному поведению влечет за собой издержки. Они особенно велики в тех организациях, где традиции основываются, главным образом, на преданности организации. Даже если это поведение напрямую противоречит их ценностям. Это относится, в первую очередь, к вооруженным силам и полиции. В полицейской культуре практически всех стран существует т.н. «кодекс молчания». Многие из них замечают проступки других офицеров, но никому не сообщают о них. Но ведь молчание людей автоматически делает их соучастниками. Причем, психологи выявили, что когда работник делает маленький шаг в неверном направлении, ему уже становится трудно изменить этот «скользкий» курс. Вот как один бывший американский финансовый директор описал этот процесс: «Преступность начинается с малого и прогрессирует очень медленно. Сначала вы работаете неофициально. Некоторые говорят, что это и не преступление. И как только вы встаете на скользкую дорожку, с нее трудно сойти. Все, что вам нужно сделать, это просто пересечь черту. И ты уже в деле. А когда ты уже в деле, ты навсегда там» [8, с.24].

Безусловно, проблемное поведение наносит ущерб профессиональным коллективам всех типов – от учебных заведений и корпораций до больниц, военных и полицейских органов. Чтобы устранить такое плохое поведение, нужно больше, чем просто обнаружить этих «плохих людей». Для этого, на наш взгляд, необходимо весомое изменение профессиональной культуры. Рабочие места должны способствовать воспитанию *этической культуры*, которая запрещала бы покрывать недостойное поведение коллег. Одним из ключевых факторов, который препятствует многим людям говорить и заставляет молчать, является страх социальных последствий. Людей, которые сообщают о неэтичном поведении своих коллег или начальства, часто называют «стукачами» или «крысами». Но даже к людям, которые выполняют роль «осведомителей» нередко относятся с подозрением и даже с презрением.

Бывший вице-президент подразделения исследования и разработок табачного гиганта «Brown and Williamson», доктор *Джеффри Уайганд* дал в 2011 г. обличительное интервью телепередаче «60 минут» (CBS) и раскрыл населению всего мира информацию об истинном, смертельном вреде никотина. Он обнаружил, что вышеназванная табачная компания намеренно добавляла вредоносные химикаты в табак, чтобы сигареты вызывали больше привыкания. В своем интервью он сказал: «Тех, кто выдает имена нарушителей, нужно называть по-другому. Почему? Их прозвища имеют уничижительный

оттенок – крыса, сплетник, доносчик, стукач, перебежчик». Интервьюер спросил, как он предлагает назвать этих людей. Доктор Уайганд ответил: «человек совести».

Что может сделать организация для создания культурных традиций, в которых действительно высоко ценится этическое поведение? Некоммерческой компания Ethical Systems в Нью-Йоркском университете предоставляет компаниям и организациям научно-ориентированные стратегии для создания профессиональной культуры, которая должна поощрять этические решения. Глава этой компании, известный как «профессор этического лидерства» *Джонатан Хайдт* утверждает, что «лидеры должны быть готовы нанимать, увольнять и продвигать на основе этических ценностей, а не просто достигать конечных целей или способствовать росту бизнеса» [7, с.31]. Первое, что должны делать лидеры для создания профессиональной культуры – на собственном примере формировать этическое поведение. Это может быть понижение своей и своих первых заместителей зарплаты, если организация находится в кризисном состоянии. Также это может быть отказ от выгодной сделки, если она может навредить инвесторам. Моральное лидерство можно показать, обустроив свой рабочий кабинет такого же размера, как и у всех рядовых сотрудников организации.

Очень важным и очевидным фактором, по мнению Хайдта, является то, что компаниям необходимо искать лидеров, которые будут моделировать этическое поведение. Они должны быть осторожными, вдумчивыми, умеющими обращать внимание на детали. Такие лидеры обычно не принимают поспешных решений и не допускают грубых ошибок. Они способны адекватно оценить свою нравственную идентичность: являются ли они внимательными, честными, заботливыми, справедливыми. Нельзя не согласиться с *Джонатаном Хайдтом*! Действительно, этическое руководство компании приводит к достаточно большой прибыли, а метод «быстро и короткого пути» - нет. Руководители с высокими этическими характеристиками выступают для своих подчиненных как «борцы за правое дело», для которых общее благо сотрудников, партнеров и клиентов находится в приоритете. Те же руководители, которые обладают низкими этическими характеристиками, демонстрируют обратное: они не выполняют обещаний, лгут, обвиняют других в неудачах компании, несправедливо наказывают сотрудников за ошибки, не проявляют заботы и сочувствия.

Таким образом, этические лидеры мотивируют своих сотрудников на лучшее поведение. А это, как уже было отмечено ранее, окупается сполна. Почему? Потому что люди, работающие под руководством этического лидера, достигают более высокой степени удовлетворенности своей работой и, следовательно, выполнением своей

миссии. Большинство западных предпринимателей хорошо понимают, что главным достоянием любой компании или фирмы является человек, поэтому стараются приблизить служащего к этическому лидеру, помогают ему занять более высокую ступеньку в карьерной лестнице. Наиболее эффективными становятся отношения, когда хозяин и работник выступают как партнеры и единомышленники.

К сожалению, различные наблюдения указывают на то, что люди, занимающие высокие посты, с меньшей вероятностью выбирают этический путь, чем люди, занимающие более низкие посты. Руководители различных сфер нередко проявляют лицемерие, которое свидетельствует о том, что люди, обладающие властью, придерживаются более высоких рабочих стандартов по отношению к сотрудникам, чем к самим себе, даже если они временно обладают такой властью. Эксперт по социальной психологии *Адам Галинский* отмечает, что некоторые политики используют государственные средства для частной выгоды, при этом призывали к уменьшению размера правительства. Или пасторы, которые активно призывают оказывать помощь бедным, но при этом владеют огромными особняками и частными самолетами [2, с. 17].

Что же могут сделать компании, чтобы убедиться в том, что они нанимают этических лидеров, у которых слова не расходятся с делами? Профессор Хайдт рекомендует выбирать таких кандидатов, которые будут стремиться получать не краткосрочные выгоды, когда их неэтичные действия могут быстро окупиться, а таких кандидатов, которые способны видеть долгосрочные перспективы существования и развития компании. И эти лидеры должны установить одинаковые этические правила как для себя, так и для подчиненных. Они обязаны на личном примере показывать приверженность принципам этики. Более того, они должны обладать особыми методами поощрения этического поведения их работников.

Поощрение – это способ мотивации, основанный на вознаграждении сотрудников за добросовестный труд, а, следовательно, вклад в развитие предприятия. Поощрение необходимо, когда нужно стабилизировать должное отношение сотрудников к трудовому процессу. Такие сотрудники, как правило, соблюдают этическую культуру. Они способны четко и недвусмысленно демонстрировать свою нетерпимость к неэтичному поведению на всех уровнях. Опыт показывает, что лучший эффект будет достигнут в результате минимального отрезка времени между действиями сотрудников и их вознаграждением (например, через неделю). Опыт показывает: если человек знает о предстоящем в скором времени поощрении, эффективность его работы в организации увеличивается в несколько раз. Главным результатом поощрения будет достижение желаемого эмоционального состояния работников. Хорошо, если руководитель зна-

ком с личными характеристиками и особенностями каждого работника, которого он хотел бы поощрить. Зная личные потребности своих сотрудников, руководитель может выбрать удобную ситуацию для вознаграждения, либо действовать согласно специально разработанному сценарию. В любом случае, поощрение должно сопровождаться искренними чувствами, иначе оно не будет мотивировать работников на позитивный настрой к работе и соблюдению норм этичной культуры. Любое поощрение в рабочем коллективе должно получить *положительную огласку*. Это поднимает авторитет, престиж и уважение сотрудников. Очень важно учитывать *фактор справедливости* поощрений внутри коллектива. В противном случае, неграмотно организованное и проведенное поощрение работников в коллективе может привести к негативно отразиться на корпоративном климате. И наоборот: правильно обоснованные и справедливые поощрения сплачивают и объединяют коллектив в одну команду. Вознаграждение – это то, что человек считает для себя наиболее ценным при выполнении своей работы. Однако, само понятие *ценности* для всех работников разное. Кого-то можно наградить подарком, путевкой в санаторий или в туристическую поездку, премировать или помочь с ссудой – варианты зависят от возможностей организации. Но бывает, что для материально обеспеченного человека большей ценностью является отдых в компании друзей и единомышленников, нежели дополнительная сумма денег.

Очень важным стимулом для поддержания культуры этичного поведения работников являются *слова поощрения*. Они должны быть конкретными, указывать на то или иное положительное действие, задание, безусловно выполненную работу. Слова поощрения должны быть сказаны своевременно – непосредственно вслед за успешно завершённой работой. Заслуживают поощрения любые успехи подчиненных, независимо от степени их значимости. Но при этом работниками непременно должны соблюдаться правила этичного поведения в коллективе. Большое значение имеет грамотная формулировка слов поощрения. Ведь публичное поощрение в присутствии коллег для человека особенно важно, нередко является даже более ценным, чем материальное поощрение. Эффективность похвалы состоит в том, что она стимулирует работника и умножает его трудовые усилия [5, с.90-91] К похвале привыкают, с каждым разом ее хочется все больше. Иной раз отсутствие похвалы уже воспринимается как наказание. Намного лучше хвалить за меньшие достижения, но чаще, поскольку это формирует длительную мотивацию. Поддерживать и поощрять подчиненных, верить в них, хвалить искренне и с любовью - это благородное и благодарное дело! Оно окупится сторицей! Признавая заслуги своих подчиненных или коллег, человек делает шаг, чтобы привлечь сотрудника на свою сторону. Постепенно можно поднять планку этичных поступков, за которыми последует похвала.

Можно привести несколько примеров слов поощрения: «Вы безусловно выполнили эту работу!», «Отличный результат! Первое место – за вами!», «Вам удалось в столь сжатые сроки выполнить такую сложную работу!», «Ход ваших мыслей мне нравится», «Поздравляю вас с успехом! Теперь вы видите ваши возможности», «Сегодня вы превзошли себя!», «Я надеюсь, что и дальше дела пойдут много лучше», «Ваш опыт будет очень полезен для всего нашего коллектива» и т.п.

Нематериальной формой поощрения персонала также является публичная *благодарность* – официальное моральное поощрение сотрудника, с занесением в приказ, о котором руководитель объявляет всему коллективу. Если работник этого заслуживает, почему бы не похвалить его на общем собрании или каком-нибудь корпоративном мероприятии, где присутствует большинство его коллег? Можно даже разместить небольшую статью в газете, или дать интервью для радио или ТВ. А затем можно подарить этому сотруднику оформленную в приличной рамке вырезку из статьи или диск с эфиром передачи, в котором говорилось о нем все положительное.

Одобрение, как и похвала, является неформальным моральным поощрением сотрудника в течение рабочего процесса, когда руководитель замечает трудовые старания и этичное поведение работника, которые приближают его к необходимому результату. Очередной вид неформального нематериального поощрения работника в процессе выполнения поставленной задачи, а также неукоснительного соблюдения этических нормы – это *поддержка* в случае возникших сомнений, трудностей в выборе методов и способов деятельности. В качестве официального нематериального поощрения может выступать снятие ранее наложенного на сотрудника взыскания (например, путем составления соответствующего приказа и его оглашения).

Как уже было отмечено выше, на руководителей организацией возложена дополнительная ответственность за поддержание *культуры этичного поведения*. В частности, руководитель обязан на личном примере показывать приверженность принципам этики, создавать и поддерживать такую рабочую атмосферу в коллективе, в которой каждый сотрудник чувствовал бы себя комфортно. И непременно четко и недвусмысленно демонстрировать свою нетерпимость к неэтичному поведению. Причем, посыл должен исходить не только от руководителей организаций, но и от коллег. Обучение правилам этичной культуры должно быть многогранным и полным, а не ограничиваться только просмотром видео, которое сотрудники обычно смотрят без всякого энтузиазма перед работой. Руководителям компаний необходимо научиться доносить свои ожидания о моральном поведении работником как в больших, так и в

малых масштабах. Пресечение неэтичного поведения на изначальной стадии имеет важное значение, поскольку мошенническая практика со временем приобретает все больший масштаб. Если, например, какой-то нечестный автор присваивает себе чужую статью (или даже ряд статей) и он видит, что это ему вроде бы «сходит с рук», следовательно, ему надо каким-то образом объяснить коллегам, что он – «хороший человек». И если это коллеги могут посчитать «нормальным», значит он должен придерживаться этого «нормального» действия. В таком случае продолжать махинации этому человеку становится намного проще. Поэтому и руководителю, и всей компании необходимо устанавливать правила, которые ограничивают и, в конечном итоге, жестко пресекают привлекательные, но мошеннические действия. Организациям также необходимо настаивать на том, чтобы сотрудники на всех позициях соблюдали *одни и те же этические нормы*. Нередко руководители компаний игнорируют неэтичное поведение «звезд», которых, по их твердому убеждению, они не могут потерять. Это академики, которые приносят гранты, менеджеры хедж-фондов с богатыми клиентами, кинопродюсеры и т.п. Сотрудники, которые наблюдают, как этим «звездам» сходит с рук их сомнительное поведение, понимают, что руководство организации терпимо относится к плохому поведению. Это осознание значительно снижает их готовность сообщать о нарушениях этических правил и может даже их провоцировать на неэтичные действия. Поэтому одной из важных стратегий борьбы с корпоративным мошенничеством является, на наш взгляд, разработка эффективной *политики противодействия* неэтичному поведению. Согласно социологическому опросу ряда компаний, люди значительно чаще сообщают о мошенническом поведении руководству в своей компании, когда не боятся расплаты за это. Все тот же профессор Уайлд уверен в том, что информация о нарушениях заставила акционерные компании проявлять большую осторожность, чтобы уменьшить риск появления экономических и правовых проблем в будущем.

Таким образом, мы можем сделать вывод: *нежелание терпеть неэтичное поведение окупается*. У сотрудников, которые приветствуют этическое поведение, не будет соблазнов предпринимать даже небольшие шаги в направлении плохого поведения. У них не будет страха и опасений, когда они будут информировать о проблемном поведении сотрудников, что поможет остановить его на ранних этапах.

В Трудовом кодексе РФ нет норм, обязывающих сотрудника быть со всеми вежливыми и корректными в рамках рабочего процесса, сообщать о нарушениях норм и правил профессиональной этики, а работодателю – делать все возможное по созданию благоприятного психологического климата в коллективе. Поэтому создание культуры приоритетного этического поведения для

всех сотрудников может быть связано с определенными изменениями в нормах конкретной организации. Но ведь в конечном итоге это поможет прибыли и вообще – созданию комфортных условий для работы.

Одним из самых простых способов приобщения людей к этическому поведению – это *создание скрытых напоминаний*. В европейских странах и в США многие колледжи и университеты требуют, чтобы студенты подписывали т.н. «клятву чести» в начале экзамена, в которой говорится, что они не должны списывать сами и не давать свои работы для списывания другим. Эта стратегическая установка направлена на то, чтобы напомнить студентам о важности честной работы и повысить их самооценку перед сдачей экзамена. А повышение уровня самосознания, как утверждают психологи, понижает склонность людей отказываться от выполнения групповых заданий. Это происходит потому, что почти все считают себя хорошими людьми, которые совершают нравственно правильные поступки. И даже совсем небольшие подсказки, такие как, например, подпись своего имени в верхней части страницы, вполне могут подтолкнуть людей к более этичному поведению. Когда люди подписывают свои имена, это им напоминает, кто они есть. Им также это напоминает об их намерении быть хорошими людьми, которые поступают правильно. Этот вид тонкого намека имеет большое значение, поскольку неэтичное поведение часто возникает не после тщательного и обдуманного мышления, а случайно и непреднамеренно. Ведь студент очень волнуется во время экзамена и спонтанно решает посмотреть на ответы соседа, чтобы просто, как он думает, «проверить ответ». Или журналист, стараясь уложиться в сроки, может выдать чужую цитату за свою. Это делается очень быстро и непреднамеренно. И мало кто из них думает (если вообще думает) о возможных последствиях.

Есть еще один ненавязчивый способ подтолкнуть людей к этичному поведению на работе – это попросить их задуматься о том времени, когда они вели себя плохо и о котором теперь сожалеют. Исследования показали, что просьба поразмыслить над собственным недостойным поведением в прошлом, действительно уменьшила готовность сделать это снова.

Еще одной подсказкой, которая напомнит людям о необходимости быть честным в профессиональном коллективе, может быть размышления в письменном виде о соблазнах неэтичного поведения. Это уменьшит намерение работников притворяться больными, воровать казенное имущество, копировать несколько предложений из Википедии, подделывать чужую подпись или медленно работать, чтобы избежать дополнительных заданий. Напоминание о том, какими соблазнительными могут быть нечестные действия сотрудников, в какой-то

степени, усиливают способность сопротивляться им. Это срабатывает потому, что если людей просят остановиться и подумать о своем поступке, они обычно признают, что действовали неправильно.

Следует отметить, что этичное поведение не требует длительного и интенсивного обучения персонала отделом кадров или деканами вузов и колледжей. Ненавязчивые, едва уловимые стратегические методы могут хорошо помочь в этом деле.

В атмосфере этической культуры сотрудники могут спокойно обсуждать проблемное поведение в коллективе. Как уже отмечалось выше, молчание способствует недостойному поведению и может привести к реальным затратам. Поэтому, на наш взгляд, есть смысл в том, чтобы составлять программы, направленные на формирование культуры отчетности, в рамках которой все сотрудники несут персональную ответственность за поддержание здоровых условий работы. В программе должны быть конкретные инструкции: как высказывать свое мнение или вмешиваться в неоднозначную ситуацию, а также как подать жалобу, когда они стали свидетелями недостойного поведения. Некоторые работники

опасаются, что создание культуры высказывания может привести к созданию неудобной обстановки работы в коллективе, когда они должны будут отчитываться друг перед другом. Но это не так. Формирование культуры этического поведения руководством означает, что абсолютное большинство сотрудников будут следовать соответствующим этическим правилам и нормам. А те некоторые сотрудники, которые не желают соблюдать правила, вынуждены будут прекратить недостойное поведение на ранней стадии.

Опыт исследований неэтичного поведения в различных компаниях показал следующее: сотрудники с большей готовностью сообщают о недостойном поведении, если уверены, что и руководители, и все коллеги, разделяют их обеспокоенность. Но многие люди не утруждают себя сообщениями о неэтичном поведении, если лично сталкиваются с его отрицательными последствиями со стороны начальства или коллег. Этот страх мести заставляет большинство сотрудников молчать даже в случаях крайне неэтичного поведения. Трудно поступать честно человеку, если он знает, что заплатит за это высокую личную или профессиональную цену. Это требует большого нравственного мужества.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Ведомости» (Карьера) // [vedomosti.ru>archive/2020/01/23](http://vedomosti.ru/archive/2020/01/23)
2. Галинский Адам: как отстаивать свое мнение. // ideanomics.ru/lectures/12777
3. Желенкова Елена. Как обманывают бухгалтеры? Мошеннические схемы бухгалтеров. // 1c-wiseadvice.ru
4. Корнеев С.С. Психология и этика профессиональной деятельности. М.: Юрайт, 2019. 304 с.
5. Пухир В.М. Этикет деловых комплиментов // Психология диалога и мир человека. Сборник научных трудов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 224 с
6. Ташлыкова Н.Ю. О диалектике лидерства, насилия и свободы воли: философский и социологический аспекты. /Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. 2017. Издательство: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). С. 260-262.
7. Хайдт Джонатан. Как компании вынуждают сотрудников нарушать закон. // vedomosti.ru/management/articles/2017/04/26/
8. Catherine A. Sanderson. The Bystander Effect. The Psychology of Courage and How to be Brave. <https://www.livelib.ru/author/1684666-ketrin-sanderson>
9. Sub I. «Boiling the frog slowly: The immersion of C-suite financial executives into fraud» / *Journal of Business Ethics* (July 2018), p.1

© Пухир Валентина Михайловна (va-lenta@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТАФИЗИКА В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

vsvry@icloud.com

METAPHYSICS IN THE PARADIGM OF MODERN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

V. Savrey

Summary: The rejection of modern culture from the primacy of the absolute, eternal, personal Principle, originally inherent in the metaphysical style of thinking, becomes a paradigmatic sign of our era with its total immersion in the sphere of material utopias realized, with its spiritual impoverishment and the death of disappearing traditions. If we talk about the awakening of a new metaphysical consciousness, then it is precisely to our time, when the contours of a total ideological and cultural crisis are becoming more and more noticeable on the horizon of the epoch, this awakening seems necessary. By blurring the boundaries of immanence, metaphysics opens up prospects for the destiny of humanity beyond time and world history.

Keywords: absolute beginning, being, eternity, time, worldview, culture, science, metaphysics, modernity, postmodernism, universe, philosophy, eschatology.

Аннотация: Отказ современной культуры от примата абсолютного, вечного, личностного Начала, исконно присущего метафизическому стилю мышления, становится парадигмальным знаком нашей эпохи с её тотальным погружением в сферу осуществлённых материальных утопий, с её духовным оскудением и гибелью исчезающих традиций. Если говорить о пробуждении нового метафизического сознания, то именно нашему времени, когда на горизонте эпохи всё заметнее обозначаются контуры тотального мировоззренческого и культурного кризиса, это пробуждение представляется необходимым. Размыкая границы имманентности, метафизика открывает перспективы предназначения человечества за пределами времени и всемирной истории.

Ключевые слова: абсолютное начало, бытие, вечность, время, картина мира, культура, наука, метафизика, модерн, постмодернизм, универсум, философия, эсхатология.

Понятие «метафизика» с трудом укладывается в парадигму конкретных философских категорий, отражающих характер восприятия человеком картины мира в пространстве современной культуры. Метафизика перестала быть отправной точкой европейского сознания с его новым стилем мышления. Грандиозная философская система Гегеля стала мишенью для критики метафизики ещё в XIX в. В XX в. постмодернистская деконструкция с её критикой модерна, субъекта и системы приобрела чуждый умозрительной метафизической философской традиции рациональный характер. В. Панненберг в своём труде «Metaphysik und Gottesgedanke» объяснял критику метафизики влиянием Огюста Конта, рассматривавшего метафизику в качестве переходной ступени от мифологизма к позитивизму (Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008. С.75). Хайдеггер не без оснований считал, что период философского осмысления метафизической проблематики «завершён в своём существе» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.148), ввиду того очевидного факта, что интерпретация вопросов философии с позиций метафизики «бытийно - исторически пришла к концу» (Там же. С.148). На самом деле к концу пришло только лишь время, когда метафизика утверждалась «исключительно на априорном умозрении или на гениальных догадках, подсказанных поэтическим вдохновением» (Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 2008. С. 55). В Новое время ме-

тафизика как раздел философии ставила задачу осмысления основ бытия в свете сформированной в процессе научного познания общей картины мира. Уход метафизики из области европейского гуманитарного знания, в котором она оставалась душой философии на протяжении более двух тысячелетий её сознательной истории, представляется принципиально невозможным. Ведь в оценке самого Хайдеггера, «в метафизике происходит осмысление существа сущего и выносятся решение о существе истины» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 41). Жак Деррида, комментируя Аристотеля, говорит, что метафизика как первая философия является первой, потому что является общей, имеющей целью «рассмотреть сущее как сущее» (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С. 215). В отличие от современного человека, который не может «выйти за пределы нашей системы мышления, герменевтического круга нашей позиции, «случайности» (Geworfenheit) нашего фактического существования» (Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008. С.75), первый человек в своей потенциальной возможности выхода в сферу трансцендентальных смыслов и ценностей мог мыслить в первую очередь категориями религиозного характера, то есть метафизически. На историческое первенство метафизики указывает тот факт, что в то время, когда в древней Греции все науки находились ещё в своей колыбели, «метафизика переживала эпоху величайшего в истории мировой мысли

расцвета» (Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 2008. С.55). Стоявший у истоков отечественной философии, на пересечении восточно-христианских, возрожденческих и древнерусских традиций, сочетавший символический и научный методы осмысления бытия, занимавшийся разработкой проблем метафизики света, преподобный Максим Грек в своём письме Фёдору Карпову в 1524 г. дал определение философии как возвышенного божественного знания и ставил миссию философа выше царской (Громов М.Н. Максим Грек // Русская философия. Энциклопедия. М., 2020. С. 405), справедливо полагая, что своему высокому «царскому» статусу философия обязана прежде всего метафизике.

Если эпоха библейских пророков, классической античности и христианского средневековья вплоть до Нового времени была ознаменована присутствием в мировом универсуме высшего, абсолютного, трансцендентно-имманентного Начала, создающего ноуменальную основу бытия всего организованного порядка мироздания и направляющего мировой культурно-исторический процесс к конечной цели, находящейся за пределами исторического времени и включающей восстановление всего сущего во вневременных параметрах вечности, то на протяжении последних веков в историческом континууме цивилизационного процесса человек уже давно перестал думать и мыслить метафизически. Его мышление, будучи когда-то идеалистическим, теоцентричным, религиозно-догматическим, меняясь из века в век, становилось рациональным, эмпирическим, позитивистским, материалистическим, сциентистским, эволюционистским, скептическим, релятивистским, индифферентным, ризоматическим, номадологическим. Философские концепции, созданные в эпоху модерна в области метафизики, онтологии и логики, потеряли для современного человека свою прежнюю привлекательность и философскую значимость. «Конструируемые властным инстинктом разума вне исторические и вечные классические метафизические системы уступают место полифонии ризомы и доксы» (Воробьёва В.С. «Тотальность и бесконечное» // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С.659). Отказ современной культуры от аксиологического акцента, присущего метафизическому стилю мышления, парадигмально обусловлен кризисом культуры современного мира и связанного с ним кризиса статуса философии как «царицы наук» в системе культуры (Можейко М.А. Метафизика // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001. С.461). В своей временной погружённости в стихию имманентности современный человек стремится держаться на почтительной дистанции от сферы метафизических вопрошаний и поисков, тревожащих его уютное земное прозябание вечной и запредельной тайной. Однако принятие тайны, как заявляет Габриэль Марсель, есть в своей онтологической сущности «позитивный акт нашего ума» (Gabriel Marcel. Being and Having. New York: Harper and Row, 1965, p. 118). У

М. Хайдеггера этот акт интерпретируется как прозрение бытия в свете истины бытия, когда человек «бросает себя навстречу озарившему его свету, прочь от самого себя» (Хайдеггер М. Что такое метафизика? М., 2007. С.272), когда он становится способным отозваться «на обращённое к нему озарение» (Там же. С. 272) и в этой отзывчивости «взглянуть как смертный в лицо божественному» (Там же. С.272). Величие и онтологический статус человека подчинены мгновению, когда человек стремится «выйти за пределы всякого горизонта» (Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014. С.183-184), находясь в условиях своей имманентной замкнутости, детерминированной пределами гносеологических возможностей. Лейбниц, Кант и Шеллинг могли ставить вопрос: почему существует Вселенная, а не Ничто. «Однако этот вопрос в своей рациональной бледности не даёт нам живо почувствовать ту ситуацию, в которой мы впервые по-настоящему переживаем бытие бытия как дарованное нам, непостижимое, непроницаемое, которое уже есть до всякого мышления и приближается к нам» (Там же. С.223-224). Хайдеггер с присущим ему философским дерзновением, как бы компенсирующим утраченный им религиозный опыт, заключает: «Иначе – никак; ибо и Бог, если он есть, остаётся Сущим, пребывает как Сущий в бытии и его сути, осуществляющейся в свете мира» (Хайдеггер М. Что такое метафизика? М., 2007. С.272).

Слово «метафизика» как термин и как понятие было введено в научный оборот александрийским библиотекарём Андроником Родосским, предложившим его в качестве названия трактата Аристотеля о «первых родах сущего» (Можейко М.А. Метафизика. Постмодернизм, Энциклопедия. Минск, 2001. С.461). По этому поводу Вильгельм Вундт в своей «Метафизике» заметил, что своим возникновением и названием метафизика обязана недоразумению: поскольку в системе Аристотеля она следовала «после физики», неоплатоники трансформировали это чисто внешнее название для обозначения той области философского знания, которая «выходит за пределы природы», и эта интерпретация удержалась по сегодняшний день (Вундт В. Метафизика// Философия в систематическом изложении. М., 2006. С.117). М. Хайдеггер в объяснении термина «метафизика» заключает: «Этот удивительный титул был позднее истолкован как обозначение такого исследования, которое выходит meta – trans – «за» сущее как таковое. Метафизика – это вопрошание сверх сущего, за его пределы» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.С.24). Метафизика проливает свет в запредельную, ноуменально постигаемую область трансцендентального бытия. Первого европейского мыслителя, «первого настоящего метафизика, которого знает история, Гераклита, уже древние называли «Тёмным», указывая этим на глубокомысленную непонятность его изречений» (Вундт В. Метафизика// Философия в систематическом изложении. М., 2006. С.117). Если, по мысли А.Н.Уайтхеда, мы пожелаем воз-

вести кого-либо в ранг величайшего метафизика, имея в виду гениальную интуицию и универсальный характер знаний, мы будем «должны отдать предпочтение Аристотелю» (Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 235). В качестве важнейшего события в истории метафизики Уайтхед отмечает тот факт, что «Аристотель счёл необходимым завершить свою метафизику введением перводвигателя – Бога» (Там же. С. 235), благодаря чему его научно-философская система приобрела характер принципиальной фундаментальности, обусловленной присутствием в мировом универсуме абсолютного Начала, являющимся одновременно трансцендентальным и имманентным по отношению к сотворённому миру. В пророческом видении Исаяи, когда Серафимы восклицали «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (Ис. 6,3), миру был явлен образ трансцендентно = имманентного Бога, поскольку этимологически слово «свят» (евр. «кадош») указывает на трансцендентность Бога, а слово «слава» – на Его имманентность. Образ трансцендентно-имманентного Бога присутствует в Откровении, теологии, классической онтологии и в метафизике.

Категории бытия сотворённых сущностей метафизика противопоставляет понятие «Ничто» как необходимую предпосылку, как *Urgrund*, как фон вселенской жизни (*Inderweltsein*), находящейся, согласно известному афоризму святителя Филарета Московского, под бездной благодати Божьей, над бездной собственного ничтожества. В современной философии, весьма мало склонной к онтологической проблематике, идея Ничто «выявлена лучше всего в экзистенциальной философии Хайдеггера» (Левицкий С.А. Трагедия личности. М. 2008. С.159).

Метафизика обладает исключительной привилегией вступать в область запредельного и трансцендентного универсума с опорой на присущую человеку способность интуитивного проникновения в сферу сокровенных смыслов и ценностей, вполне резистентных к методу их рационального объяснения с позиций эмпирической науки и неклассической философии. В качестве примера можно указать на попытки интерпретации с позиций современной физики библейского тезиса о творении мира в творческом божественном акте из ничего (*ex nihilo*). Как отмечает один из современных исследователей, «любая физическая концепция «начального состояния» Вселенной – сингулярность, возбуждённый вакуум, суперструны или даже чисто абстрактная математическая идея - модель – не есть в полном смысле «ничто», так как данные состояния бытия в той или иной степени характеризуются определёнными параметрами» (Мумриков Олег, иерей. Концепции современного естествознания. Сергиев Посад, 2014. С.242). Абсолютное «ничто» – это такое ничто, о котором решительно ничего нельзя сказать, и для самого приблизительного представления, о котором даже абсолютный холод (- 273 градуса) или абсолют-

ный мрак (абсолютно чёрное тело) могут служить лишь отвлечённым подобием. С точки зрения метафизики, «ничто» представляет собой антипод бытия, оно диалектически противостоит реальности бытия. В непобеждённой стихии косности и инертности твари истоки «ничто» проявляют себя в феноменологии физических аномалий и биологической смерти, имеющих место в существовании Вселенной. Видимый космос не является в абсолютном и идеальном смысле порядком и красотой, заслуживающих наименования «космоса», поскольку грехом человека в состоянии Вселенной внесены дисгармония и разлад. По замечанию В.Н. Лосского, «порядок, в котором есть место для смерти, остаётся порядком катастрофическим» (Лоссий В.Н. Очерки мистического богословия. Догматическое богословие. М., 1991. С.253).

В своей теологической версии метафизика предусматривает наступление финального метаморфоза созданной Вселенной: физическая природа Вселенной полна неожиданностей, и материя оказывается гораздо более таинственной, чем считалось на протяжении предшествующих веков, что открывает возможность экстраполяции современных научных трактовок на будущее состояние нашего физического мира. Если каждая человеческая личность и всё человечество в своей совокупности представляют в метафизическом аспекте ипостась всего космоса, то под «метаморфозой» следует понимать преодоление человеком своего состояния падения, унаследованного человечеством от Адама, и сообразование его существования «с образом нового человека, Христа» (Бонхёффер Д. Этика. М., 2013. С. 334-335). Событие Преображения Христа признаётся в догматическом учении Церкви метафизическим основанием будущего преображения мира в грядущем событии всеобщего воскресения всех умерших. Участие человека в божественной жизни во Христе необходимо должно вести к распространению этого нового строя преображённой жизни на всё творение в направлении противостояния всеобщему распаду (Колинз Р. Божественное действие и эволюция // Оксфордское руководство по философской теологии. М., 2013. С.379).

Современная научная картина мира, как и классическая немецкая философия, ставит перед философией большой метафизический вопрос: почему существует мир, представляющий собой грандиозную и необъятную Вселенную, и почему в этой Вселенной присутствует человек как носитель разумного и творческого волевого начала, в то время как с точки зрения фундаментальной науки с далеко превосходящей долей вероятности (порядка десяти в 144 степени) могло бы быть только одно «ничто»? Несомненно, этот вопрос таит в себе глубинное вопрошание о бытии, будучи рождён беспредельным метафизическим удивлением, свойственным величайшим гениям человечества от Аристотеля и Платона до Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса. «Даже если мы по-

нимаем в себе всё, что может быть концептуально схвачено, мы всё же могли бы удивляться, изумляться или поражаться своим бытием» (Уэйнрайт У. Дж. Теология и тайна // Оксфордское руководство по философской теологии. М., 2013. С. 159). В современном мире и наука, и философия, и история способны актуализировать этот фундаментальный, бытийный, ценностно-смысловой вопрос, так что принципиально любой мыслящий человек, причастный к сфере интеллектуальной и мировоззренческой культуры, вслед за Николаем Гартманом, не может не считать, что если бывает какое-либо пробуждение метафизического и ценностного сознания, то «именно нашему времени оно необходимо» (Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С.99).

В метафизической картине мира «ничто» преодолевается в акте божественного творения, в исторических событиях, ознаменованных Божественным воплощением и Воскресением. В исторической миссии христианства человечеству задана программа актуального усвоения спасительных плодов победы Христа над смертью и распространения следствий этой победы на всё человечество и на весь мир. Воскресение Христа, Бога и Человека, стало необходимой предпосылкой наступления Царства Божьего. В свете божественного предназначения мировой исторический процесс, осуществляемый под знаком синергии человеческого и божественного начал, имеет своей конечной целью финальный метаморфозис мира, то есть его окончательное преобразование энергиями (действиями) божественной благодати. Эсхатологическое будущее воспринимается как проект, внесённый в жизнь мира христианством две тысячи лет назад. Этот проект подлежит оценке как аргумент, аксиоматическое достоинство которого удостоверяется внутренним свидетельством религиозного и мировоззренческого сознания принципиально каждого человека. Других более оптимистических перспектив в плане конечного преодоления присутствующего в бытии мира и в парадигме человеческой экзистенции энтропийного начала во всей истории человеческой цивилизации никем не предлагалось, и было предложено в единственный момент истории только Тем, Кто после своего Воскресения в минуту манифестации своего абсолютного онтологического первенства имел основания сказать: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18). В своих фундаментальных метафизических построениях христианская философская традиция исходит из истин Откровения, поскольку вне Откровения человеческий разум обречён на неизбежный релятивизм. Весьма симптоматичным является замечание Хайдеггера: «В философии, тем более в метафизике, всё шатко» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.327). Вне веры в Откровение метафизика не способна иметь ни абсолютных гарантий, ни оптимистических перспектив. Николай Гартман, который стал последним немецким философом, создавшим целостную философскую систему, философ - клас-

сик, критическая онтология которого в своей философской парадигме далека от фундаментальной онтологии Хайдеггера, очень верно заметил, что современного человека «уже ничто не возвышает, не трогает, не увлекает до глубины души» (Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С.99). Свою инертность и косность, «свою неспособность к удивлению, изумлению, восторгу, благоговению он превращает в устойчивую, предпочтительную жизненную форму» (Там же. С.99), навеянную мнимой в своём иррациональном пессимизме интуицией текучести, ущербности, необратимости и невосполнимости бытия. «В конечном счёте у него на всё остаётся лишь ироническая или усталая усмешка» (Там же. С.99). В персоналистической философии Жана Лакруа, стремившегося, как и Франц Баадер, и Пауль Тиллих, постичь вечность как «вечное настоящее», человеку дана исключительная привилегия через время «достичь вечности» (Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. М., 2007. С. 424). Тема метафизики времени и вечности нашла отражение в философии С.А. Левицкого, для которого «Боговоплощение есть свободное вхождение вечности во время, что является залогом ответного свободного вхождения времени в вечность – залогом воскресения времени в преображённом, целостном его прообразе» (Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 2008. С.138 -139). Как истина высшего метафизического порядка это свидетельство Откровения предполагает способность к глубокому погружению в созерцание. «Жизнь сегодняшнего человека не способствует углублению. Она лишена покоя и созерцательности» (Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 99). Современному человеку недоступен опыт переживания теофаний и ангелофаний, который был присущ людям патриархальной эпохи. Попытки Леви Брюля в критике Тейлора и Фрезера открыть картину мышления первобытного человека свидетельствуют о том, что «мышление первобытное принадлежит к более высокому типу, чем мышление человека XIX в., ибо выражает мистическую близость познающего к своему предмету» (Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С.88). В реконструкции образа мышления первобытного человека, являющимся мышлением глубинным в его функциональной предметности и более прозрачным в его бытийной укоренённости, необходимо учитывать присутствие эмоционального фактора, инспирированного не атрофированным рациональным сознанием благоговейного чувства, которое А. Швейцер называл благоговением перед жизнью. Это чувство «всесторонне и глубоко пронизывает всякое впечатление, размышление и решение человека» (Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 222). С точки зрения А. Швейцера, рациональное мышление, следуя логической последовательности, приходит к парадоксальной необходимости признания сверхрационального метафизического базиса, отсутствие которого ведёт к образованию «безжизненных, лишённых какой-либо ценности» (Там же. С.89) мировоззренческих установок.

В оценке Жака Деррида, в европейской философии XX в. существенным образом сохраняется «метафизическое единство человека и Бога, отношение человека к Богу, проект становления Богом как проект, задающий человеческую реальность» (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С. 144). При этом, как заявляет Деррида, «атеизм ничего не меняет в этой структуре» (Там же. С. 145). Когда П.Сартр, описывая структуру человеческой реальности, называет свою философию «феноменологической онтологией», он создаёт философскую антропологию, в которой остаётся неразрывным «метафизическое родство с тем, что столь естественно соотносит «нас» в речи философа с «нами – людьми», с «нами» в горизонте человечества» (Там же. С.144). В конце своей книги «Бытие и ничто» Сартр ставит программным вопросом вопрос единства бытия как тотального сущего, он придаёт этому вопросу глубинно значимый титул «метафизический», утверждая принцип метафизического единства бытия (Там же. С. 145). Единство тотальности сущего связывается в человеческой реальности с осознанием человеком самого себя: «человек теряет себя в качестве человека, чтобы родился Бог» (Sartre J. P. L, etre et le neant. Esse d,ontologie phenomenologique. Paris, 1947. P. 707). В интерпретации Сартра «это синтетическое единство определяется как нехватка – нехватка тотальности сущего, нехватка Бога, которую всегда

торопливо превращали в нехватку в Боге» (Ibid. P. 714). Сартр заключает: «Человеческая реальность – это недостающий Бог» (Ibid. P. 714). Как отмечает Ж.Деррида, «пример сартровской попытки замечательным образом подтверждает тезис Хайдеггера, согласно которому «любой гуманизм остаётся метафизическим», поскольку метафизика является другим именем онто-теологии» (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С.145). Философия Сартра, связанная своими корнями с феноменологией Гуссерля и экзистенциальной онтологией Хайдеггера, в которой «человек задет в своём существе молнией бытия» (Хайдеггер М. Что такое метафизика? М., 2007. С 272), создаёт в философской парадигме XX в. типологическую модель той «метафизики», которая воспринимается как путь философской интерпретации человеческого существования. По мысли В.Вунда, никакие отдельные области человеческого знания не способны выполнить ту задачу, которая возложена на метафизику, интегрирующую весь познавательный опыт человечества «в единое мировоззрение» и ярче всех других явлений отражающую «духовный характер времён» (Вунд В. Метафизика // Философия в систематическом изложении. М., 2006. С. 148). Выполняя своё исконно присущее ей предназначение, метафизика по-прежнему сохраняет своё присутствие в философском дискурсе нашей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
2. Бонхёффер Д. Этика. М., 2013.
3. Воробьёва В.С. Тотальность и бесконечное // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007.
4. Вунд В. Метафизика // Философия в систематическом изложении. М., 2006.
5. Гайденок П.П. Время. Длительность. Вечность. М., 2007.
6. Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
7. Громов М.Н. Максим Грек // Русская философия. Энциклопедия. М., 2020.
8. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
9. Коллинз Р. Божественное действие и эволюция // Оксфордское руководство по философской теологии. М., 2013.
10. Левицкий С.А. Трагедия свободы. М., 2008.
11. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия. Догматическое богословие. М., 1991.
12. Можейко М.А. Метафизика // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
13. Мумриков Олег, иерей. Концепции современного естествознания. Сергиев Посад, 2014.
14. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
15. Уэйнрайт У. Дж. Теология и тайна // Оксфордское руководство по философской теологии. М., 2013.
16. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М., 2007.
17. Хаутепен А. Богб открытый вопрос. 2008.
18. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
19. Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.
20. Marcel G. Being and Having. New York: Harper and Row, 1965.
21. Sartre J.P. L, etre et le neant. Esse d,ontology phenomenologique. Paris, 1947.
22. Pannenberg W. Metaphysik und Gottesgedanke. Gottingen, 1988.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsrvy@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИТУАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГИ И ПОИСК ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

vsvry@icloud.com

THE SITUATION OF EXISTENTIAL ANXIETY AND THE SEARCH FOR A TRANSCENDENTAL MEANING OF EXISTENCE

V. Savrey

Summary: The alarm of the global threat that struck the world in the spring of 2020 made humanity shudder, wake up from being immersed in everyday idleness and vanity, and think deeply about the high and innermost human destiny, in which the predecessors of modern generations have faithfully believed throughout historical epochs. It is time to reassess the cultural paradigm of the new time, with its state of intoxicating euphoria caused by the achievements of scientific and technological progress, comfortable conditions of material existence, the loss of a responsible attitude to the meaning of human existence. The article reflects a range of philosophical, religious-ethical and existential problems.

Keywords: God, immortality, eternity, peace, responsibility, path, religion, freedom, transcendence, anxiety, philosophy, Christianity, existence, epoch, man.

Аннотация: Тревога глобальной угрозы, обрушившаяся на мир весной 2020 года, заставило человечество вздрогнуть, очнуться от погружённости в повседневную праздность и суету, глубоко задуматься о высоком и сокровенном человеческом предназначении, в которое свято верили предшественники современных поколений на протяжении исторических эпох. Наступила пора переоценки культурной парадигмы нового времени, с её состоянием упоительной эйфории, вызванной достижениями научно-технического прогресса, комфортными условиями материального существования, потерей ответственного отношения к смыслу человеческого существования. В статье нашёл отражение спектр философских, религиозно-этических и экзистенциальных проблем.

Ключевые слова: Бог, бессмертие, вечность, мир, ответственность, путь, религия, свобода, трансцендентность, тревога, философия, христианство, экзистенция, эпоха, человек.

В своей «Системе трансцендентального идеализма», написанной в марте 1800 года, Ф.В.И. Шеллинг утверждал, что «ни одно государственное устройство в отдельности, будь оно самым совершенным по идее своей, не может рассчитывать на полную безопасность своего существования, если не будет налицо организации, выходящей за рамки отдельного государства, федерации всех государств, которые взаимно гарантировали бы друг другу неприкосновенность своего устройства» (Шеллинг Ф.В.И. Система трансцендентального идеализма. ОГИЗ. СОЦЭКГИЗ. 1936. С. 354). В геополитическом замысле молодого Шеллинга содержалась идея о том, что «на случай распри между народами будет создан один общий ареопаг из народов, куда будут входить представители всех культурных наций; ему-то и будет предоставлено право использования совместного могущества всех стран против того или иного отдельного государственного образования, которое может оказаться мятежным» (Там же. С. 354-355). Проект Шеллинга остался практически нереализованным, поскольку путь к единому миру только лишь в границах одной Европы неоднократно прерывался политическими конфликтами, кровопролитными революциями, локальными и общеевропейскими войнами. После Лиги наций, созданной в 1919 году, по окончании Второй мировой войны

была образована Организация Объединённых Наций, на протяжении всего послевоенного периода исполнявшая миссию «ареопага из народов», предусмотренную проектом Шеллинга. Деятельность ООН, отмечающей в этом году 75-летний юбилей, является одним из конкретных примеров заботы мирового сообщества об исключительно земном благополучии человечества. В то же время в документах ООН, как и в конституциях большинства европейских государств, включая Россию, не содержится универсальных в мировоззренческом плане положений, относящихся к вопросам высокого достоинства человека как носителя образа Божия, бессмертия его души, его ответственного отношения к смыслу жизни в перспективе вечности. Лишение человека привилегии богоподобного достоинства, потеря смысла его высокого предназначения в предвечном божественном предопределении, отсутствие нравственной ответственности за моральное убожество и духовную непреобразённость души, забвение о будущем небесном воздаянии, воскресении и вечной жизни стали характерными чертами цивилизации новейшего времени.

Вплоть до XIX века включительно в связи с мировоззренческой традицией античности, христианства и религиозной европейской философии человек объявлял-

ся «гражданином двух миров» (Кассирер Э. Избранное. Логика наук о культуре. М.-СПб., 2016. С. 24). Покидая мир земной, человек становится гражданином мира небесного. Ни блуждание призрака смерти на горизонтах человеческой судьбы, ни ущербность и хрупкость земного существования не имели для прошлых эпох перед лицом вечности принципиального и тем более какого-то абсолютного значения. «С тоской и томлением, – отмечает Ричард Нибур, – озираемся мы на прошлые эпохи, когда, как нам кажется, уверенность в Едином Боге была всепронизывающей человеческой верой: например, на раннее христианство или церковное общество средних веков, или на раннее протестантство, или пуританскую Новую Англию, или благочестивый XIX век» (Нибур Р. Радикальный монотеизм и западная культура. // Христос и культура. М., 1996. С. 248). Как и Р. Нибур, А.Ф. Лосев, определяя сущность религии, употребил такой концепт, как «принцип мистической всепроникновенности» (Лосев А.Ф. Высший синтез. М., 2005. С. 122) и утверждал, что именно «Православие – онтологическая основа нашей национальности» (Там же. С. 114).

События этого года, вызванные распространением в планетарном масштабе эпидемии нового опасного вируса, парализовавшего традиционный ритм жизни миллионов людей, вызвали во всём мире волну алармистских настроений и создали возможные предпосылки для мировоззренческой ревизии доминирующей в наше время нигилистической установки. Возникает вопрос: «Не ведёт ли дорога, по которой мы стали двигаться, в тупик?» (Кассирер Э. Избранное. Логика наук о культуре. М.-СПб., 2016. С. 30). Не проигрывает ли в аксиоматическом плане материально-технический прогресс традиционному историческому пути европейской цивилизации, инспирированной христианским учением о вечной жизни и Царстве Небесном? Во всяком случае, следует признать как вполне очевидную аксиому, что «перед требованием – следовать за Богом в Царство Божие, ничтожны все другие задачи» (Ясперс К. Великие философы. Книга первая. М., 2018. С. 244).

В свете происходящих в мире событий не остаётся сомнений в том, что 2020 год станет определённой вехой, обозначающей новый поворот в культурной и интеллектуальной истории человечества. Будет ли этот год началом построения после относительно долгого мрака религиозного и нравственного одичания новой культурной и мировоззренческой парадигмы, означающей «пробуждение к грядущему дню, накануне которого мы стоим» (Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С. 168)? Станет ли более одухотворённым современный мир, решительно расстающийся с прошлой эпохой, от которой остаётся лишь «ностальгически воскрешаемая реальность во всех её формах» (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015. С. 45)? Произойдёт ли подлинное возрождение идеалов добра, честности, справедли-

вости, умеренности, скромности, благородства?

«Там, где разум даёт пространство, исчезают иллюзии, проходят упоение и дикость» (Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014. С. 311). Вероятно, вполне возможна, согласно К.Ясперсу, новая парадигмальная ситуация, несущая печать искренней приверженности новых поколений и новых обществ символам и традициям веры, когда «принципиально всё может стать святым» (Там же. С. 249). Сам Ясперс не исключает надежды, что философия в своём восприятии экзистенциальной действительности сумеет обрести трансценденцию из истоков своей свободы «именно, как специфически святое – в мире» (Там же. С. 249). Новое обретение трансценденции, являющейся смысловым ключом к объяснению переходящей эмпирической действительности, воспринимается как миссия, которую К. Ясперс возлагает на философию в условиях современной ситуации. Призыванием философии становится задача преодоления мировоззренческой растерянности на пороге новой глобальной реальности, когда радикально меняется на наших глазах не только традиционная картина мира, меняются горизонты запрограммированной реальности, меняются в социальном пространстве географические параметры Земли (Гишинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб., 2017. С. 27), ощущается «абсолютный дефицит времени, то есть смерть» (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015. С. 264). Наступает некий виртуальный Апокалипсис, который имеет место здесь и теперь. Над человечеством нависла угроза глобального эсхатологического финализма, угроза сени смертной, как результат всеобщего глобального кризиса, который Ж.Бодрийяр назвал «кризисом реализованной утопии» (Грицанов О.А. «Америка» // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 6) с её неограниченной либерализацией, трансформировавшейся в гиперреальность, где «безраздельно царствует новая непристойность» (Галкин Д.В. Грицанов А.А. Бодрийяр // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 61).

Если греческое мирозерцание было окружено «возвышенной непостижимостью мойр» (Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014. С. 5), под покровительством которых находились рождение и смерть человека, то это означает лишь принципиальную безошибочность религиозной интуиции древних эллинов в их восприимчивости к небесному миру. Как констатирует Г. Марсель, человек современной западной культуры решительно утратил «контакт с той фундаментальной истиной» (Marcel G. Etre et avoir. Paris, 1935. P. 281), которая в прежние эпохи открывала ему присутствие Бога в его индивидуальном образе жизни. «Смерть – это последний и окончательный удел человека. Поэтому о мойре смерти говорят чаще, чем о любой другой» (Geschichte der griechischen Religion. Vol. 1. Munich, 1955. P. 339).

В своей книге «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр писал: «Вся наша культура – это сплошное усилие отъединить жизнь от смерти... жизнь как накопление, смерть как расплата» (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015. С. 264). По Бодрийяру, «Страшный суд уже происходит, уже совершается у нас на глазах – это зрелище нашей собственной кристаллизованной смерти» (Галкин Д.В. Грицанов А.А. Бодрийяр. // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 62). События драматической реальности воспринимаются как сигнал, который нас «убеждает в существовании высших смыслов, очищенных от фактов обыденного бытия людей» (Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 415). Жизнь и смерть как важнейшие экзистенциалы сущего открываются человеку всякий раз в парадигме новой экзистенциальной ситуации в качестве феноменальных событий его бытия. Онтологической привилегией человека является, согласно М. Хайдеггеру, его способность «отозваться на бытие» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 255), то есть отозваться на зов бытия, и «через эту отзывчивость принадлежать бытию» (Там же. С. 255). Тем не менее, величие человека Хайдеггер облачает в коннотации исключительно пессимистического характера, навеянные угрозой тревоги, которую П. Тиллих определяет как «экзистенциальное осознание небытия» (Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 30). Хайдеггер говорит о тоске как неизбежном спутнике экзистенции: «Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом» (Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 20). Хайдеггер ничего не говорит о метафизических основаниях сущего, для него развитие метафизики связано с всемирно-исторической судьбой европейской цивилизации, теряющей, как он полагал, свой подлинный смысл по мере прогрессирующего «забывания бытия». В оценке А. Хаутепена, выросшего на новом богословском прочтении Хайдеггера, смысл диалога интерпретаций состоит в том, «что Бог не умаляет человеческого достоинства и что истинная религия не знает противоречий с идеалами истинного гуманизма» (Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008. С. 366). Хаутепен убеждён, что «в критическом диалоге о религиозных представлениях» (Там же. С. 371), несмотря на постмодернистское свидетельство о смерти гуманизма и субъекта, историческая онтология существования в философии Хайдеггера всё же оставляет возможность философского вопроса о Боге и что «в конечном итоге воссияет правда о Боге» (Там же. С. 371). В этом плане Хайдеггер может рассматриваться «как фигура религиозного пантеона, как «посланник самого бытия», провозвестник и подготовитель величайшего события, в котором завершится старая история европейского мира и начнётся новая, никогда доселе не бывшая» (Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Философия дру-

гого начала. М., 2010. С. 11-12). На фоне совершающихся в современном мире событий Хайдеггер воспринимается не только как навеки вошедший в историю мировой философии завершитель философии эпохи модерна. «Хайдеггер открывается как фигура эсхатологическая, как финальный толкователь и изъяснитель самых глубоких и загадочных тем мировой философии и создатель радикально нового мышления» (Там же. С. 11).

В отличие от Хайдеггера, в интуиции Ж. Бодрийяра акцент смещается в сторону потери современным человеком трансцендентного смысла существования. «Моим предметом, – признавался Бодрийяр, – является скорее общество, теряющее трансцендентность» (Галкин Д.В. Грицанов А.А. Бодрийяр. // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 63). Но, как заметил А. Тойнби, «сколь бы ни расширялась пропасть между традиционной религиозной ортодоксией и текущим непосредственным опытом, она, в конце концов, преодолевается некоторой формой религиозного возрождения» (Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1996. С. 503). Ситуация может измениться в любой момент человеческой истории в направлении вектора, соотносимого с абсолютным и изначальным замыслом, положенным в основание архетипического построения бытия. Так, в наш современный мир, глубоко и беспредельно погружённый в стихию исключительно имманентных интересов, вдруг совершенно неожиданно и противостоительно вошёл фактор, отмеченный маркером своей исключительной трансцендентной значимости, поставивший под сомнение глубинный фундаментальный вопрос об абсолютном смысле человеческой экзистенции. В своей радикальной философской постановке вопрос может быть сформулирован в формате рациональной апории: если в смерти нет никакого смысла, то есть ли смысл в самой жизни, неизбежно завершающейся неотвратимостью смерти? Положительное решение вопроса необходимо предполагает признание за человеческой личностью индивидуального бессмертия в вечности. Ключевая роль религии в земном существовании человека состоит в том, что она «придаёт значение всему преходящему» (Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 253). В Божественном Откровении человеку даётся видение того, что находится за пределами имманентного опыта. Это видение не требует ничего, кроме поклонения и любви (Там же. С.254). Но «поклонение Богу не есть забота о безопасности, оно есть смелое предприятие духа, полёт к недостижимому» (Там же. С. 254). В новое время, утратив религиозный энтузиазм, «массы не приняли, полагает Бодрийяр, саму Идею Божественного» (Грицанов А.А. «В тени молчаливых большинства, или конец социального» // Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 69) и связанные с ней концепты трансцендентной реальности: веру, молитву, благочестие, аскезу, терпение, нравственность, благородство. Подавляющее большинство

живущих в мире людей ориентировано на потребление и комфорт, чтобы на подсознательном уровне исключить мысль о неизбежности смерти в надежде на то, что жизнь, в конце концов, потеряет для них свою прежнюю ценность и привлекательность, чего в действительности как правило не происходит, и человеку в состоянии аффекта ужаса перед разверзающейся зияющей бездной смерти свойственно до самого последнего вздоха судорожно цепляться за жизнь. «Ужасом приоткрывается Ничто» (Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 21), говорит о последнем мгновении бытия Хайдеггер. В ужасе «само Ничто выходит из своей потаённости» (Там же. С. 23), «в ужасе происходит отшатывание» (Там же. С. 22) от Ничто, когда «земля уходит из-под ног» (Там же. С. 21), и человеку «не на что опереться» (Там же. С. 21), потому что ускользает, уходит «сущее в целом» (Там же. С. 21). Человек, как заметил П. Тиллих, обычно «не сознаёт, что небытие и тревога присутствуют в глубине его личности» (Тиллих П. *Избранное. Теология культуры*. М., 1995. С. 52). Даже мужество «не устраняет тревогу: тревога экзистенциальна, и её невозможно устранить» (Там же. С. 49-50). Экзистенциальная тревога не устраняется и верой в прогресс, берущей своё начало от Аристотеля. Однако «у Аристотеля движение от потенциальности к актуальности вертикально, т.е. идёт от низших к высшим формам бытия» (Там же. С. 76), тогда как «прогрессивизм Нового времени рассматривает это движение как горизонтальное, протекающее во времени и направленное в будущее» (Там же. С. 76). Идея земного прогресса принуждает человека жить верой в счастье будущих поколений. Но «как говорил Ортега-и-Гассет, не можем же мы отложить жизнь на потом, пока учёные не объявят, что для жизни всё готово» (Уотсон П. *Эпоха пустоты*. М., 2017. С. 707). Веру в прогресс П. Тиллих расценивает в качестве главной формы человеческого самоутверждения перед лицом экзистенциальной тревоги в парадигме «западной цивилизации Нового времени» (Тиллих П. *Избранное. Теология культуры*. М., 1995. С. 76), в условиях которой люди, стремящиеся скрыться по причине своих личных грехов от Бога, охвачены угрозой тревоги. Тревога «выходит из-под контроля и становится разрушительной» (Там же. С. 66).

Уникальность современной ситуации определяется тем обстоятельством, что ещё никогда во всей своей прошлой истории человечество не переживало такой тревоги, которая в короткое время смогла охватить население земного шара и вызвать со стороны правительств государств Европы, Азии и Америки ответные меры, которые остановили привычный ритм жизни в таких сферах человеческой деятельности как экономика, образование, культура, международное общение. Начиная с весны этого года, человечество осознало таящуюся принципиальную нестабильность и хрупкость своего существования в мире, казалось бы, радикально преобразованном творческой человеческой деятельностью, но ставшего

вдруг в своей природной стихии источником смертельной угрозы для каждого жителя земли. Осознание нависшей опасности коренным образом трансформировало привычную традиционную картину мира. Жизнь как бы замерла и притаилась перед лицом реальной угрозы небытия, вызванной распространением эпидемии нового вируса, последствия которой стали главной темой в источниках информации для миллионов людей. «Ни полиция, ни армия, никакие институты власти с её потенциалом насилия ничего не могут сделать против ничтожно малой, но зато символической гибели одного или нескольких людей» Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М., 2015. С. 100). Принимая вызов, система может умереть и развалиться, поскольку «вызов обладает смертоносной эффективностью» (Там же. С. 100). Эту непреложную аксиому наше общество открывает для себя вновь. «Пути альтернативной политики – это пути символической эффективности» (Там же. С. 100).

Тревога, охватившая мир, становится разрушительной. Она носит глобальный характер в силу глобального образа жизни как общего для всех людей способа повседневного существования. В современном глобальном мире каждый индивидум превратился в сознательного бонвивана, смыслом жизни которого является неограниченное и беспрестанное потребление товаров и услуг. Его судьба, безопасность и благополучие покоятся на обладании личной собственностью. Большинство людей в современном мире «обладают одной и той же мотивацией, и, больше того, они восприимчивы к одним и тем же идеям и идеалам» (Фромм Э. *Душа человека*. М., 1992. С. 330). Глобальное потребление формирует глобальный тропос существования, *modus vitae*. «Формирующийся глобальный образ жизни вдохновляется едиными для всей планеты моделями поведения, культурой и идеологией, героями и эталонами» (Добренёв В.И. Рахманов А.Б. *Социология глобализации*. М., 2014. С. 251).

В отличие от Европы с её кризисом исторических идеалов, Америка с её кризисом реализованной утопии свободы и изобилия является в оценке Ж. Бодрийяра «страной без надежды», где «мысль о физическом или нервном истощении не даёт покоя, и смысл смерти для всех заключается в её постоянном предупреждении» (Грицанов О.А. *«Америка» // Постмодернизм. Новейший философский словарь*. Минск, 2007. С. 7). В современном мире глобальный образ жизни заслоняет и вытесняет национальную и культурную самобытность, присущую различным цивилизациям и этносам. В наше время «в разных странах, на континентах планеты люди потребляют одну и ту же пищу, носят одну и ту же одежду, слушают одну и ту же музыку, смотрят одни и те же фильмы и телепередачи, получают информацию из рук одних и тех же средств массовой информации, восторгаются одними и теми же кинозвездами и спортсменами» (Добренёв В.И. Рахманов А.Б. *Социология глобализации*. М., 2014.

С. 251). Экзистенциальная потребность, проявляющаяся в стремлении людей быть как все, обусловлена, несомненно, факторами социокультурного характера, однако на глубинном подсознательном уровне эта потребность продиктована метафизической тревогой, вызванной страхом смерти, и эта тревога инстинктивно влечёт индивидуум к поиску гарантий безопасности и спасения там, где большинство, где все. В своих общих чертах глобализация открывается как культура потребления, стандарты которой преподносятся в информационных сетях и в рекламе современного стиля жизни. При этом национальное своеобразие региональных культур, их оригинальность, уникальность и ценность могут преподноситься как пережитки прошлого, как отсталость и дикость. Благодаря процессам экономической интеграции, происходит неуклонное возрастание влияния западноевропейской массовой культуры на традиционные мировые культуры. «Влияние Западной Европы и США на них не всегда носит характер диалога. В ряде случаев данное влияние приводит к вырождению самобытности культур и даже к духовной и моральной деградации их носителей» (Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. СПб., 2009. С. 563-564). В результате аналитического подхода к изучению феномена глобализации можно было бы вполне объективно признать наличие двух видов человеческих фобий, лежащих в его психологическом основании: экзистенциальный страх отчуждённости, покинутости и оставленности и метафизическая тревога, вызванная неотвратимой угрозой страха смерти. Как показывает история нравственной философии от Аристотеля до П. Тиллиха, оба вида фобий требуют для их преодоления со стороны человека проявления добродетелей веры и мужества.

Согласно Аристотелю, мотивом мужественного противостояния реальной неизбежности смерти является благородство. Мужественный человек действует «ради благородной цели, ибо цель добродетели – благородное» (Аристотель. Никомахова этика. III. 7). В своей принадлежности к идеальному порядку бытия благородство «неизбежно присуще немногим» (Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 382). Благородными личностями являются «легендарные герои человечества, те, кто вызывает восхищение, любовь и поклонение, истинные чада Божии, чьи имена не прейдут в зонах» (Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998. С. 463). Благородство означает верность Божественному предназначению. Кто благороден, «кто имеет предназначение, кто слышит голос глубин, тот обречён» (Там же. С. 464). В отношении благородного человека Аристотель употребляет тот же термин «kalos», который Иоанн Богослов употребляет в Евангелии, где Христос называет Себя «rimen kalos» – «превосходным», «доблестным», пастырем, доблесть которого заключается в свободном и победоносном шествии навстречу смерти, в полагании своей жизни за жизнь мира, поскольку «на смерть можно ответить только другой,

равной или большей смертью» (Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015. С. 98).

Во Христе открывается эра мирового христианства. Пепельная грусть умирающего эллинизма сменяется радостью апостольского благовестия Царства Божьего (Троицкий В. Очерки по истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912). Керигма возвещается в Римской империи среди господства «холодного своекорыстного насилия»

(Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 376), в атмосфере, отравленной «испорченностью черни» (Там же. С. 376). Новому христианскому этносу дан ключ к решению всех экзистенциальных проблем: «Ищите же прежде Царства Божьего и правды его, и это всё приложится вам» (Мф. 6, 33). «Антипод римской мании величия, которая была свойственна не только Цезарю, но каждому римлянину – «civis Romanus sum», возник в христианстве, которое, заметим между прочим, было единственной религией, действительно подвергавшейся преследованиям со стороны римлян. Противоречие обнаруживало себя везде, где бы не сталкивались друг с другом культ цезарей и христианство» (Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998. С. 469). Христос – Мессия, свою мессианскую роль Он исполнил через свою смерть (Ричард Хейз. Этика Нового Завета. М., 2005. С. 227). В ней Христос открыл своё Божественное достоинство, «приняв на себя не земную славу, а позор и земное страдание» (Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. М., - СПб., 2000. С. 485). В своём Воплощении и в своей свободной и искупительной смерти Он стал солидарен со всеми живущими и умершими, стал таким, каким является каждый из нас, чтобы Божественная жизнь, сосредоточенная в Нём как в одном человеке, могла затем от Него передаться всем (Там же. С. 484). Своей победой над смертью, победой, которая в своём универсализме действительно была триумфальной, Христос открыл человечеству врата Небесного Царства. «Там, где весь еврейский народ ожидал в качестве Мессии столь же имперского, сколь и политически всесильного героя, Христос выполнил мессианское предназначение не столько для своей нации, сколько для романского мира, и указал человечеству на древнюю истину: там, где господствует любовь, сила не имеет значения» (Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998. С. 470). Он стал победителем смерти во всех событиях своей жизни, в Гефсимании и на Голгофе, и «именно таким победителем пришёл Он снова, открылся своим ученикам в пасхальном событии» (Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014. С. 236).

Богословие Церкви «превращает «смерть» и «жизнь» в символы качества и способа существования в настоящем» (Ричард Хейз. Этика Нового Завета. М., 2005. С. 195). В богословской концепции апостола Павла событие смерти и Воскресения Христа, будучи ноу-

менальным основанием Нового Завета, связывается с онтологическим призванием человека, каким является исполнение им Божественного предназначения под знаком надежды воскресения и будущей вечной жизни. Парадигма земного существования человека имеет своим метафизическим основанием предвечный замысел Бога. «Завет между Богом и человеком есть первый и последний смысл истории» (Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014. С. 313), которая, несмотря на свой преходящий характер, обязана своим потаённым смыслом находящейся за пределами времени вечности. Но уже здесь и теперь вечность сообщает глубинные смысловые коэффициенты, придающие безусловное оправдание необъятности и величию вселенского природного бытия, ознаменованного преобразовательной деятельностью человека в культурно-историческом цивилизационном процессе.

Акмеической фазой в культурной истории человечества является христианская культура Европы, которую Т.С. Элиот называет величайшей из всех, когда-либо существовавших. Религия, пока она жива, отмечал Элиот, образует «рамку» культуры, оберегает человеческие массы от скуки и отчаяния, придаёт смысл жизни (Eliot T. S. Notes Towards the Definition of Culture. London. Faber and Faber, 1948. P. 19), ибо, как сказал Макс Вебер, без религии жизнь утратила бы «своё очарование» (Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017. С. 708). В современном мире, где господствует тревога судьбы и смерти, тревога вины и осуждения, тревога отсутствия смысла, «жало страха – тревога, а тревога стремится стать страхом» (Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 31). В ситуации экзистенциального осознания небытия «страх смерти вносит элемент тревоги в любой другой вид страха» (Там же. С. 30). Тревога поворачивается лицом к тому, чьей собственностью является подаренный Богом бесценный дар бытия в его открытости для жизни и смерти. В событиях Воплощения и Воскресения Бог стал самым глубоким метафизическим основанием человеческого существования. Через событие крещения человек преодолевает свою заброшенность и отчуждённость, но уменально облачается во Христа, и в этом событии его бытие становится собственным бытием. «Что за этим следует? На это Хайдеггер отвечает: «Появится Последний Бог» (Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Метаполитика. Эсхатология бытия. М., 2016. С.121). Целью своей философии Хайдеггер ставил создание фундаментальной онтологии, в которой задуманная им модель политического устройства и космического таксиса заключает в себе проект, рождающийся из глубин самого бытия. «Последний Бог явится на горизонте аутентичного экзистирования. Человек может создать политическую систему, человек способен организовать космос, но человек сам никогда не сможет заменить собой и своими конструктами Теополис, Божественный Град. «Ноэтическая политейя не дело рук человека», даёт понять Хайдеггер»

Там же. С. 121). Уделом человека, как говорит П. Рикёр, является его открытость «ко всем ценностям всех людей и всех культур» (Рикёр П. Философская антропология. М., 2017. С. 23). В своём антропологическом измерении эсхатологический проект Хайдеггера напоминает «Философию общего дела» Н. Ф. Фёдорова, испытавшего влияние идей В.С. Соловьёва в его воззрениях на историю как на богочеловеческий процесс. В своём стремлении преодолеть секулярный дух философии Нового времени Соловьёв считал своей целью «ввести вечное содержание христианства» (Соловьёв В.С. Письма. СПб., 1911. Т. 2. С. 89) в порядок современной ему действительности. В оценке В.С. Соловьёва учение Н.Ф. Фёдорова является «первым движением человеческого духа вперёд по пути Христову» (Семёнова С.Г. Фёдоров. // Русская философия. Энциклопедия. М., 2020. С.747). В философии Н.Ф. Фёдорова Бог действует в мире через человека и через него Он исполнит эсхатологические обетования. Финал истории, как и у Хайдеггера, у Фёдорова зависит от самих людей, от их обращения «на Божьи пути» (Там же. С. 748). В перспективе эсхатологического ожидания Бога Хайдеггер ставит акцент на том, что «Он ждёт нас» (Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Метаполитика. Эсхатология бытия. М., 2016. С.121). Под хайдеггеровский проект экзистенциальной политики А.Г. Дугин подводит евангельское обоснование: «Царствие Божие внутрь вас есть», оно не есть вне вас, оно внутри» (Там же. С. 122). Интерпретируя Хайдеггера, А.Г.Дугин поясняет: «Он ждёт, когда мы проснёмся и построим ту политическую систему, осуществим тот космический план, тот проект, тот набросок, которые будут совместимы с возможностью его прихода» (Там же. С. 121). В интерпретации эсхатологической проблемы как самим Хайдеггером, так и А.Г. Дугиным, открываются концептуальные параллели, которые мы находим не только у В.С. Соловьёва и Н.Ф. Фёдорова, но, например, также и у современного афонского архимандрита Эмилиана (Вафидиса): «Нас ждёт Отец, Бог, Который хочет укрыться в нашем сердце» (Эмилиан, архимандрит. Толкование на подвижнические слова аввы Исаии». Екатеринбург, 2017. С.547). И только лишь по причине нашей человеческой инертности, косности, праздности, неверности, «не желая исполнять Его волю, мы навечно Его теряем – таков наш удел» (Там же. С. 549). «Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне» (Ин. 15,4). Исходя из своего личного опыта афонский подвижник говорит примерно то же самое, что и Арнольд Тойнби: «Грешник будет уничтожен не вмешательством Бога, а своим собственным деянием. И грех его не в том, что он вступил в соперничество с Творцом, а в том, что он тщательно изолировал себя от него. Роль Бога в этой человеческой трагедии не активна, а пассивна. Погибель грешника не в божественной ревности, а в неспособности Бога продолжить использовать в качестве творения существо, упорствующее в самоотчуждении от Творца своего (Еф. 4,18). Грешная душа движется к горькой рас-

плате, ибо, пребывая в грехе, она закрыта для божественной благодати» (Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1996. С.253). В следовании за Богом, в актуальном исполнении Евангелия, человек осуществляет синтез свободы и жертвы, который «вечно нов, ибо он – в духе вечной правды христианства» (Левицкий С.А. Свобода и ответственность. М., 2003. С. 375).

На протяжении всего Нового времени тенденция оптимизации жизни выполняла роль доминантной установки в природно-космическом самоопределении человека. Она была инспирирована идеей прогресса, создающего необходимые внешние предпосылки для обеспечения свободы, комфорта и потребительства. Когда преодолена нужда, когда достигнут комфорт, когда душа погружается в состояние шопенгауэрской скуки, возникает бодрияровский вопрос, что делать дальше и

чего ждать под надвигающейся тревожной и мрачной сенью, в которой витает призрак неотвратимой смерти. Наступает глубинный онтологический кризис, состояние полной психологической резиньяции, с её бесчувственной атрофией по отношению ко всему спектру экзистенциальных проблем. Перед лицом открывающейся меональной реальности ставится под сомнение весь грандиозный гуманистический проект, исключаящий малейший луч надежды на вечную жизнь. Единственной альтернативой бытийной безысходности в глобальном цивилизационном масштабе может стать лишь новое одухотворённое отношение к миру как необходимой предпосылки грядущего Царства Божьего, наступление которого предполагает реализацию глубинного религиозного, интеллектуального и нравственного ресурса каждой отдельной человеческой личностью и всего человечества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Никомахова этика (Перевод Э.Л.Радлова) // Радлов Э.Л. Этика Аристотеля. СПб., 1908.
2. Барт К. Церковная догматика. Том 3. М., 2014.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015.
4. Галкин Д.В. Грицанов А.А. Бодрийяр. //Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007.
5. Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
7. Грицанов А.А. «В тени молчаливых большинств, или конец социального» //Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007.
8. Грицанов О.А. «Америка». // Постмодернизм. Новейший энциклопедический словарь. Минск, 2007.
9. Гилинский Я. Девиантность в обществе постмодерна. СПб., 2017.
10. Деррида Ж. Поля философии. М., 2012.
11. Добренёв В.И. Рахманов А.Б. Социология глобализма. М., 2014.
12. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. СПб., 2009.
13. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Метаполитика. Эсхатология бытия. М., 2016.
14. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. М., 2010.
15. Кассирер Э. Избранное. Логика наук о культуре. М., 2016.
16. Левицкий С.А. Свобода и ответственность. М., 2003.
17. Лосев А.Ф. Высший синтез. М., 2005.
18. Нибур Р. Радикальный монотеизм и западная культура. // Христос и культура. М., 1996.
19. Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
20. Семёнова С.Г. Фёдоров. //Русская философия. Энциклопедия. М., 2020.
21. Соловьёв В.С. Письма. Т. 2. СПб., 1911.
22. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
23. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1996.
24. Троицкий В. Очерки по истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912.
25. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
26. Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
27. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
28. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
29. Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008.
30. Хейз Р. Этика Нового Завета. М., 2005.
31. Шеллинг Г.В.И. Система трансцендентального идеализма. ОГИЗ. СОЦЭКГИЗ. 1936.
32. Эмилиан (Вафидис), архимандрит. Толкование на подвижнические слова аввы Исаии. Екатеринбург, 2017.
33. Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998.
34. Ясперс К. Разум и экзистенция. М., 2014.

35. Ясперс К. Великие философы. Книга первая. М., 2018.
36. Eliot T. S. Notes Towards the Definition of Culture. London. Faber and Faber, 1948.
37. Marcel G. Etre et avoir. Paris, 1935.
38. Geschichte der griechischen Religion. Vol. I. Munich, 1955.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Свидерский Александр Александрович

старший преподаватель, Брянский государственный аграрный университет
filos.as@yandex.ru

INCONSISTENCY OF THE VALUE-NORMATIVE REGULATION OF INTERACTION TECHNOGENIC SOCIETY AND NATURE

A. Svidersky

Summary: The object of the study is the genesis of the value-normative system. The study involves the analysis of the correlation of value and normative mechanisms of regulation of material-transformative activity as a central element of interaction between society and nature. The contradictions of the object under consideration due to the specifics of socio-technogenic development are revealed.

Keywords: axiology, social norm, technogenic society, value-normative system, value.

Аннотация: Объектом исследования выступает генезис ценностно-нормативной системы. Исследование предполагает анализ соотношения ценностных и нормативных механизмов регуляции материально-преобразовательной деятельности как центрального элемента взаимодействия общества и природы. Выявлены противоречия рассматриваемого объекта, обусловленные спецификой социально-техногенного развития.

Ключевые слова: аксиология, социальная норма, техногенное общество, ценностно-нормативная система, ценность.

Проблемным полем социокультурной регуляции деятельности всегда является приоритетное соотношение ценностных и нормативных механизмов регуляции. Известно, что, будучи тесно взаимосвязанными, включенными в единый регулятивный комплекс культуры, ценности и нормы регулируют деятельность человека по-разному. В отличие от ценности в нормах в наибольшей степени проявлен внешне-ограничительный аспект регуляции. Так возникает известное противоречие между ценностно-целевым направлением человеческой воли и рамками, препятствиями для её реализации, которые устанавливает социальная норма.

Если интегральной характеристикой развития человечества, следуя гегелевской традиции, мы определяем постоянное возрастание индивидуальной свободы. То, общей тенденцией эволюции ценностно-нормативной системы взаимодействия общества и природы является усиление в ней ценностного компонента. Но, если эту проблему анализировать в контексте развития индустриально-техногенного и постиндустриально-техногенного общества, то можно обнаружить, что в структуре деятельности трансформируется роль её компонентов. Целеполагающий субъект поступательно утрачивает позицию детерминанты человеческой активности, а основанием деятельности совершенно не обязательно является осознанное основание – мотив. Процессуальность активности задается не практическим мышлением субъекта деятельности, а внешними

для его воли алгоритмами действий-операций, следование которым также не может быть предметом выбора. Участвуя в социо-техническом взаимодействии индивид фактически подменяет социальные нормы техническими [1, с. 133], которые, в свою очередь, воспринимается им как квазисоциальные, как возможная и эффективная замена социальных норм. Но, техническая норма практически лишена аксиологической основы, здесь техническая целесообразность нивелирует любой ценностно-смысловой контекст.

Коллизия соотношения ценностного и нормативного регулирования деятельности раскрывается в осмыслении развивающихся форм отчуждения, которые нарушают межсубъективные ценностные отношения и препятствуют творческому воспроизводству ценностей в культуре. Одной из форм ценностного отчуждения характерных для техногенного общества можно считать разрыв естественных, жизненных связей человека и природы, которая выступает не только средой, необходимым условием человеческой жизнедеятельности, объектом-носителем ценностных свойств, но и полноценным субъектом ценности, как источник земной жизни, как естественная основа человека и условие бытия его духа. Здесь уместно вспомнить знаменитое высказывание Кондрата Лоуренса о том, что разрушая природу мы уничтожаем культуру, ценности [2, с. 51].

Формирование межсубъективных ценностных свя-

зей не представляет собой функцию социума, а возникает в процессе достаточно тонкого индивидуального встраивания в субъекта. Прежде всего, индивид должен обнаружить во внешней и внутренней природе субъективное начало, а для этого обязательно почувствовать в ней некую сообразность себе, одухотворить и деобъективировать. Здесь важно понимать, что ценностные взаимоотношения с природой не являются биологически запрограммированными, это есть естественно-культурное отношение, отражающее естественную укорененность человека в природе, раскрытую культурой.

В парадигме развития техногенного общества, экспансия технических средств и технологий экранирует природное, которое в этой ситуации выступает лишь объектом социо-технического воздействия. Николай Бердяев отмечает: «Об объектах образуют понятия, но к объектам не может быть приобщения» [3, с. 248]. Объективирование природы, исключает эмоциональное переживание, чувствование, которое, собственно, и порождает ценностно-смысловой контекст существования. Так сегодня мы видим множество ценностных деклараций, которые не имеют никакого отношения к реальному способу деятельности людей.

Объективирование природы в техногенном обществе опирается на техническую рациональность в которой природа выступает материалом для преобразования, усовершенствования, исправления. Причем, в силу общих тенденций развития техногенного общества, техническая рациональность успешно опирается на антропоцентрическое мировоззрение и абстрактный гуманизм, в том числе современный трансгуманизм. Антропоцентрическая ценностная иерархия постулирует аксиологическую, гносеологическую и этическую доминанту индивида в универсуме, для которого, собственно, и существует природа и без него невозможна. Человек здесь, как телесное существо считает себя высшим продуктом природы, и в этом смысле ее целью.

Нивелирование аксиологического смысла природного, естественного в окружающем мире и в самом человеке, когда естество предстает как антиценность («вместилище зла») или ценностный смысл нейтрализован («пустота») означает отчуждение человека от природы и формирование антикультуры, развитие которой сопровождается значительными внутренними системными кризисами и возникновением острых противоречий в системе «общество-природа» (прежде всего экологических проблем).

Рассматривая перспективы нормативного регулирования преобразующей деятельности в условиях нарастающего аксиологического вакуума и кризиса субъекта, присущих современному техногенному обществу, необходимо проанализировать историческое развитие

нормативных систем регулирующих природопользование. Известно, что в первобытном обществе материально-преобразовательная деятельность человека была жестко регламентирована суггестивно внедряемыми нормами, а в ряде своих аспектов табуирована. Но, общий характер эволюции нормативной системы, регулирующей взаимодействие традиционного общества и природы, проявляется в постоянном сокращении сферы действия правил, ограничивающих преобразовательную активность. Не смотря на то, что уже в Древнем мире происходит осознание необходимости правовой регуляции природопользования и в древнейших правовых памятниках мы встречаем нормы посвященные охране природы, мы не имеем дела с собственно экологическими нормами, так как вышеназванные нормы были обусловлены социально-экономическими интересами привилегированных слоев.

В техногенном обществе, за два прошедших столетия можно наблюдать поступательное расширение поля правового регулирования различных аспектов взаимодействия техногенного общества и природы. Это объясняется значительным усложнением социальных систем и трансформацией их в направлении социо-технической системы.

Экологизация современного права была вызвана не только соответствующими изменениями в состоянии окружающей среды, обусловившими возникновение глобального экологического кризиса, но и общими тенденциями развития культуры. Как показывают наши исследования [4,5], экологизация норм права только начавшийся процесс, отражающий общую тенденцию экологизации современной культуры. Сущность же экологизации норм права заключается в приведении их в соответствие с экологическими ценностями, то есть включение правовых норм в единый ценностно-нормативный механизм регуляции материально-преобразовательной деятельности.

Достаточно болезненный процесс утверждения в различных странах экологического права, призванного регулировать комплекс общественных отношений в сфере взаимодействия общества и природы в национальном или международном масштабе, вызывает мощную критику его оснований, содержания, направленности. Причем в большинстве случаев подчеркивается настоятельная необходимость усиления запретительного характера нормативного предписания, жесткости применения нормы, создания мощного института формализованного контроля за исполнением норм экологического права.

Идеализация аскетизма и созерцательности присущих традиционному обществу наталкивает исследователей на поиск ответов в сфере традиционных религии-

озных систем. Их неоспоримым достоинством является то обстоятельство, что они обращены к человеку, как к универсальному проблемному полю, а соответственно поиск природы экологических неурядиц современности во внутренних константах человеческого бытия. Но при этом они заведомо ограничивают его самостоятельность, способность активно реагировать на возникшие проблемы.

Указание на несовершенство человеческой природы, которое проявляется в его воздействии на среду, становится распространенным и в нетеологических концепциях, представители которых также склонны обвинять и обличать человечество, отстаивая тезис о презумпции виновности человека перед природой. Отрицание позитивных сторон человеческой природы логически приводит нас к идее невозможности каким-либо образом повлиять на экологическую проблему, а значит, ведет к экофинализму.

Заметное усиление зависимости современного технологического общества от природы, в условиях нарастания глобального социо-природного кризиса, вопреки декларируемой автономности, порождает естественные мысленные аналогии с первобытным обществом, в котором колоссальная зависимость от природы табуировало взаимоотношение своих членов с природным окружением. В.А. Зубаков полагает, что «каждый гражданин Дома Земля должен в день своего совершеннолетия пройти инициацию и принять на себя строжайшие Табу, запрещающие ему предпринимать любые действия, могущие нанести вред Биосфере и другим людям» [6, с. 150] Действительно, в условиях нарастания экологического кризиса биосфера становится настолько хрупкой, что действия даже одного человека, использующего тех-

нические средства, могут нанести непоправимый вред биологическим системам. Идеино понятный пафос экологов находит отражение в запретительном характере современного нормотворчества. Но сегодня эти барьеры уже не являются непреодолимыми.

Здесь необходимо учитывать, что все виды социальных норм, нормативной регуляции функционируют как правило, не обособленно, а в системном взаимодействии, в комплексе. Таким образом, признание исключительной роли правовых норм и санкций в регулировании кризисных процессов во взаимодействии общества и природы, вне связи с единым комплексом социокультурной регуляции, делает нормы экологического права неэффективными, сугубо внешними, чуждыми для субъектов права.

Правовая практика показывает, что право опирающееся на принудительные санкции государства не является эффективным средством налаживания экологической деятельности и экологического производства. Подчеркивание ведущей роли государственного принуждения или даже физического насилия в решении проблем, как на национальном, так и на международном уровне не соответствует не только общим тенденциям развития культуры, но и тем целям, которым должны служить экологическое право и экологическая политика, не способствуют выживанию человечества. «Мир не станет лучше, если пытаться изменить его с помощью насилия, - утверждал А. Печчеи, - это могут сделать только исключительные насильные методы и подходы» [7, с. 224]. Как известно, насилие порождает насилие и углубляет отчуждение, под какими лозунгами оно бы не преподносилось. Страх, вызванный насилием, ещё больше отчуждает и препятствует формированию ценностных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шустов А.Ф. Гуманистическая ориентация развития технической деятельности // Труды инженерно-технологического факультета Брянского государственного аграрного университета № 1, 2021 С. 129-147.
2. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии. – 1992. - №3. – С. 51.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. 479 с.
4. Свидерский А.А. Социокультурная обусловленность отчуждения общества от природы // Вестник Брянской государственной аграрной академии. 2015. №1. С 9-13.
5. Свидерский А.А. // Вестник Брянской государственной аграрной академии. 2015. №4. С 14-18.
6. Зубаков В.А. Куда идем: к экокатастрофе или экореволуции // Философия и общество.- 2001.- №4.- С. 127-155
7. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. 312 с.

© Свидерский Александр Александрович (filos.as@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГУМАНИЗМ И ГУМАННАЯ ЛИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

HUMANISM AND HUMANE PERSONALITY IN SOCIO-PHILOSOPHICAL DISCOURSE

V. Skopa

Summary: The article provides a scientific interpretation of the concept of humanism and humane personality in the socio-philosophical discourse. The humanistic interpretation in philosophy does not have a specific disciplinary affiliation, and the split along the line of «humanism-antihumanism» passes through various philosophical trends and views. In many ways, the process of forming a humane personality is associated with the process of education, which is based on the ideas of humane pedagogy, has its own characteristics that are sharply different from traditional approaches. A humane person is characterized by the perception of another person as the highest value. The formation of a humane personality in harmony with his inner world and the environment is possible only under conditions of versatile influences, which are provided primarily in the process of humanistic education and moral development.

Keywords: humanism, personality, philosophy, worldview, education.

Аннотация: В статье дается научная интерпретация понятию гуманизм и гуманная личность в социально-философском дискурсе. Гуманистическая трактовка в философии не имеет определенной дисциплинарной принадлежности, а раскол по линии «гуманизм-антигуманизм» проходит через различные философские течения и воззрения. Во многом процесс формирования гуманной личности сопряжен с процессом образования, который основанный на идеях гуманной педагогики, имеет свои особенности, резко отличающиеся от традиционных подходов. Гуманная личность характеризуется восприятием другого человека как высшей ценности. Формирование гуманной личности, находящейся в гармонии со своим внутренним миром и окружающей средой, возможно только в условиях разносторонних влияний, которые обеспечиваются прежде всего в процессе гуманистического воспитания и нравственного развития.

Ключевые слова: гуманизм, личность, философия, мировоззрение, образование.

Масштабность современных цивилизационных проблем, требующих своего адекватного разрешения, нацеливает на преодоление разобщенности различных сфер общественной жизни, уровней социальных структур, включая материальную и духовную культуру, умственный и физический труд, идеологию и науку [4].

Человек XXI столетия прибывает в состоянии постоянных перемен, которые обрели общецивилизационный размах. Рост требований к интеллектуальному уровню заставил человека сосредоточить основное внимание на своей информированности, образованности, социальной и профессиональной компетентности, что во многом задается деформирующимися социальными институтами [9]. При этом ряд традиционных ценностей стал восприниматься в качестве неактуальных, второстепенных. В их число, поддавшись ускоряющемуся ритму обновления, многие стали относить духовно-нравственные составляющие своей жизни – то, что является стержнем личности.

Гуманистический дискурс в философии не имеет определенной дисциплинарной принадлежности, а раскол по линии «гуманизм-антигуманизм» проходит через различные философские течения. Это затрудняет ка-

тегориальное обоснование гуманизма, так как не ясно, средствами какой дисциплинарной матрицы или философского направления он может быть адекватно выражен [11, 20].

Во многом процесс формирования гуманной личности сопряжен с процессом образования. Данный процесс, основанный на идеях гуманной педагогики, имеет свои особенности, которые резко отличают его от традиционной. Они связаны с психологией ребенка, с его духовно-нравственным становлением, с содержанием образования, дидактической направленностью, оценкой деятельности [2]. Особенность и специфика гуманного образовательного процесса проявляется, прежде всего, в том, что учебные дисциплины называются учебными курсами [15]. Исходя из этого, внимание концентрируется на том, что содержание образования должно включать не только процесс обучения, но еще и формирование духовно-нравственного и познавательного мира учащихся.

Особенности гуманного образовательного процесса порождают такое качество, на основе которого происходит становление личности ученика, расширение его духовного и морального мира. Все качества, развивающиеся в учениках, реализуются через духовный и нрав-

ственный характер преподавателя [17].

Воспитание личности – проблема, которая привлекала внимание мыслителей, ученых, общественных деятелей на разных этапах исторического развития общества. Так, в эпоху античности – человек рассматривался Аристотелем как высшее благо не в чувственных удовольствиях и материальных благах, а в духовном удовлетворении. В Средневековье – человек в христианской парадигме трактовался двойственно: с одной стороны, он изначально нес на себе печать греха в телесности, с другой – в нем присутствовала божественная частица – душа. Новое время перевернуло сознание. Эгоцентризм мироощущения делал каждого индивида центром своих интересов и критериев оценок, человек становился объектом познания во всем своем проявлении [7, 12, 14, 18].

В условиях постмодерна данная проблема не потеряла своей актуальности, а наоборот приобрела еще большее значение. Современниками выдвигается вопрос формирования у молодого поколения таких качеств, как порядочность, честность, доброта, патриотизм, достоинство, а также ориентация его на поступки, которые соответствуют высокому уровню духовно-нравственного развития [16]. Как следствие, перед системой образования и воспитания встает важная задача – формирование гуманной личности с высоким уровнем морального, этического и культурного развития, которая способна к самосовершенствованию, эффективному взаимодействию с другими людьми и обществом в целом.

Проблема формирования гуманной личности приобрела довольно обстоятельное освещение в научных источниках. Раскрытию понятия гуманизм, гуманная личность и особенностям ее развития посвящены работы педагогов, философов, психологов. Так, к определению составляющих гуманистической личности и установлению способов ее формирования обращаются И. Бех, А. Власенко, К. Орлов [6, 16]. Так же данный аспект нашел отражение в трудах Ш. Амонашвили, Е. Бондаревской, А. Лямовой [2, 9, 13]. В тоже время несмотря на довольно основательное освещение сущности гуманной личности и гуманизма, вне поля зрения исследователей остались вопросы, связанные с целостной характеристикой этих феноменов в философском дискурсе, основанной на анализе различных взглядов: педагогов, философов, психологов.

Формирование личности – сложный и многогранный процесс, который происходит под влиянием внешних и внутренних факторов. Так, основываясь на деятельностный подход, многие ученые рассматривают это в узком и широком смысле. В узком смысле – это формирование профессионального мастерства в процессе различных видов деятельности человека. В первую очередь это относится к процессу обучения и воспитания как целост-

ным категориям. В широком смысле – формирование гармонично развитой, духовно богатой, довольной жизнью личности, способной достигать высоких творческих результатов в выбранной деятельности [8, 10, 13]. Фактически – это реализация сформированного специалиста. В этом определении внимание фокусируется на временном измерении формирования личности в тесной взаимосвязи с различными факторами и видами деятельности.

Категория личность не имеет однозначной трактовки. Каждый исследователь привносит в раскрытие ее сущности те или иные признаки, элементы. Так, с философской точки зрения личность интерпретируется как «способность человека быть автономным носителем общечеловеческого опыта и исторически выработанных человечеством форм поведения и деятельности» [3, 11, 20]. В психологическом смысле, «личность» – это системное качество индивида, который вовлечен в социальные связи и формируется в процессе социальной деятельности и общения» [5, 16, 19]. По мнению Т. Лихачева, многообразие взглядов на определение этой категории свидетельствует о том, то личность олицетворяет целостную сложнейшую систему, составляющими которой есть определенные подсистемы, или «сложные целостные системы систем» [12]. Американский психолог Г. Олпорт считает, что понятие личность следует рассматривать как динамическую организацию тех психофизических систем внутри индивида, которые определяют характерные для него поведение и мышление [1].

Обобщая приведенные взгляды, можно констатировать, что личность – это комплекс характеристик человека, который позволяет выделить ее среди других людей, делает ее целостной, уникальной и неповторимой. Относительно понятия «гуманная личность», оно также не имеет однозначного понимания. Например, представители западной философско-педагогической мысли К. Роджерс, А. Маслоу, Э. Фромм, Ж.-П. Сартр, В. Франкл соотносят гуманную личность с такими качествами и свойствами, как ответственность, способность к самоактуализации и этического выбора, готовность отвечать за свои действия [11, 14]. В более общем смысле гуманная личность – это такая личность, которая:

- признает человека высшей ценностью, характеризуется уникальностью, неповторимостью, своеобразием, автономностью, правом на собственный путь, направляясь которым она раскрывает свои смыслы, как потенциальную возможность жизни;
- развивает свои потенциальные творческие возможности, ориентирована на самоизменение и саморазвитие;
- способна к свободному выбору, что составляет основу ее развития в направлении положительных личностных изменений;
- способна осуществлять конструктивные личност-

ные изменения для гуманизации межличностных отношений, выстраивать их на основе положительного восприятия другого человека, его активного эмпатического слушания, конгруэнтного самовыражения в общении с ним;

- стремится к гуманизации и гармонизации отношений со своим внутренним аутентичным «Я» [16].

Со способностью к сопереживанию, готовности к свободному гуманистически ориентированному выбору и индивидуальному интеллектуальному усилию, уважением самого себя и других, независимостью во взглядах и открытостью к новым и неожиданным мыслям связывает гуманную личность В. Краевский. Итак, гуманная личность – это личность, которая постоянно развивается, готова к изменениям, во взаимодействии с окружающими, руководствуется исключительно гуманистическими ценностями; ей присуща высшая и ценность других, а также умение делать нравственный выбор и нести за него ответственность.

В работе И. Бега указано, что: «гуманность – это над-характеристика личности, которая аккумулирует комплекс качеств, характеризующих ценностное отношение человека к человеку, уважение его прав и свобод» [6]. Согласно определению Г. Балла, гуманность – это свойство сознания, чувственной сферы и поведения человека, которая предусматривает хорошее отношение к окружающим, сопереживание другим, содействие их благу при отсутствии причин для другого поведения, а гуманизм акцент на возможности «прогрессивного развития индивидов и сообществ, расширение пространства их свободы» [5].

В педагогической литературе получила признание мысль о том, что гуманность состоит из компонентов, которые воплощают ее содержание. К ним относятся: уважение, справедливость, сострадание, чувственность, самокритичность, мужество, доверие, а также те, которые обеспечивают оптимальную форму ее воплощения: вежливость, терпимость, требовательность, уступчивость и скромность [4].

Гуманность невозможна без чуткого отношения к человеку, без совести, ведь голос совести – это внутренняя потребность действовать таким образом, чтобы приносить пользу людям. Отсюда гуманистическое отношение предполагает проявление заботы, внимания, доброжелательности, уважения, терпимости к другим, независимо от их национальной принадлежности [7]. Итак, гуманная личность характеризуется гуманным отношением к окружающим, восприятием другого человека как высшей ценности, которая имеет право на свободу, удовлетворения своих потребностей на всех уровнях, на физическое и духовное развитие и тому подобное.

Формирование гуманной личности, находящейся в гармонии со своим внутренним миром и окружающей средой, возможно только в условиях разносторонних влияний, которые обеспечиваются прежде всего в процессе гуманистического воспитания и нравственного развития, в первую очередь – ребенка. Поскольку, воспитательный процесс, основанный на принципах гуманизма, направленный на развитие тех качеств, которые являются определяющими для каждой личности, он должен обеспечивать формирование у индивида способности отстаивать собственную жизненную позицию, взгляды и убеждения в различных жизненных коллизиях и проблемных ситуациях. Такие ситуации способствуют обогащению личностного опыта за счет систематического оценивания своих положительных и отрицательных проявлений поведения по отношению к окружающим. Положительные проявления предусматривают установление и развитие взаимоотношений с окружающими на основе гуманистических ценностей, гуманного отношения, которые воплощаются в соответствующих моделях поведения. В научных источниках представлены различные подходы к формированию гуманного отношения: социально-психологический (М. Вейт, И. Иванов), деятельностный (Б. Лихачев, К. Орлов) и целостный (А. Авраменко, А. Востриков, С. Козлова).

С точки зрения социально-психологического подхода, формирование гуманного отношения происходит в условиях коллектива, где в процессе межличностного общения личность познает особенности гуманных отношений и соответствующие им схемы поведения, приобретает практические умения для воплощения собственных гуманистических качеств и ценностей. В основу положено личностное «Я» [16].

В основе деятельностного подхода к формированию гуманного отношения заложена организация коллективной деятельности, в процессе которой создаются условия для оказания помощи другим. В результате активизируется процесс формирования и развития гуманистических чувств к окружающим: доброжелательность, уважение, эмпатия, сочувствие. Привлечение к деятельности способствует формированию у индивида потребности в заботе о других людях, осознанию человека как высшей ценности, активизации мотивации к такому виду деятельности сказывается на поведении индивида в целом [4].

Системный подход предполагает формирование гуманного отношения на основе привлечения к межличностным отношениям, основанных на морали, в которых воплощаются нормы гуманизма. По мнению А. Авраменко, гуманные отношения – это отношения, возникающие в процессе нравственной деятельности, которые базируются на моральных нормах и принципах.

В свою очередь А. Лямова, считает, что в основу гуманных отношений и его формированию следует отнести следующие компоненты:

- рациональный – гуманистическое мировоззрение, знания, убеждения;
- эмоциональный – ценностные ориентации, мотивы, чувства, эмоции;
- деятельностный – навыки нравственного поведения [13].

На наш взгляд, при организации воспитания, направленного на развитие гуманного отношения и поведения в том числе, необходимо учитывать все названные подходы и принципы их реализации.

Анализируя особенности формирования гуманной личности, нельзя обойти вниманием факторы, которые детерминируют ход этого процесса. К таким факторам можно отнести окружающую среду и внутренний мир человека, который постоянно меняется под влиянием накопленного опыта и формировании внутренних ценностей. Последние занимают центральное место, поскольку, как справедливо отмечает А. Серый, ценность является составной частью сознания личности, при этом такой частью, без которой нет и самой личности [19]. Несмотря на это, можно констатировать, что без гуманистических ценностей невозможно существование и гуманной личности. Критериями таких ценностей выступают, теоретические представления о таких нравственных качествах, как доброжелательность, уважение к человеческому достоинству, милосердие, доброта, человечность, толерантность,

порядочность, умение прощать, не делать зла, а также практические действия, поступки, мотивы, стимулы и намерения людей, реализуемых с опорой на указанные качества.

Будучи присвоенными, ценности превращаются в ценностные ориентации – элементы структуры сознания личности, характеризующие ее направленность. Именно направленность определяет цели, жизненные планы, степень жизненной активности, объединяет интересы, потребности, духовные и практические наставления, вызывает стиль поведения.

Таким образом на основе анализа научной литературы, можно сделать вывод, что постгуманизация современного образования может внести значительный вклад в философское постижение образовательной практики, а это, в свою очередь, может способствовать значительному расширению мировоззренческих границ философско-образовательного дискурса.

Знания о человеке сочетают свойства науки и мировоззрения и ориентируют подрастающее поколение на развивающее обучение и поиски личностных смыслов, что согласуется с принципом соответствия содержания образования базовой культуре личности и отвечает требованиям гуманистической педагогики. Исходя из этого, гуманная личность характеризуется сложившимся сознанием, мышлением, знаниями и представлениями о гуманизме и особенностями его проявления, а также наличием гуманистического потенциала, устойчивой мотивацией к гуманистической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Allport G.W. Pattern and Growth in Personality. New York, 1961. – 194 p. с. 158–169.
2. Амонашвили Ш.А. Гуманно-личностный подход к детям. М., 1998. – 544 с.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. – 288 с.
4. Андреев Э.М., Миронов А.В. Социально-гуманитарное знание и образование: новые реалии, иные измерения, информационная безопасность. М., 2001. – 142 с.
5. Балл Г.А. Ориентиры современного гуманизма (в общественной, образовательной, психологической сферах). Житомир, 2008. - 232 с.
6. Бех И.Д. Концепция воспитания гуманистических ценностей учащихся. К факультативному курсу «Основы гуманистической морали» // Школьный мир. 2005. № 45. С. 4-11.
7. Блюмкин В.А. Нравственное воспитание: философско-этические основы. Воронеж, 1990. – 195 с.
8. Божович Л.И. Избранные психологические труды. М., 1995. – 479 с.
9. Бондаревская Е.В. Воспитание как возрождение гражданина, человека культуры и нравственности. Ростов н/Д, 1993. – 34 с.
10. Долженко О. Университет в условиях межцивилизационного зазора // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2007. № 2. – С. 20-26.
11. Лекторский В.А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. 1994. № 6. – С. 22-28.
12. Лихачев Т.Б. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей. Самара, 1997. – 84 с.
13. Лямова А.А. Проблема воспитания гуманного отношения к человеку у студентов медицинского вуза // Pedagogical sciences fundamental research: сб. науч. трудов. 2011. № 8. – С. 36-40.
14. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: учеб. пособие. М., 1997. – 448 с.
15. Момджян К.Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. 1. – С. 609-611.
16. Орлов К.А. Особенности формирования гуманности на отдельных этапах развития личности // Совершенствования учебно-воспитательного процесса в образовательном учреждении: сб. науч. трудов. М., 2007. – С. 162-165.

17. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. – 312 с.
18. Пигров К.С. Социальная философия: учебник. СПб., 2005. – 296 с.
19. Серый А.В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов. Кемерово, 2002. – 186 с.
20. Тюгашев Е.А. Феномен философии: рефлексия дискурса. Новосибирск, 2008. – 413 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный педагогический университет

К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА: ВТОРАЯ ДИСКУССИЯ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF SOCIAL PHILOSOPHY OF THE XX CENTURY: THE SECOND DISCUSSION ABOUT THE ASIAN MODE OF PRODUCTION

**L. Smetankina
A. Ogarkov**

Summary: This article discusses the issues of the «Asian» mode of production, as a specific for a number of countries (not necessarily the East or Southeast Asia) economic structure (and not a formation), which retains its importance for a long time. For example, the traditions of a large family, with the unconditional authority of the head of the family, the strength of kinship ties, historical forms of economy (irrigated agriculture) are signs characteristic of the way of life of a number of countries that have freed themselves from colonial dependence.

Thus, the theory of socio-economic formations is able to successfully solve methodological difficulties in the process of explicating the content of the categories of the universal and the particular in historical analysis, provided that the formation typology remains open for deepening and expansion and is applied in a specific research situation.

Keywords: social philosophy, Asian mode of production, discussion, countries of the East, social contradictions.

Сметанкина Людмила Васильевна

д.ф.н., ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина
Краснознаменная академия связи имени Маршала
Советского Союза С.М. Буденного» Министерства
обороны Российской Федерации
lsmetankina.umo@mail.ru

Огарков Александр Николаевич

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская
государственная художественно-промышленная
академия имени А.Л. Штиглица»
suer53@inbox.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы об «азиатском» способе производства, как специфическом для ряда стран (необязательно Востока или Юго-Восточной Азии) экономическом укладе (а не формации), сохраняющем свое значение в течение длительного времени. Например, традиции большой семьи, с безусловным авторитетом главы семьи, крепость кровно-родственных связей, исторические формы хозяйства (поливное земледелие) – признаки, характерные для уклада жизни ряда стран, освободившихся от колониальной зависимости.

Таким образом, теория общественно-экономических формаций способна с успехом разрешать методологические трудности в процессе экспликации содержания категорий всеобщего и особенного в историческом анализе при условии, что формационная типология остается открытой для углубления и расширения и применяется в конкретной ситуации исследования.

Ключевые слова: социальная философия, азиатский способ производства, дискуссия, страны Востока, общественные противоречия.

Особенностью первой дискуссии об «азиатском способе производства» (1928-1934 гг.) стало признание существования особой азиатской формации (кроме всего прочего) – означало отказаться от точки зрения, согласно которой ряд стран Востока, и прежде всего Китай, вступили в период ускоренного развития феодализма, сопровождаемого обострением всех общественных противоречий и чреватого революционной ситуацией. Но дискуссия, вначале ограниченная предметом (речь шла о «причислении» Китая к феодальной формации и о правомерности использования в практике социологического исследования понятия «азиатский способ производства»), выявила множество «побочных» теоретических проблем: соотношение «всеобщего» и «особенного» в истории; критерий исторического прогресса; специфика внутриформационного анализа; создание формационных моделей рабовладения и феодализма; границы «эмпирического» и «теоретического» уровней исторического исследования.[14]

После драматической тридцатилетней паузы дискуссия об азиатском способе производства возобновилась с новой силой в 1964-1968 годах.

Особенность второй дискуссии – «втягивание в нее большого количества профессиональных историков, что способствовало уточнению теоретических позиций, значительно более широкая научная аудитория (в дискуссию включились Институт философии АН СССР, Институт истории АН СССР, Институт народов Азии и Африки АН СССР, журналы: «Вестник Древней истории», «Советская этнография», «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Народы Азии и Африки», не считая отдельных выступлений и монографий).

Сразу выявилось отсутствие единства точек зрения представителей исторической и философской науки по вопросу о познавательных возможностях теории общественно-экономических формаций, как и отсутствие единого подхода представителей философской науки к

методологическим проблемам связи формационного и внутри-формационного анализа истории, степени жесткости единой формационной линии, по вопросу определения формационного отношения или ведущего уклада формации. Формально же речь шла как в первом, так и во втором обсуждении о наличии или отсутствии в конкретных странах Средней Азии, Ближнего Востока, Африки (во втором диспуте) признаков «азиатского способа производства», и о причинах, побудивших К. Маркса поставить «азиатскую формацию» в общеформационный ряд. В частности, в первой дискуссии очень много внимания уделялось попыткам доказать случайность или временность употребления термина «азиатский способ производства» Марксом. Аргументы противников «азиатского способа производства» (и в первой, и во второй дискуссии) могут быть сведены к следующим тезисам:

1. недостаточность исторических сведений о развитии общины в Германии не позволили Марксу в свое время (до 1854 года) выявить признаки подобия азиатской и германской общины. После ознакомления с исследованием Г. Маурера о германской марке появились все основания для этого, и Маркс отказался и от термина «азиатский способ производства», и от концепции особой, азиатской формации (например, В.Н. Никифоров).
2. Маркс под «азиатским способом производства» имел в виду особенности рабовладения на Востоке, а отнюдь не особые производственные отношения (М. Кокин).
3. «Азиатский способ производства» не покрывается созданной к тому времени Марксом типологией ни по одному из ряда признаков (А. Поляков, И. Лурье).
4. Маркс ни до, ни после «Предисловия к критике политической экономии» не употреблял понятия «азиатского способа производства».
5. Перевод работы Маркса неточен, в оригинале «азиатские способы производства», т.е. азиатские особенности (А. Поляков). Но здесь следует различать формальную и содержательную часть аргументации. Разнообразие аргументов имело, как правило, одну исходную проблему: категориальное содержание понятия «общественно-экономическая формация» и что в исторической реальности ему соответствует. Историки при этом, как правило, не смущались, обнаруживая ситуацию «выхода» за пределы известного круга исторических фактов и делая неожиданные теоретические выводы. Например, в ходе обсуждения проблемы «азиатского способа производства» в 1931 году И. Плотников подчеркивал, что все противники азиатской формации – не историки, а социологи, и что именно Маркс, а не Плеханов, изобрел «географический» фактор, указывая в своих работах, что одна из причин, приведших к формированию капиталистических отношений – открытие Аме-

рики (резкое оживление торговли, сбыта товаров, появление мирового рынка). Согласно И. Плотникову, в Европе наблюдалось две «вспышки», стимулирующие развитие капитализма – в Италии в XI-XII вв. из-за ее монополии на торговлю с Востоком, и в Англии, Испании, Франции после открытия морского пути через Африку. Противники концепции «азиатского способа производства», как правило, называют «эталонную» сумму признаков «азиатского способа производства»: 1) отсутствие частной собственности на землю; 2) общинная форма землевладения; 3) наличие ренты-налога, отчуждаемого общинниками непосредственно в фонд государства; 4) наличие деспотической власти; 5) отсутствие классов – и сравнивают эту сумму признаков с «эталонной» системой дефиниций; общее определение способа производства, производительных сил, признаки класса и т.д., не учитывая взаимозависимости социологической модели и исторического знания.

По свидетельству ряда исследователей, Маркс и Энгельс вообще избегали дефиниций, которые, ограничивая число признаков, упрощают и в ряде случаев искажают социологическую схему. Поэтому в текстах Маркса и Энгельса дефиниции практически отсутствуют, за исключением общефилософских. Представляется, что противники «азиатского способа производства» и в ходе первой, и в ходе второй дискуссии, приводя в качестве аргумента в пользу жесткой последовательности линейной схемы исторического процесса точность и незыблемость социологической конструкции, имели в виду под марксистским историческим методом то, что принято именовать «концепцией охватывающего закона» Поппера-Гемпеля. Как известно, объяснение на основе охватывающего закона – это дедукция из описания начальных условий и закона, выявляющего причинно-следственную связь между этими условиями. В выявлении причинно-следственной связи между историческими событиями, согласно этой концепции, и состоит задача историка, а историческое объяснение, как и научное, содержит набор высказываний, фиксирующих появление определенных событий в определенных пространственно-временных условиях и некоторый набор универсальных гипотез, с условием, что и набор высказываний, и набор универсальных гипотез должны быть подтверждены эмпирическими данными; законы же общественных наук – частный случай естественнонаучных законов: «Общие законы имеют довольно аналогичные функции в истории и в естественных науках, они являются обязательным инструментом исторического исследования, они даже составляют общий базис различных процедур, которые обычно рассматриваются как характерные для социальных наук в противовес наукам естественным» [18, с. 231].

В научном объяснении противники «азиатского спо-

соба производства» как раз и подразумевают дедукцию из набора исторических фактов, связанных социологической закономерностью. Между тем выяснилось (Гемпель это признавал), что структура исторического объяснения гораздо сложнее, чем элементарная дедукция. Объяснение «по Гемпелю», как правило, ничего, кроме трюизмов, не дает, поскольку историческое объяснение всегда содержит обобщение, только оно не эксплицируется. И дело, конечно, не просто в соблюдении условий дедуцирования, а в правильном выборе операционального отношения между социологической моделью, социально-философскими предпосылками исторического исследования и набором привлекаемых для доказательства фактов, причем для каждого конкретного случая. Поэтому применение общих законов в историографии сопряжено с очень большими трудностями: «Одно дело – голая «фиктивность», прикрытая либо хронологической последовательностью или грубым социологическим схематизмом, механически привязанными эмпирии, либо двумя этими приемами вместе взятыми. И другое дело – подлинно научное историческое описание, которое имеет сложную аналитико-синтетическую структуру...» [8, с.96].

Объяснение в рамках формационного анализа не есть дедукция из диалектического закона развития; оно содержит как модель развития, так и средства для реализации всеобщего закона исторически; кроме того, поскольку речь идет о гуманитарном знании, то исследование является реализацией классовой позиции автора, но при этом классовая оценка не должна упрощать схему анализа. Формационный анализ, таким образом, – и социально-философское исследование, и историческая работа, и классовая позиция.

Наблюдается еще одна трудность в процессе «соединения» всемирно-исторической схемы чередования формаций с моделями локального исторического развития: история ни одной страны не повторяет всемирной истории, ни одна формационная модель «не совпадает» с исторической реализацией формационного отношения. Отсюда воспроизводимые в ходе исторического анализа противоречия, когда ищется эмпирическая база формационного отношения. Формация является и типом социального организма, и ступенью развития, но моменты статики и динамики разводятся лишь в логике. Историческое же исследование имеет дело со «ставшими» структурами. Поэтому системный аспект исторического анализа, разрабатываемый в пределах теории общественно-экономических формаций, мог бы существенно облегчить задачи историка. Так, М.А. Барг в одной из своих ранних статей [2] предлагал рассматривать общество (объект исторического исследования) как субстрат функциональных, генетических и трансформационных связей. Такая модель представляет собой как бы наглядную историю собственного становления, и может

рассматриваться как статичная (если абстрагироваться от временной координаты), или динамичная. В масштабах всей формации функциональная структура модели общества задается основными связями, а в своих подсистемах выступает модифицированной, то есть каждая структура (функциональная, генетическая и трансформационная) регулируется как законами формации, так и автономными. Генетическая структура общества и структура его развития с точки зрения будущего являются лишь противоположно направленными временными проекциями одной и той же функциональной структуры.

Что же касается проблемы соотношения социологического и исторического моделирования, то трудность здесь заключается в том, что вычленение связей есть поиски общего, а общее уже предполагает отбор особенного по определенным критериям. Круг замыкается. Социологический ряд оказывается оторванным от исторического, но только в том случае, когда формационная типология «закрывается» для обществ нестандартной структуры. Одним из предлагаемых в литературе вариантов решения проблемы является конструирование не обобщающего типа общества, которому приписываются все признаки всех членов группы подобия, а усредняющего, сосредоточивающего черты большинства [7].

В таком случае моделирующая сила типа не совпадает с суммой обществ стандартной и нестандартной реализации типа. Поскольку не разработаны подобно модели капиталистической общественно-экономической формации модели предшествующих формаций, анализ нестандартных типов, отклоняющихся от общей типологии, оказался крайне затруднен. В частности, крайне трудной оказалась проблема определения места и значения «азиатской» формации в схеме мировой истории. Взгляды Маркса на связь формационных моделей и на строение первичной формации менялись в зависимости от степени освоения исторического материала, что отмечается, например, в монографии А.И. Ципко [10]: углубление марксистской теории общественного развития шло по трем направлениям – анализ взаимовлияния базисных и надстроечных явлений, выяснение существа и содержания исторической преемственности между различными формациями в рамках определенной линии исторической эволюции, постановка вопроса о существовании и дополнении различных механизмов воспроизводства общественной жизни. Здесь же отмечается, что состояние всей общественной системы как целостности зависит не только от экономической основы системы, то есть от отношения людей, связанных с распределением средств производства и присвоения его результатов. Существуют и другие отношения: если в первый период становления марксистской концепции Маркс и Энгельс отождествляли форму общества с формой производства, то исследование германской марки показало, что на ранних этапах исторического развития

формы человеческой коллективности были не следствием, а предпосылкой различных форм производства сотрудничества [12, с. 462-463]. Значит, естественные «формы общности» могут тормозить прогресс материального производства.

Одним из многих позитивных следствий дискуссии об «азиатском способе производства» как раз и было обострение исследовательского интереса к анализу внутриформационных закономерностей. Если вначале подобный анализ ограничивался пределами общесистемного анализа, то впоследствии стал обогащаться выводами из анализа конкретного механизма переходного периода, и понятия «уклад» [5].

М.А. Барг [1] предлагал начинать анализ с выявления господствующего формационного отношения с последующим вычленением фаз становления этого отношения как системы, причем рассматривать эволюцию не одного элемента, а всей их совокупности. Смена подсистем функционирующей системы происходит не одновременно, как и смена фаз развития элементов подсистем, что определяется состоянием внешней для системы среды. Задачей историка является изучение именно трансформации системы, и здесь понятие общественно-экономической формации дает философское основание для анализа функционирующей структуры, ведь при переходе от одной фазы системы в другую видоизменяется иерархия всех элементов функционирующей системы, вся система связей, появляются новые, исчезают старые: «...Смена субординации сфер задает новые закономерности. Осмысление общества как сочленения элементов, связей и зависимостей внутри и между множеств самостоятельных систем – ...таково логическое содержание понятия структуры исторического исследования» [1, с. 92].

Позже [3] системный анализ связей формационной и исторической типологий усложняется введением в употребление понятий «регион», «этнос», «уклад», «системные и несистемные элементы формации». Историк определяет тормозящие и ускоряющие развитие господствующего способа производства факторы, ограничивает социологические и исторические аспекты понятия «формация» (социологический аспект – тип формации, исторический – разновидность каждого типа). Предлагается рассмотреть вариант всемирного развития, как ряда синхронных фаз в развитии группы стран. Особое внимание уделяется теперь выявлению несистемных элементов, порожденных самой формацией и определяющих новое формационное отношение (например, описание развития капиталистического уклада в рамках феодальной формации). Формационное отношение предлагается рассматривать прежде всего как региональное (пространственная определенность формационной разновидности), и еще конкретнее: как проявление формационного отношения в истории раз-

личных стран региона.

Другое направление социально-философских исследований, развитие которого свидетельствовало о тяготении философского, социологического и исторического анализа к синтезу, представляли А.Я. Гуревич [5] и А.В. Гулыга [4].

Отмечается тот факт, что докапиталистические формации унифицированы способом производства гораздо меньше, чем капиталистическая, что они гетерогенны. Формационное отношение предполагает, например, поляризацию двух основных классов – производящего эксплуатируемого и эксплуатирующего. Но в реальной истории помимо «чистых» классов существует множество «прослоек» между ними. Например, в рабовладельческих обществах древней Греции и Рима это мелкие производители, скотоводы, ремесленники, люмпен-пролетарии. Чистых формаций также не бывает. Так, в средневековом феодальном обществе сохраняются остатки рабовладения, родоплеменной уклад варваров, община в ее модифицированном виде. Классического феодализма, под которым понимается синтез позднеимперских порядков и социальных отношений варваров, тоже в истории не было, поскольку аллодиальная форма землевладения нигде до конца не была вытеснена феодалом. «Носителем» нового формационного отношения стал средневековый город. Поэтому социологическая формационная схема в историческом исследовании должна применяться крайне осторожно, а любое социальное явление должно быть изучено как элемент относительно замкнутой культурно-этнической общности, выполняющей определенные функции по ее воспроизводству.

Кроме того, модификация способа производства определяется многими факторами духовной жизни: религией, историческими традициями, языком. В границах указанного направления внутриформационного анализа был сформулирован чрезвычайно важный вывод: механизм движения докапиталистических обществ не может быть сведен к одним экономическим категориям: «Одной лишь социально-экономической характеристики древнего или средневекового общества оказывается недостаточно для проникновения в их тайны. Требуется построение полной типологии общественных связей, принимавших экономическую, политическую, идеологическую и иные формы» [5, с. 129].

Другой вывод: строить общественную модель должна историческая наука, но только на стадии высокого развития социологического анализа. Можно констатировать, что факт расхождения линий социологического и исторического исследования был осознан как итог дискуссии об «азиатском способе производства», а направления совершенствования и сближения этих линий определены в ходе дискуссий.

Поэтому есть смысл проследить за логикой и аргументами некоторых участников дискуссий. В докладе В.И. Никифорова, в частности, отмечалось, что нет смысла множить число формаций, когда не разработана теория переходных периодов. Например, классическое рабство является лишь историческим и логическим пределом противоречий общины. Было предложено именовать рабовладельческий строй «общинно-рабовладельческим». Представляется ценной мысль, что расширение или сужение формационного ряда само по себе не способно дать приращение качества социально-философского анализа докапиталистических формаций. Нужно историческое исследование признаков «азиатского способа производства», направление которому указал Маркс. В интересном сообщении Седова отмечалось, что свидетельством низкого уровня социологического анализа являются попытки растворить в формационной схеме любой фальсифицирующий формационные признаки факт, что диахронный формационный анализ совершенно уничтожил синхронный, исторический: «Так, внутри античной формации можно выделить общество, основанное на эксплуатации крестьян против городской общины, общество, основанное на личном труде свободных землевладельцев, основанное на рабском труде и латифундиях, и общество, где осуществлен переход к феодальным формам эксплуатации. Все это – разные структуры в синхронном плане, одна формация – в диахронном» [13, с. 52].

Это яркий пример сознательного противопоставления исторического знания, под которым в данном случае имеется в виду синхронно-функциональный анализ, и социологического моделирования (в данном

случае – формационной линии прогресса). Но развитие марксистского социально-философского знания продемонстрировало как раз обратное: оно в своей развитой форме представляет собой сложную аналитико-синтетическую структуру. Идеализированные объекты теории структурируют историческое объяснение, а последнее всегда содержит социологическую модель как гипотезу, открытую для проверки.

Обсуждение показало, что и сторонники, и противники «азиатского способа производства» принимали формационную типологию в той ее гипертрофированной форме, в которой она существовала с 1934 года. Ни Маркс, ни Энгельс никогда и нигде не отстаивали ее незыблемости. Даже в знаменитом «Предисловии к критике политической экономии» сказано: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [9, с. 7]. Важно то, что эта схема с изменением уровня и качества исторических знаний дополняется, но не меняется радикально. Исторические факты этой схемы фальсифицировать не могут, так как она введена как схема членения всемирной истории, то есть как идеализированная типология. Идеализация же в данном случае – необходимое сокращение числа признаков, принимаемое за единицу модели, задача которой – фиксация целостного и непрерывного характера социального развития (в аспекте связи общих законов развития и форм их реализации). Историческая же типология может быть сколь угодно сложной, имея формационный ряд в качестве ряда моделирующих типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. – М.: Наука, 1973. – 230 с.
2. Барг М.А. Структурный анализ в историческом исследовании // Вопросы философии. – 1964, № 10. – С. 83-92.
3. Барг М.А. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений. – М., 1970. – С. 249-293.
4. Гулыга А.В. История как наука // Философские проблемы исторической науки. – М., 1969. – С. 7-50.
5. Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968, № 2. – С. 118-129.
6. Гуревич А.Я. Об исторической закономерности. Философские проблемы исторической науки. – М., 1969. – С. 51-79.
7. Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. – 191 с. гл.1, § 4.
8. Киссель М.А. К изучению структуры исторического исследования // Проблемы методологии социального познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – С. 91-110.
9. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 5-9.
10. Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 19. И – С. 400-421.
11. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 28. – С. 212-216.
12. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46, ч. I. – С. 1-564.
13. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока: Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства) / Редкол.: Г.Ф. Ким (отв. ред.), В.Н. Никифоров и др. – М.: Наука, 1966. – 248 с.
14. Сметанкина Л.В., Огарков А.Н. К истории становления социальной философии XX века: вокруг дискуссии об азиатском способе производства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. -2021. -№07. -С. 84-88 DOI 10.37882/2500-3682.2021.07.12
15. Ципко А.И. Некоторые философские аспекты теории социализма. – М.: Наука, 1983. – 216 с./

16. Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 19. – С. 327-345.
 17. Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 6 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 28. – С. 216-223.
 18. Hempel C.G. Aspects of Scientific Explanation and other essays in the philosophy of science. – Н.; Л., 1966., с.231.

© Сметанкина Людмила Васильевна (lsmetankina.umo@mail.ru), Огарков Александр Николаевич (suer53@inbox.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица

СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В СТРУКТУРЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ КОНТРОЛИРУЕМОГО ЕЕ РАЗВИТИЯ

Шустов Александр Федорович

*Д.ф.н., профессор, Брянский государственный
аграрный университет
shustovaf@mail.ru*

THE SOCIAL COMPONENT IN THE STRUCTURE OF TECHNICAL ACTIVITY AS AN OPPORTUNITY FOR ITS CONTROLLED DEVELOPMENT

A. Shustov

Summary: The object of the study is technical activity. The purpose of the study is to analyze the structural components and specifics of technical activity in order to identify the social aspects of its development and to show the possibility of a controlled direction of its development. This will help to avoid its destructive manifestations in social life.

Keywords: activities, technical activities, technology, norms, values, needs, subject to technical activities, subject to technical activities.

Аннотация: Объектом исследования является техническая деятельность. Задача исследования проанализировать структурные компоненты и специфику технической деятельности с целью выявления социальных аспектов ее развития и показать возможность контролируемой направленности ее развития. Что позволит избежать деструктивных ее проявлений в социальной жизни.

Ключевые слова: деятельность, техническая деятельность, техника, нормы, ценности, потребности, субъект технической деятельности, объект технической деятельности.

Современный этап развития общества характеризуется проникновением техники во все сферы как социальной жизни человека, так в мир природы. И такое тотальное вторжение носит порой неоднозначный характер, наряду с положительным, прогрессивным ее влиянием, способствующим развитию, как общества, так и человека. Имеется и вторая сторона, которая характеризуется деструктивным проявлением техники, что выражается в экологической проблематике, подавлении культуры и различные формы зависимости от нее человека. Встает и все более разрастается проблема о возможности контролируемого развития технической деятельности

В данной статье мы рассмотрим природу и структуру технической деятельности, с выявления механизмов ее контролируемого развития. Деятельность — это некая активность система поступков, которая направлена на целесообразное изменение природных и социальных объектов. Смысл человеческой деятельности состоит в хранении, накоплении и передачи социально значимой информации. На определенном этапе человеческой истории потребовалось создать механизм внегенетической передачи социально значимой информации, с целью расширения социальных возможностей человека в различных областях культуры и деятельности.

В структуру любой человеческой деятельности входят основные компоненты: целенаправленность, преобразовательный, ценностно-нормативный. Рассмотрим

эти выделенные компоненты и выделим их специфику в структуре технической деятельности.

Любая человеческая деятельность носит целенаправленный характер это и является ее отличительной чертой. Человеческая деятельность отличается продуктивностью, предварительным анализом проблемной ситуации, выбором последовательности действий, механизмов и способов её применения. Неотъемлемым атрибутом человеческой деятельности выступает создание мыслительной схемы, проекта, образа в зависимости от поставленной цели и проблемной ситуации. Идеальное построение действий, мыслительных вариантов и предполагаемых результатов дает возможность выбора цели, последовательности действий различным актам деятельности. Деятельность определяется осознанной целью, поэтому она носит целенаправленный характер, однако сами цели порождаются контекстом человеческого существования, сферой человеческих потребностей, мотивов, идеалов, ценностей. В деятельности осуществляется диалектическое единство субъективных и объективных сторон детерминации.

Поэтому, социальные потребности, мотивы и стимулы показывают, как объективная детерминация реализуется в процессе субъективной технической деятельности и, выступая самим механизмом этой реализации, дает возможность более четко осмыслить конкретный процесс причинной обусловленности технической деятельности. Начальным этапом детерминации вы-

ступают объективные условия жизни людей, которые порождают у них определенные потребности и цели. В ходе этого механизма происходит переход объективной детерминации в субъективную. Элементами этого механизма выступают: сложный процесс осознание потребностей, определение целей к которым нужно стремиться, разработка программы действий, выбор средств её осуществления.

Идеальная конструкция модели будущей деятельности будет продуктивной, если она несет в себе определенные свойства, которые вырабатываются в процессе исторического становления человека. Это, цель как проект будущей деятельности и её продукт должна быть представлена человеку субъективно, как образ, которым он может свободно оперировать. Продукт деятельности определяется тем, в какой мере идеальная цель, проект воплощает в себе объективные свойства и характеристики предмета. Если в проект заложены недостоверные или неточные знания о действительности, то и результат реализации этого проекта будет отрицательным. Поэтому, чтобы цель как идеальная модель будущей деятельности была продуктивной, она должна выражать существенные характеристики явлений, выявлять их объективные структуры и связи.

Социальные цели, реализующиеся в технической деятельности, выступают механизмом развития не только мира технического, но и служат общественному развитию в целом. Смысл целеполагания в технической деятельности проявляется в создании технических объектов для решения социальных целей, поскольку любая цель реализуется с помощью набора различных средств, а эти средства не существуют вне определенной цели. Интересные мысли о механизме целеполагающей деятельности были высказаны ещё Гегелем.

“Разум, - по его меткому замечанию - столь же хитёр, сколь и могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредующей деятельности, которая, позволив, объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет свою собственную цель”[1, с. 397]. Он впервые показал непростой характер детерминации технического развития в ходе, которого в технических средствах противоречивым образом воплощаются две формы объективного процесса - природного и социального.

Субъект технической деятельности, воплощает свои знания, способности, потребности в созданных им технических объектах, реализует в них свою цель. Специфика технической деятельности определяется тем, что результат этой деятельности предполагает разработку новых видов технических объектов, средством достижения цели которой она выступает. В силу этого в ней скла-

дывается специфическое соотношение между целью и результатом, материальным и идеальным, субъектом и объектом. В других формах деятельности реализованная цель безразлична к последующему его функционированию. Воплотившись в материальном объекте, она исчезает. В продуктах технической деятельности реализованная цель выступает основанием для ее последующего развития. Поэтому технический объект как целесообразный феномен является связывающим звеном между предшествующей деятельностью по созданию техники и будущей деятельности по ее применению.

Смысл деятельности по использованию техники, как продукта предшествующего труда состоит в первую очередь в том, чтобы была раскрыта цель, заключенная в ней ранее, что позволяет сохранить историческую связь поколений субъектов технической деятельности, а также традицию единства между прошлыми и современными видами и формами деятельности.

Преобразовательный аспект. Любая человеческая деятельность направлена на преобразование природных и социальных объектов вне субъекта деятельности, в результате чего выступает нечто новое не существовавшее ранее. Каган М.С. отмечает: “Для преобразовательной деятельности как таковой безразлично кто именно является преобразующим субъектом, что именно является преобразующим объектом, в какой конкретной форме и на каком уровне осуществляется само это преобразование”[2, с. 54]

Посредством техники раскрываются преобразовательные возможности человека, благодаря которым он способен изменять мир, т.е. она участвует в развитии преобразовательных способностей субъекта, усиливает их, что позволяет раскрывать новые «потаенности бытия». Это позволяет субъекту деятельности раскрывать сущностные моменты мира природы с помощью создания новых технических средств. В результате этой деятельности происходит преобразование природного вещества в технические объекты, в которых снимается природная форма вещества, от своего естественного состояния. Т.е. мир естественного, трансформируется в мир искусственного.

В ходе преобразования естественные объекты и явления приобретают новые качества, теперь они управляются не только природными закономерностями, но и зависимых от воли человека социальных закономерностей порождаемых социокультурной системой.

Ценностно-нормативный аспект. Ценности - это необходимая характеристика человеческой деятельности, существенный момент её социальной природы. Они присущи как субъекту деятельности, так и результату деятельности в целом. Как уже, отмечалось выше,

деятельность представляет собой механизм передачи социально значимой информации. В этом механизме раскрывается роль техники как социокультурного феномена, вплетенного в механизм социального наследования. Ценностно-нормативный аспект является одним из важнейших в механизме социального наследования. Содержание ценностного отношения задается социальной формой применения техники и культурными установками в целом, что выражается в ценностных установках того или иного субъекта. Понятие «ценностной установки» отражает реальный механизм освоения человеком налично существующих ценностей, механизм связи между ценностным объектом и интересами и потребностями субъекта.

Успешное функционирование технических объектов зависит от их ориентированности на экономические показатели и культурные ценности. Это проявляется в социальном заказе общества к деятельным установкам по созданию новых технических объектов и реконструкции уже существующих. Поэтому необходима комплексная социальная оценка их разнообразных функциональных характеристик. Социальная оценка объектов технической деятельности должна начинаться с определения базовых технических потребностей общества, средством реализации которых являются технические системы [3 с. 3].

И только после всесторонней социальной оценки создаваемых проектов можно в полном объеме формировать технические задачи, технические идеи, технические решения, которые закладываются в развитие технологии, понимаемой как способ оптимальной организации технической деятельности

Технический объект в ходе технологического взаимодействия позволяет изменять возможности функционирования данной технологии. Поэтому в технологии осуществляется поиск оптимального функционирования технической деятельности.

В данной статье, в нашу задачу не входит поиск смысловых оттенков в понимании понятий «техника» и «технология», отметим лишь, что общим для них является преобразовательная деятельность человека, и все они являются объектами технической деятельности. Т.к. она в широком смысле слова означает не только создание, но и использование техники. Т.е. в неё входят исследование, проектирование, изготовление и эксплуатация техники.

Благодаря технической деятельности, человек создал новую реальность, положив начало отсчету социального времени. Способность человека создавать разнообразные орудия и средства труда, приспособлять одни силы для борьбы с другими и выделили

его из животного мира и явились решающим фактором выживания человека

С развитием технической деятельности естественный отбор стал оказывать второстепенное влияние на изменение человеческого организма. Ему теперь не требовалось перестраиваться биологически, достаточно было изменить технологию. Техническая деятельность выступает как глубинный архитип в сознании человека деятельного «Homo faber». Способность создавать искусственные объекты лежит в самой природе человека, об этом пишут многие философы. «Природа человека — это его искусственность» - писал К. Ясперс [4 с. 81]. Э. Кассирер рассуждает о некоем законе естественной искусственности [5, с. 14], применительно к человеку и плодам его деятельности.

Характерной особенностью технической деятельности является создание искусственных объектов и поддержание их в функциональном состоянии, т.е. таких объектов, которые без человека в природе не встречаются, которые созданы человеком и функционируют благодаря его усилиям. В деятельности человека можно выделить объектную и субъектную стороны. Для того чтобы прояснить возможность контролируемого развития технической деятельности методологически важно кратко остановиться на характеристиках субъекта и объекта её составляющих.

Целеполагающим элементом технической деятельности является субъект. Само понятие «субъект» фиксирует активность индивида по отношению к объекту, целенаправленность его интереса и действий. Структурной организацией субъекта может выступать индивид, так и социальная группа. Субъект выступает не только целеполагающим существом, он носитель определенного уровня знаний, образованности, ориентирующийся на те или иные идеалы и нормы культуры. Когда речь идет о коллективном субъекте, то кроме общей цели он характеризуется и общими социокультурными характеристиками.

Духовная ориентация является неотъемлемой характеристикой субъекта технической деятельности, а значит, тесно связана с ценностями и нормами культуры и ею определяются.

Субъект технической деятельности является носителем социальных норм, культурных ценностей, технологических компетенций, которые проявляются в новых формах технической деятельности и это позволяет функционировать механизму социальной передачи информации и развитию самого субъекта технической деятельности. Субъект технической деятельности содержит в себе технические способности, потребности и знания. При создании технических объектов он использует есте-

ственнонаучные, технические знания, а также учитывает этические и эстетические ценности культуры.

Объект технической деятельности есть результат превращения природных образований в искусственные материальные образования. Внутренняя структура объекта технической деятельности представлена набором предметов, поставленных в определенные отношения и взаимодействия друг с другом согласно целям деятельности. Поставленность здесь следует понимать в особом смысле, который развит в трудах М. Хайдеггера: "Поставом мы зовем собирающее начало той установки, которая ставит, т.е. заставляет человека выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего в наличии. Поставом называется тот способ раскрытия потаенности, который правит существом современной техники, сам не являясь ничем техническим".[6 с.55]

Понятие "технический объект" фиксирует не только наиболее важные стороны технических устройств, технических материалов и технологических взаимодействий. Оно позволяет выделить сферу объективной реальности, противостоящую субъекту в его технической деятельности. Технический объект — это то, на что направлена техническая деятельность, что противостоит познавательной и преобразующей деятельности субъекта. Технический объект содержит в себе две ипостаси: природную и социальную. Социальная составляющая в техническом объекте говорит об искусственной его природе. Искусственные устройства обладают качеством технического объекта только во взаимодействии с использующим их субъектом, владеющим навыками применения этих устройств для достижения своих целей. Утратив это взаимодействие, предоставленный сам себе технический объект становится одним из предметов внешнего мира. Социальная оценка особенностей технических объектов рассматривается через призму их функционирования. Техническая функция обозначает как привносимый объектом полезный эффект, так и область применения технического средства, поскольку

она зависит от характера полезного эффекта.

Процесс формирования технического объекта включает в себя в снятом виде различные виды знаний, практических навыков, эстетических норм. Поскольку все эти составляющие обладают автономностью от мира технического и как сфера деятельности и как объект познания они могут считаться её компонентами.

Технический объект это не просто предмет, обладающий определенными свойствами, а предмет, служащий определенным целям, предмет, предназначенный содействовать их реализации. Объект технической деятельности имеет ряд присущих только ему существенных свойств, которые отличают его от объектов других форм деятельности. В процессе развития технической деятельности искусственные объекты постепенно вытесняют естественные формы. Характер возникновения и развития искусственных образований существенно отличается от естественных, т.к. развитие технических объектов обуславливается не естественной эволюцией, а деятельностью человека основанной на внешней необходимости.

Мир естественного и искусственного не отделены китайской стеной друг от друга, а находятся в пространственно-временном и социо-природном единстве. Развитие технического объекта зависит от всестороннего развития субъекта. Т.е. субъект выступает социальным катализатором развития технического объекта. Из этого можно сделать вывод, что техническое новое это отражение социокультурных, ценностных отношений человека к миру и осознание своего места в мире [7, с.59].

Специфика технической деятельности в том, что она способна пересматривать и совершенствовать лежащие в её основании программы, способна к неограниченному "перепрограммированию". Такое "перепрограммирование" зависит от субъекта технической деятельности и от социокультурного пространства, в которое он включен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1977. Т. 2. С. 397
2. Каган М.С. Человеческая деятельность: монография. М.: Политиздат, 1974. 331 С. 54
3. Шустов А.Ф. Социальная оценка развития техники // Вестник Брянской ГСХА № 6. - 2014- С. 3-5.
4. Ясперс К. Истоки истории и ее смысл. Вып.1. М., 1978. С. 81
5. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М: Прогресс, 1988. С.14
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М., 1985. 450 с.
7. Свицерский А.А. Техногенность ценностей современного общества // Проблемы современного антропосоциального познания. Брянск, 2019. С.55-60

© Шустов Александр Федорович (shustovaf@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Dorofeeva Yu. – PhD student, Russian State Social University, Moscow

Gadzhieva U. – Ph. D., Associate Professor, Dagestan State University

Huseynova S. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Azerbaijan Higher Military School named after Heydar Aliyev

Kazantseva D. – candidate of psychological sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don

Kravchenko P. – Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Malchenkov S. – Candidate of History, Associate Professor, National Research Ogarev, Mordovia State University (Saransk)

Mishin Iu. – Lecturer, State Budget Education Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol)

Nemtseva A. – Senior Lecturer, Baikal State University

Ogarkov A. – Candidate of Philosophical Sciences, assistant professor, Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A.L. Stieglitz"

Petrova E. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Russian State Social University, Moscow

Our authors

Pugachev O. – Doctor of Philosophy, Professor, Penza State Agrarian University

Pugacheva N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Penza State Agrarian University

Puhir V. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian State University named after A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art.)

Savrey V. – PhD in philosophy, Moscow State University

Shustov A. – doctor of philosophy, Professor, Bryansk State Agrarian University

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Smetankina L. – Doctor of Philosophical Sciences, Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education "Marshal Budyonny Military Signal Academy" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Svidersky A. – Senior lecturer, Bryansk State Agrarian University

Tarasov S. – candidate of psychological sciences, Associate Professor, Penza State University, Penza

Tuzhikova E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University

Zabolotny N. – The applicant, Lomonosov Moscow State University

Zhang Rui – Associate Professor, University of Heihe, Heihe (China)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).